

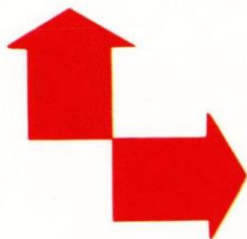
ВЛАДИМИР ХОЛОБОК

КРАСНЫЙ УГОЛОК КАПИТАЛИЗМА

100

СМЕШНЫХ
РАССКАЗОВ

ВЛАДИМИР ХОЛОБОК

КРАСНЫЙ
уголок
КАПИТАЛИЗМА

100

смешных
рассказов

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
1997

ББК 84.Р7
Х73

Рисунки С. Айнутдинова и А. Пяткова

4702010201—002
X ----- Без объявл.—97
М 158(03)—97
ISBN 5-7529-0663-6

© Холобок В. И., 1997
© Айнутдинов С. С., ил., 1997
© Пятков А. В., ил., оформл., 1997

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ ИЗ БУДУЩЕГО

Здравствуй, мой далекий потомок. Из глубины своих веков я вижу... Ох ты какой! Гордый, неподкупный, ясно-мыслящий. Не пьющий, не курящий. Что тебе наше переломное время. Ты, может, уже и на русс ком-то не читаешь. Или читаешь и брезгуешь? И сразу переводишь на английский? Ну, ладно, не обижайся. Это я так, к слову. Вижу, что ты уже рубаху рванул на груди, не дашь Россию-матушку в обиду! Молодец. Тогда слушай.

Я пятнадцать лет писал эту книгу. Чтобы пробиться к тебе, чтобы рассказать, как нам всем было весело с 1981-го по 1996-й. И далее — со всеми остановками.

Конечно, ты в некоторых рассказах можешь не понять, почему это я особое внимание уделяю показанию часов: 11.00 часов, 2.00 часа дня, 7.00 часов вечера. О! — это магические цифры социализма. Это время открытия и закрытия винных отделов. Эти цифры сидят и в твоей крови. Ведь ты же начинаешь испытывать беспокойство, доходящее до отчаяния, именно в это время? В 11, в 14 и в 19. Почему? Да потому, что твои предки мужественно сражались у входа в винный магазин и, видимо, побеждали. Ведь ты же есть на белом свете. Одиннадцать, четырнадцать, девятнадцать. Три цифры. В 11.00 — открывались в выходные дни. В 14.00 — в будни. А в 19.00 — все! Закрывались. Наступала беда. Три цифры. И два талона в месяц на человека.

Горбачев (полит. деят.) хотел искоренить пьянство, но искоренил сам. Обо всем этом ты прочтешь в главе «Винный отдел».

Конечно, ты живешь там в своем далеком изобилии и не знаешь, а как оно было до 92-го года. Ты же не знаешь, что такое дефицит и очереди. Ты же... Слушай, давай познакомимся. Я — Володя, а ты? Коля? Ну вот, познакомились, Николай. Теперь можно и на «вы» переходить. Вот, послушайте, Николай Иванович... Ну, ладно, Коля, ладно, вот послушай. Ты же не знаешь, что такое Первый закон социализма. Он гласит: «Всем все равно не хватит». Мало того, что он гласил, но он еще и действовал. Зубы починить — в очередь на два года. Тряпку

какую для жены купить — в очередь. Это еще хорошо, если есть очередь. Значит, есть товар. Но его было так мало. В гостиницах — мест нет. На самолет — билеты проданы. Что такое банан на Урале, мы узнали 12 февраля 1992 года в 14 часов 15 минут. Да что я тебе рассказываю. Читай об этом в разделе «Первый закон социализма».

А все равно было весело. Чего-то строили, кому-то помогали, кому-то грозили. Детишки даже рождались. И тоже вносили свою лепту. Полистайте «Семейный альбом».

А когда Гайдар (полит. деят.) реформы объявил, потребовались предприимчивые люди. Вот тут-то комсомольцы и пригодились. Как ринулись в бизнес организованно, так коммунизму наступил капут. Так что комсомольцы — могильщики коммунизма. Потом к ним спортсмены подключились, потом — афганцы. А уж когда из тюрем ребята-цеховики вышли, тут и расцвел бутон изобилия.

Так что помни, Коля, какие люди тебе мостили дорогу в светлое будущее. И я был среди них. Я и сейчас неплохо живу. У меня даже машина есть. А у тебя — самолет? А-а, ну тогда конечно.

А я так скажу, Коля, хоть у меня и нет самолета, но я летаю. Как хорошо взлететь над белым, чистым листом бумаги. Кайф! Покружиться над ним, покуражиться, а потом сесть где-нибудь в уголке в виде подписи:

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Р. С. Пока', written in a cursive style with a long horizontal line underneath.

Р. С. Пока, Коля.
Живи и наслаждайся.

*Моей жене Наташе
посвящается*

До чего же мы разные

Как плохо быть высоким и широким. Как плохо быть большим и длинным. Как плохо, когда на костюм тебе надо не два с половиной метра габардина, а три с половиной, а на завтрак тебе надо не три с половиной яйца, а восемнадцать и с колбасой. И на все на это — тот же оклад инженера. Точь-в-точь, как у Поросяткина, который в два раза меньше и в три раза легче меня. Он восемнадцать граммов сбросил — все заметили и поздравили его со стройностью и красотой. А я свой личный пуд сбросил — никто не заметил, но все поздравили и сказали: молодец, поправился.

Поросяткин измеряется своим ростом, а я измеряюсь высотой над уровнем моря и шириной по уровню стола. Поросяткин в автобусе — желанный пассажир, товарищ.

гражданин, молодой человек, а меня зовут «скала на полтора кубометра».

И не говорите мне, что девушки проще влюбляются в больших и высоких и сложнее — в маленьких и худых. Нет, они любят всяких, главное, чтоб с мужским именем, например Женя, Шура или Валя. А маленьких они любят даже больше. Ведь зарплата того же Поросяткина в переводе на один килограмм его живого веса в три раза выше, чем у меня. Так кого же девушки вперед полюбят, его с бутылкой коньяка и с баночкой икры или меня с рюмкой пива и шестью мисками супа? Его — вперед, меня — позже.

Совершенно ясно, что маленьким и худым экономически выгоднее. Естественный отбор идет в их пользу.

А я страдаю. Концы с концами не могу свести из-за своих габаритов. Зато Поросяткин, подлец, интенсивно кладет на книжку. И мне обидно. Два совершенно разных человека, я и Поросяткин, в день полочки — близнецы. Перед лицом ведомости мы абсолютно одинаковые. Только он смеется, а я плачу. В день полочки. Перед лицом ведомости.

Зато когда я прихожу домой, то начинаю смеяться. Над Поросяткиным. Получили то мы с ним одинаково, но ведь он всю работу в отделе тащит. Он неофициальный лидер, а я официальный балласт. Но меня это не касается! Положено поровну — и все! Так что все нормально. Вот только с габаритами не повезло. Но бог с ними. Зато удовлетворен морально.

Но если, не дай бог, инженерам начнут платить в зависимости от вложенного труда, что же мне делать? Ведь тогда, чего доброго, работать придется...

Нюхач

О! Столовой пахнет... А там — рестораном... У меня ню-ю-юх и-зю-мительный. Там метро... А там — цирк... Бегемотом пахнет дрессированным. От дрессированных запах тоньше, интеллигентнее. Я по запаху что хочешь определю, любого человека насквозь чую. Дал Бог нос.

Вот идет, идет, идет. Весь с иголочки, очки «хамелеон». Сейчас узнаем, чем дышит, чем пахнет... Жулик. Ой, жули-и-ик, ой, матерый жулище...

...А вот маленький жулик прошел. Жу-у-уличек такой. Начинающий. Запашишко от него слабый еще, но уже ядреный.

У, меня на этих жуликов ню-ю-юх — и-зю-мительный. Шибко они пахнут нехорошо, аж чихнуть хочется.

Товарищи из районного ОБХССа узнали про мою способность, просят: Мухтар Иванович, помоги заперенговать жулье по запаху.

Я к ним в ОБХСС зашел, понюхал. Чистенько. Запахи мужские. Наши запахи — честные, принципиальные. Дали мне сотрудника в штатском, пошли мы в рейд жулье вынюхивать.

Я говорю сотруднику, куда пойдём? Жулика я где хочешь учую. Может, на мясокомбинат?

Он говорит:

— Там даже и я учую.

— Ну, тогда на базу?

Он говорит, не-е-ет, с твоим нюхом надо проверять передовое предприятие. И мы пошли. Обычное предприятие. Но передовое. Служебный вход, «Волги» стоят. А из подъезда... так жуликами вест, что нос чуть не отрывает. Я говорю, дай занюхать чем-нибудь. А то нюх отшибает. Ну, хоть профсоюзным билетом. Понюхал я билет честного человека — и в кабинет к главному. Главный — навстречу и руку жмет. А от него таким вест, что я профсоюзный билет от носа убрать не решаюсь.

Нюх отшибет. Но, смотрю, и он ко мне принюхивается. И говорит:

— О! ОБХСС явился. Пожалте нюхать.

Тоже все чует. Недаром главным сидит. Вижу, мой запах его испугал. Рубашка у него на загривке поднялась вот на столько. Схватил со стола липовую бумажку и занюхивает мой честный принципиальный запах. А я говорю: где бухгалтер?

Бухгалтер заходит и с порога давай носом дергать. Ноздри как два пылесоса работают. Прочихался и говорит:

— Не иначе ревизией пахнет.

Я им говорю:

— Сами будете сдаваться или как?

Бухгалтер говорит:

— Передовики не сдаются.

А главный добавляет:

— Вы этот вымпел видели? За первое место.

Снимает вымпел и мне в нос сует. А от вымпела такой липой пахнуло, что у меня нос — набок.

Я говорю: давайте отчеты, акты, ведомости. Беру ведомость, нюхаю, говорю:

— Приписки на две тыщи.

Бухгалтер осунулся, говорит:

— На тыщу девятьсот... девяносто два.

— Ну, я же на глазок нюхаю. Так как, сдаетесь?

Они говорят:

— Честные люди не сдаются.

Тогда я беру акт, нюхаю — фиктивный. Сдаются? Не сдаются. Беру отчет, нюхаю — у меня аж глаза на лоб. Они говорят: сдаемся.

Потому нюх у меня — изумительный.

Про меня легенды пошли. Жулье в бани бросилось, запах отмывать. В финских банях таблички висели: «Спецобслуживание». Кто не жулик — туда попасть не мог. Со стиральным порошком перебои начались. Комариная мазь в аптеках пропала. Да хоть бы и дустом намазались — я их все равно чую. Оно изнутри пахнет. Унутрянной запах от жулья. И несет чем-то не нашим. Наши-то запахи легкие, устранимые, если поработать.

В общем, в нашем районе жулью жизни не стало. Начали они вешаться. Один за другим. Вешаются на меня и просят: не погуби.

Слава обо мне до жены докатилась. Утром она встает, второй тапок найти не может. Берет первый и говорит:

— Мухтар, ко мне! Нюхай, нюхай, след.

Я ей тапок нахожу и приношу.

Сейчас в нашем районе постороннего душка уже нет. Весь народ чистый сосновый запах дает. Озон!

С завтрашнего дня в другой район перехожу. Пусть готовятся товарищи жулики.

Нюх у меня — и-зю-мительный.

Частник

Я не наблюдательный, но я давно за ним наблюдаю. И таким собственником себя чувствую, стыдно, честно слово. У меня все свое, личное. А у него ничего личного нет. Может, поэтому он такой задумчивый.

У нас с ним — дома напротив, квартиры — окно в окно. Только у него государственная, а у меня — кооперативная. Кооперативная — значит, своя, личная. А у него своей нет. Значит, я собственник. Стыдно, честно слово.

Я от своей кооперативной квартиры отказываться пробовал. Говорю, пусть она государственной будет, деньги за нее верните, а я в ней просто жить буду. Как тот задумчивый. Чо-то не приняли квартиру. Так и живу в ней. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Задумчивый едет на рыбалку на государственной машине впереди моего автобуса. А у меня дома велосипед есть. Свой. А у него и велосипеда даже нет.

Ему в ресторане на банкете счет дают. Он сидит задумчивый и руками разводит. Видимо, и денег своих нет. Профсоюз за него рассчитывается. А я в ресторане, как король какой, семь пятьдесят оставил. Еще на чай дал, 30 копеек. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Люди вон живут, ничего своего не имеют и не жалуются. А я о «Жигулях» личных мечтаю. О даче личной думаю. И вот взял купил. Вилла на берегу озера. Выменял ее на велосипед. И вот вылезает я из виллы, на ноги встаю, отряхиваюсь, глядь, а напротив — особняк в три этажа. А на балконе он сидит, задумчивый. А на железных воротах — вывеска: база отдыха трудящихся треста. У меня слеза брызнула, жалко человека, ничего своего нет. А я стою, локтем оперся на крышу своей виллы и думаю: частник я паршивый, стыдно, честно слово.

С горя пошел лодку купил. За пятерку отдали. Выгребую на середину озера, вдруг слева меня катер обходит. За рулем — егерь, а сзади на сиденье — он, задумчивый. Я знаю, катер не личный, а государственный. А я из своей личной лодки воду пригоршнями вычерпываю и переживаю. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Думаю, натаскаю сейчас язей и всех выпущу обратно. Потому что сейчас нельзя, они икру мечут. Жду поклевки. И вот хапнуло. Крупная, даже поплавок шевельнулся. Вытащил — ерш. Снимаю его с крючка, а тут катер обратно возвращается. Они уже проверили сети. Егерю штраф за ерша я заплатил. Правда, ерша не конфисковали. У них язей пол-лодки было, говорят, к общественному столу. Я же ерша к своему личному столу хотел приспособить. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Когда лодка моя затонула, мы с ершом свободно до берега доплыли. Но там мой ерш ожил и ушел в открытое озеро. Так мне и надо. Частник я паршивый, стыдно, честно слово.

Я бы и сейчас переживал за себя, но задумчивый исчез куда-то. А мне сказали, кто государственным любит пользоваться, того сейчас переводят на полное государственное обеспечение. Видимо, задумчивого уже перевели. А я так и живу собственником. Частник я. Зато не стыдно стало. Честно слово.

Облава

У-у, я этих частников всей кожей ненавижу! Машин накупили и ездят перед глазами укором моему пешему путешествию по жизни. Ну, как же я к нему, к такому автовладельцу, относиться должен? Когда я — в автобусе припечатан к стеклу, а он — в машине в белой рубашке? Только с ненавистью.

И я решил: так больше продолжаться не может! Надо хоть одного такого частника стереть с лица земли нашей многострадальной. Выбрал объект, стал изучать. Мужик служит профессором в университете, ездит на «Запорожце». Бросает вызов обществу своим достатком и бессовестно едет прямо перед глазами. А почему я его выбрал? — потому что гараж его прямо во дворе дома стоит. Такой железный, обшарпанный. Но ведь все равно — частная собственность.

Стал я собирать на этого профессора досье. Во-первых, почему гараж во дворе? А не за чертой города? Это же какое ему облегчение — вышел из дома, сел в машину и поехал.

Потом жалобу написал. Мол, профессор Кругляшов, хоть и уважаемый, наверное, в своем коллективе человек, а по отношению к жильцам двора ведет себя вызывающе. Все ночи напролет стучит замком об свой железный гараж и скрипит петлями ворот. А потом по несколько часов прогревает двигатель своего роскошного лимузина и травит газами всю окружающую среду: собак, кошек, жильцов дома и помидорные кусты на балконах.

Подписи под жалобой народ ставил охотно. Особенно старушки пенсионерки.

Комиссия проверила, дала нашей инициативной группе ответ, что, мол, факты подтвердились, но гараж разрешено этому Кругляшову оставить на месте, потому что он участник войны.

Вот пострел, везде поспел! И в профессора записался, и в участники.

Но после этого случая перепугался он сильно. Мы с радостью все из окон наблюдали, как он весь день петли у гаража сливочным маслом мазал, как гараж краской защитного цвета красил, как резиновые чулки на замки надевал, как вокруг гаража озеленял территорию — вишневые кустики посадил.

Потом он на поклон ко мне пришел, для переговоров.

— Извините,— говорит,— вы председатель кооператива по борьбе с частной собственностью?

Я сразу отрезал:

— Не о чем нам говорить. Я с такими только с позиции злости беседую.

Он извинился и ушел. Ну прямо такой вежливый, смотреть противно. Тьфу! Я пока ему вслед смотрел, у меня в голове следующая жалоба родилась. Мол, что на машине он ездить продолжает, а к этому добавились и другие безобразия. Например, он самовольно захватил земельный участок возле гаража и засадил его вишнями с целью спекулятивной продажи урожая. Другую часть урожая он собирается использовать для приготовления спиртных напитков. Ими он намерен угощать студентов, у которых принимает экзамены прямо в гараже.

Я когда подписи под жалобой собирал, все старушки головами качали:

— Вот бесстыжий, вот бесстыжий...

А один пенсионер посоветовал:

— Надо бы его с поличным поймать, тогда от суда он не отвертится.

И мы всем домом устроили засаду с целью последующей облавы. В первом оцеплении у нас стояли пионеры с красными повязками. В кустах лежали пенсионеры с трещотками. А возле гаража — мы, молодежь пятидесятилетняя, с предметами домашнего обихода на изготовку.

Сутки прождали — нет профессора. Послали делегацию к жене. Она сказала, извините, он на даче. Нас всех прямо такая злость взяла. Он, видите ли, на даче отдыхает, а мы под зноем и дождем должны его караулить.

Да и потери уже несем немалые. Дети в школу не ходили. Двух старушек застудили ночью. Один пенсионер солнечный удар получил днем. Их когда в «скорую» грузили, они на прощанье шептали:

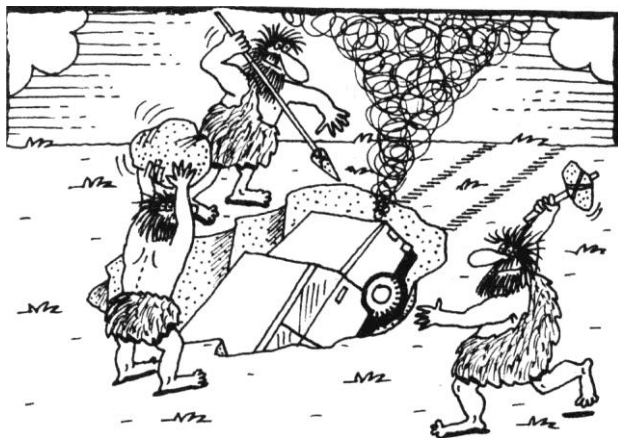
— Только живьем берите, живьем...

На третьи сутки под утро появился наш красавец. Пионеры из первого оцепления проморгали его, уснули на посту. Старушек с трещотками в кустах не осталось ни одной, все пострадали на почве погодных условий и бессонницы. Их эвакуировали по квартирам. Только мы, молодежь пятидесятилетия, и остались один на один с врагом. Человек 16 нас всего-то. Но самые крепкие и яростные. Лежим мы за гаражом в каком-то навозе и видим: точно, он приехал. И не один — со студенткой. Вон она, на переднем сиденье, такая толстенькая. Решили мы, пусть они в гараж заедут, а там их и накроем с поличным во время сдачи зачета.

Заехали они в гараж, и минут через пять профессор там кряхтеть начал. Я скомандовал:

— В атаку!

И мы ворвались в гараж. Профессор возле машины стоит и обнимает студентку на переднем сиденье. Мы закричали:

— Руки вверх! Пусть студентка из машины выйдет. Он с испугу руки опустил. Смотрим, а на сиденье мешок картошки. Видимо, с дачи привез.

В это время из подъезда к «скорой помощи» выносили одну застуженную старушку на носилках. Она как увидела профессора, с носилок соскочила, подбежала к нему и закричала:

— Где девку прячешь, бесстыжая морда?

Профессор посмотрел на нас, посмотрел и протянул мне ключи:

— Возьмите ключи от машины, дачи и гаража.

А сам повернулся и ушел. Ну, все карты спутал. Мы, чтобы восстановить наш воинственный дух, мешок проверили — одна картошка, ни одной студентки.

Пришлось ключи ему возвращать.

Ну, ничего. С завтрашнего дня меняю объект наблюдений. У нас тетка одна такого шикарного пса завела, 300 рублей щенок. По национальности сэр-Бернар. Я уже с соседями переговорил, поддержка в народе есть. Действительно, что же это мы, простые смертные, будем ходить и под взглядами хулиганов ежиться, а она своим псом этих хулиганов ежить будет. Ишь какая! Несправедливо.

Ну нельзя так жить, по-богатому

Тихо!

Демократов поблизости нет? Нет. Тогда объявляю во весь голос шепотом: я работаю революционером. На сегодня, на 24.00, у меня назначена революция. Конечно, великая социалистическая, вторая! Короче, времени мало, перехожу к делу.

Прочитал в вашей газете про то, как начальник области строит себе дачу. Ощутили вы его хорошо. Молодцы.

Конечно, сейчас все строят. Но позиция газеты правильная: если ты начальник — не моги. Народ тебя не поймет. Надо жить в землянке с лягушкой и вести прием зарубежных гостей. Тогда тебя и гости уважать будут, и народ поддержит.

Так нет же, дачи строят, причем красивые. Ну не для нас это — тяга к красивым дачам, к красивым женам, к красивой жизни. И не надо выпячивать. Вы вспомните нас, большевиков времен застоя. Съел икорки под одеялом, поурчал от счастья, и все в порядке.

Конечно, красоту и я люблю. Я, когда увижу роскошную дачу, млею. Застываю в изумлении, и желание изнутри подкатывает — сжечь! Спалить немедленно! Бензинчиком плеснуть, спичку бросить и наблюдать, как людишки пошли с верхних этажей в кальсонах, как собачки с горящей шерстью потянулись на водоем. А ты стоишь и испытываешь чувство глубокого удовлетворения, равенства и братства.

Но вернемся к даче начальника. Я статью неоднократно внимательно прочитал и понял, что для полного соблюдения социалистической законности у начальника не хватило пары справок. И это возмутительно! Потому что у нас социалистический выбор, выбирай: или ты на каждый кирпич три справки представь, или — вон из страны.

Теперь о подъемном кране. Я до боли в глазах всматривался в фотографию в газете и глазам своим больным не верил. Точно, возле дачи — кран. Ведь он же кирпич наверх подает и создает великое облегчение строителям. А так быть не должно. Надо идти через трудности.

А про бульдозер я уж и не говорю. Да я бы сам под него лег с зажигательной смесью, лишь бы он не прошел.

Ну а теперь о дачном строительстве в целом по земному шару. Да, к сожалению, еще строят. Причем строят все, и губернаторы (по-нашему председатели облизполкомов), и фермеры (по-нашему крестьяне). Строят виллы, ранчо, фазенды и, что самое возмутительное, — особняки. Причем хитро устроились. У них считается, если ты расплатился со строительной корпорацией (по-нашему СМУ), значит, все шито-крыто. А у нас — не-е-ет! Если построился и расплатился — иди под суд. Потому что честный человек у нас не строится, он пьет. Трезвый пьет, а пьяный спит. Два устойчивых состояния честного человека.

Спору нет, этот начальник области на фоне тех губернаторов выглядит честно. Даже как-то кристально выглядит. Да на его месте я бы уже три виллы имел. Ну, в смысле не я, а те губернаторы. Поскольку у них у каждого — по четыре и на Канарских островах — по две. Специально на островах, чтобы туда на своих яхтах ездить. А потом возвращаться в свой штат отдохнувшими и загоревшими, разъезжать на машинах «Альфа-Ромео-Джульетта» и руководить так, что у их детишек от бананов животики болят.

А этот, наш начальник, я бы сказал, как-то даже замешкался, первую дачу строит. И про яхту его пока сообщений нет, хотя вроде бы возле дачи есть болотце.

Но все равно, так быть не должно. Нельзя так жить по-богатому.

Ведь как сказал наш поэт Маяковский?

«Светить, и никаких гвоздей!»

И правильно. Мы и светим задом, и гвоздей нет. Вот так и должно быть. А мы подрасплескали нашу идеологию в Атлантическом океане. И даже в Мавзолей очередь рассосалась, ушла в магазины. И демократам этим, «так называемым» возразить ничего не можем. А как им возразишь, когда у них лбы высокие, аж до ягодич? Тут возражение одно — граната. Чтоб не мешали партии портить жизнь дальше. И вообще, демократ — это звучит «к стенке!». Поэтому я выражаю огромную благодарность журналисту, который выявил недостачу справок по даче начальника и все исфотографировал. Спасибо, ленинец! Приходи сегодня в 24.00 к нам на революцию. Потом напишешь, как мы этих богатеев... Э-эх!

Босиком

И чего они у меня спрашивают все? Пристают, почему это я босиком по улице иду? А может, я на работу иду? Да. Я ведь и иду на работу. На обувную фабрику. У нас многие на работу так идут. Зато с работы — по-другому, в обуви. А разве где-то не так? Зачем, например, официанту брать на работу шашлык? Или врачу — таблетки? Или таксисту — полтинник на обед? Так и я, не беру с собой обувь. Это же естественно.

Кто в столовой работает — голодный на работу идет. Кто на табачной фабрике — без единой сигареты в кармане идет. Кто на ликеро-водочном — на работу идет трезвый. И не надо спрашивать.

Я никогда не спрашиваю продавца из овощного: «Почему вы без помидор на работу идете?»

А у меня спрашивают. Утром — почему босиком? Вечером — почему в женских сапогах? Такое внимание к рядовому работнику.

А у нас на обувной просто гении есть. Вот дед Герасим мусор на лошади вывозит. У него лошадь, как и я, на работу тоже босиком идет. Зато с фабрики везет мусор в туфельках. Две пары ног — две пары туфелек. За один рейс. Правда, с лошадью тоже непросто. Бывает, противится лошадь, не хочет потом туфли снимать. Кушается. Герасим раз силой с нее снимал, так она лягнулась. Ну, туфельки погибли, а Герасим — ничего. Только туловище слегка погнул.

Дед Герасим в юности на мясокомбинате работал. У него вообще страсть к животным. Там он через проходную корову проводил. Сначала он ее дрессировал, чтобы она на задних лапах ходила и непринужденно держалась в обществе. А потом надевал на нее ватные штаны, фуфайку и оренбургский пуховый платок. И выходили они с мясокомбината с коровой под ручку. Под видом парочки.

Правда, на одной корове он пострадал. Выдрессировал он ее, принарядил, она его — под ручку, и идут через проходную. А навстречу — жена. Жена как увидела Герасима с другой женщиной, так на корову и бросилась. А корова — му-му, му-му, ничего понять не может. Держится непринужденно.

В общем, жена корову завалила, вцепилась в Коровину одежду и держит. И все это на глазах у охранника. Охранник ничего понять не может. Думает, у него в глазах двоится. А жена-то у Герасима — одна, попробуй разбери которая. А с другой стороны, разнимать надо женщин, а то плохо кончат. И охранник решил, которая, значит, сильнее и сверху — ту и оттягивать начал. А Герасим охранника начал оттягивать, чтобы, не дай бог, одежда с коровы не слетела. Но в такой суматохе разве одежда удержится? Сначала ватные штаны с коровы слетели, потом фуфайка, потом — оренбургский пуховый платок. Когда охранник увидел голую корову, то стал подозревать, что это не жена Герасима. А жена

Герасима сразу поняла, что это корова. И поняла, что корова трофейная. Теперь охранник стал корову обратно на мясокомбинат загонять, а жена Герасима не хочет отдавать корову. Мясо же... и шкура... Считай, уже почти свои были. Раз за пределами проходной. И опять суматоха началась. Но тут вмешалась милиция. Потом Герасима перевели от коров, значит, к нам на обувную. К лошади приставили.

Сам я тоже иногда неудобства испытываю. Обувь-то разная нужна. Кому — 37-й размер, кому — 49-й. А у меня-то нога — 40-й. Помню, для брата в 51-х сапогах шел. Длинные, как лыжи. Ну, стою, жду автобуса. Автобус подошел и мне на носки сапог наступил, наехал. А я и не подозреваю. Хочу в автобус зайти, а не могу. Дергаюсь. Пассажиры меня с дороги устраниют, а я не устраниюсь. Загородил дверь. Спасибо тому боксеру. Вышиб меня из сапог.

И вот так, идешь на работу, спрашивают: почему босиком? Идешь с работы — почему в комнатных тапочках? Я не такой. Никого не спрашиваю. Летом в шубах идут, в меховых шапках — пусть идут. Я не спрашиваю.

Но однажды спросил одного мужчину. Он, как и я, босиком шел. Но я точно знаю, что на обувной он не работает. Я говорю, вы на работу? Он говорит, да.

— А почему вы босиком? Вы же не на обувной работаете?

— Нет. Я в НИИ работаю, инженером.

И дальше пошлепал. А я подумал, что это йог. Как ни крути, а от них все беды. Такого пусти к нам на фабрику — он и с работы босиком пойдет. Его в пример поставят. Вот она, язва-то откуда идет. Выведем. Не посмотрим, что живучие. Раз йоги — в Индию их. Там все босиком.

Травма

Тут такой случай произошел. Приходят ребята из локомотивного депо и говорят: «Переходи к нам. Зачем этот комбинат тебе нужен? А у нас — заработки». Я думаю: еще раз схожу на комбинат и уволюсь.

Отработал нормально, иду с работы, как обычно, несу с комбината мешок сахара, к чаю. Ну и килограммов восемь дрожжей, к пирогу. В щель забора нормально вылез, метров сто по пустырю прошел. А потом повезло — свалился в яму, вывихнул ногу. Лежу, на звезды любуюсь и думаю: производственная это травма или бытовая? Раз с работы шел — производственная. С другой стороны, сахар и дрожжи нес к чаю, могут посчитать за бытовую. А это невыгодно — сидеть по справке. Да и несправедливо! В самом деле, человек отдал все силы на производстве, поэтому не смог дотянуть до дома и травмировался. По правилам техники безопасности надо акт составлять. Но какой? Акт на травму или на хищение? Лежу, думаю. И тут вижу, по пустырю наш инженер по технике безопасности идет. Тоже с мешком! Такое везение! Только я хотел из траншеи у него проконсультироваться, он — хрясть ногой в яму и рядом лег, контуженый. Мешком сахара ему голову придавило, лежит, не шевелится. Мне пришлось по правилам техники безопасности вдуть жизнь в инженера по технике безопасности. Иначе кто же мне

акт оформит на травму? Я сделал все так, как он сам нас учил. Голову ему запрокинул, освободил рот от посторонних предметов: сахара, дрожжей. И вдул в него жизнь, как положено,— по системе «рот в рот». Очнулся он и говорит: «Это не пустырь, а какое-то минное поле. Сколько здесь наших полегло!»

Я его спрашиваю:

— Ты идти можешь?

— Идти могу, соображать не могу, с головой что-то.

Я говорю:

— А я соображать могу, идти не могу, с ногой что-то.

Получалось, в сумме мы с ним за одного нормального сойдем. Который ходить и соображать может одновременно. Начали мы с ним ходить-соображать, как дальше быть. Вернее, я лежу соображаю, а он вокруг меня ходит.

Я вслух соображаю. Вот хорошо, говорю, начальству нашему. Им не надо по пустырям с мешками горбатиться. Захотел сахара к чаю — дал команду шоферу, и тот вывез пару мешков дрожжей.

Потом говорю: а что мы думаем? Оформляй два акта, что у нас с тобой обе травмы производственные.

Он отвечает:

— Здесь комиссия нужна. А в комиссии представитель профкома.

Так сказал и громко засмеялся. Я думаю: все, свихнулся, прощай, больничный. Но оказалось, он по делу смеялся. По пустырю представитель профкома шел, с мешком.

Мы залегли, ждем. Инженер по ТБ мне шепчет:

— А вдруг он пройдет, не запнется?

Представитель профкома поравнялся с нами, мы ему свистнули, он от дороги отвлекся, и — есть! — член комиссии в яме. Мы его откачали, от сахара отряхнули, спрашиваем: ну как? Он отвечает: плохо, с руками что-то. Инженер по ТБ говорит: ну и хорошо, что плохо. Надо акт на групповую производственную травму оформлять.

Профкомовец говорит:

— Да, хорошо, что члены комиссии у нас все в яме. Но два свидетеля нужны.

Тут мы все трое захохотали. По пустырю два свидетеля с мешками двигались. Мы залегли в траншее и ждем. Подпускаем их ближе, ближе, еще ближе. И тут профкомовец скомандовал:

— Огонь!

Свидетели тоже залегли, мешки бросили и — ползком отступать начали. Но мы из траншеи успели объяснить, что свои мы, что раненые у нас есть, что помощь требуется. Большое дело — взаимовыручка! Они в акте сразу расписались. Подтвердили, что все мы на трамвайной остановке травмировались. Причем с работы шли порожняком.

Две недели я на больничном сидел, чай с сахаром пил, размышлял. Ну, мешок на голову — ладно, пережить можно. А если я в локомотивное депо перейду? Вот так понесешь заднюю часть локомотива — да в яму! Тут травмой не отделаешься. И не нести нельзя. Надо жить, чтобы нести. И нести, чтобы жить.

Не-е-ет! Остаюсь на комбинате. Жить хочется!

Как погода?

Алло, Зина?.. Ну что мы с тобой о погоде да о погоде. Давай о жизни поговорим. Как там у вас... погода?.. Сколько обещали?.. Плюс шесть. А сколько дали?.. Шесть и дали. А нам плюс десять обещали, а дали только пять... Да... Пять градусов дали, а пять недодали. Я тоже думаю, додадут, раз обещали... Но мы и так привыкли. Сейчас и плюс пять теплыми кажутся. Да... А плюс шесть вообще бы счастье было. Я помню, как-то плюс десять обещали, а дали ноль. А потом по градусу добавлять стали: один, два, три. Так нам пять полным счастьем показались. Да. Ну прохладно, так не смертельно же.

Ну ладно, хватит о погоде. Давай о жизни поговорим. Как там у вас погода? Нормальная? Ну и хорошо.

Алло, Зина, я что звоню-то, когда мы с тобой в загс пойдем? Да. А то мама плачет и говорит, доведет она тебя до алиментов и бросит. Не бросишь? Не бросай меня, Зина, а то мама говорит, кому ты будешь потом нужен. Да. Она вообще говорит, не встретиться вам

с Зиной. Мол, Зина на передовом предприятии работает, а я — на отстающем. Говорит, невеста мне нужна с родного, отстающего. Но мы обязательно встретимся, правда? Давай я к тебе приеду и подадим заявление. Когда я приеду? У вас какой день? Вторник. Быстро вы до вторника дожили. А нам до вторника далеко. У нас только пятница. Почему? Так назначили, сказали, пока план не дадим, будут идти пятницы. Да, всего будет семь пятниц. С 30-го по 37-е число. Да нет, с 30-го по 37-е этого месяца. Этого, да. Как зачем нужно? План-то надо выполнять. Мы же сначала отчитываемся, а потом работаем. Отчитался о проделанной работе — будь добрее выполни. Во-от. Так, может, я в среду к тебе приеду, и сразу в загс? В какую среду? Ну, которая в субботу будет. У нас же субботу перенесли на вторник, а вместо четверга будет пятница, вот я в среду к тебе и приеду.

Алло, Зина, ты меня до среды не бросишь? Не бросай меня, Зина, а то мама плачет.

Только ты меня встречай, я вечером приеду. Во сколько? А у вас сейчас сколько? Час ночи. И у нас бы час ночи был, да план за день еще не дали. У нас пока 23 часа 120 минут вечера. А нет, подожди, только что объявили 25 часов ровно. А я приеду в 27 ноль-ноль. Поезд отходит в среду ровно в 27. По четным. Но его отменили и назначили по нечетным.

Алло, Зина, ты до 27 ноль-ноль меня не бросишь? Не бросай меня, а то мама плачет. По четным...

Алло, Зина, а может, ты ко мне приедешь? Когда? Ну, приезжай на праздники в Новый год... Нет, мы еще не встречали. А вы уже встретили? Ну ты приезжай, еще раз встретим.

Алло, Зина, ты меня еще не бросила? Ты только трубку бросила? Трубку бросай, а меня нет. Мы догоним вас, и сразу — в загс. Алло, Зина?.. Трубку бросила.

Права мама. Не встретиться нам с Зиной. Надо искать невесту на родном предприятии.

Взятки гладки

Вот беда! Я говорю — со взятками совсем беда. Столкнулся я с этим делом впервые и сразу обнаружил кошмарную неорганизованность. Прихожу к секретарше и спрашиваю:

— Кому хоть давать-то? И сколько?

Она смотрит ошарашенно.

— Что давать?

— Ну, это... в конверте.

— Вам что надо, товарищ?

— Что всем, то и мне надо.

— У нас сейчас нет технической возможности, — строго пояснила секретарша.

— Я узнавал, техническая есть, но нет реальной. Чтобы она появилась, надо дать. А кому?

Секретарша замолчала со мной навсегда.

Ну, разве не безобразие? Прейскурант отсутствует, списка ответственных лиц за приемку конвертов нет. Полная анархия. Хотя можно навести порядок. В приемных на стенах вывешивать таблицы — кому давать и сколько. Или в магазинах на ценниках в уголочке приписывать, кому и сколько за эту вещь переплачивать. Чтобы потом со взяток взносы взимать, подоходный, за бездетность, алименты. Дело-то — государственное. Взятка — не Нобелевская премия. Должна облагаться налогами.

Мне повезло. Человечек один все объяснил, к двери нужной привел, сумму точную назвал и сам исчез. Я положил купюрки в конверт и ступил за порог. Там хозяин расхаживает, ух, здоровый, руки за спину, смотрит хмуро. Но я спокойно вручил ему конверт и руку поймал для пожатия. Он поморщился, но достал деньги и стал пересчитывать. Хмурится, шуршит, на пальцы поплеывает.

— Можете не считать, там все точно.

— В соответствии с чем точно? — взглянул он на меня сверху вниз.

— В соответствии с вашим служебным и семейным положением, а также с международным.

Он закончил и попросил добавить одну купюрку:

— Международное положение изменилось вчера.

Я отдал. Он сунул все в карман и спросил:

— Начинаящий?

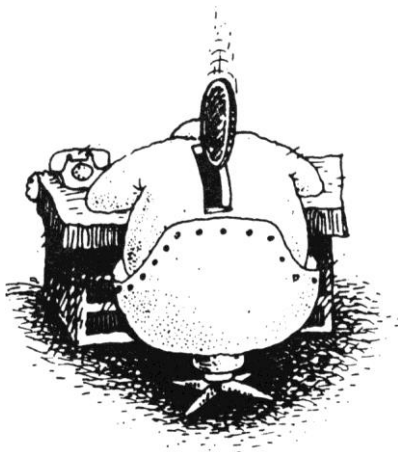
— Он самый.

— Плохо вы начинаете. Явление это сложное, психологически тонкое, нравственно важное. А вы с порога конверт мне суете. Я ведь мог обидеться. Взять конверт, а вас попросить за дверь. Начинать надо с беседы, с разговора. А конвертом заканчивать. Чтобы впечатление о вас осталось хорошее. И беседовать надо грамотно. Где-то недожал, где-то пережал, и все, я не возьму, не клюну. Крупным специалистом надо быть. Как по-вашему, я — крупный?

— Вы крупный.

— Правильно. Поэтому идите и ждите извещения. По нему вам все сделают.

Я ушел, потрясенный простотой процесса. Но извещения долго не было, и я повторил визит. В том же кабинете сидел тот же человек. Я еще дверь не закрыл за собой, а хозяин кабинета зычно пробасил:

— Что у вас опять?

— Извещения жду.

— А чего ждать? Добавлять надо. У нас с планом туго, премий нет, вся экономическая обстановка... тяжелая. Кто вам за просто так сделает?

Говорил он со мной запросто, как со старым знакомым. И я ему, как старому знакомому, опять вручил конвертик. Он опять пересчитал, поморщился. Я опять купюрку добавил. Он опять сказал: идите, ждите. Я опять не дождался. И снова пришел, дал. Он взял, пересчитал, поморщился. Я вручил купюрку на поморщивание.

Я любил его в эти минуты! И ревновал. К другим.

Однажды он прижал очередной конверт к груди и разрыдался:

— Пора нам расставаться.

— Как — расставаться?

— Не могу я вам это дело сделать, могут подумать, что я взятку взял.

Я сразу — купюрку сверху.

Он обмяк, пошатнулся, вынул бланк и на нем все написал. Все!

Я бланк-мечту к груди прижал, чувствую, тревога по телу ходит. И он сидит сам не свой. Пробил час расставанья. А расстаться-то мы не можем. Привыкли. Ну, как он без меня? А как я без него? В объятия бросились, глаза закрыли, стоим, плачем. Нам не жить друг без друга. И тут он говорит с надеждой:

— Может, тебе еще что-то надо? Может, у тебя другая мечта есть?

— Есть! И третья есть!

Он строго — давай конверт. Я дал. Он пересчитал, поморщился. Я — купюру сверху. Он строго — идите, ждите.

Я пошел. Радостный! Счастливый! Идет мечта, мечте — дорогу!

К любовнице!

Застойный роман

Николай Петрович Шабашов работал распределителем квартир. Вот и пришлось распределить себе двенадцатикомнатную. Распределять квартиры было очень трудно, потому что мешала законная очередь.

Николай Петрович, отобедав, уже целый час шел на работу, но никак не мог прийти. Наконец он не вытерпел и закричал:

— Лиза! Да где тут у нас выход?

Жена Лиза вышла из ванной и покачала головой:

— Перерабатываешь, Колюня. Иди пополдничай.

На полдник были опостылевшие деликатесы.

Шабашов сказал:

— Лиза, ты бы хоть раз меня картошкой в мундирах побаловала.

— Не положено тебе по должности,— ответила жена,— я бы и сама сейчас блюдо крошки бабахнула, да что люди скажут?

— А лекарство где? — спросил Николай Петрович.

Врачи прописали ему три столовых ложки икры перед едой. От памяти. И стакан коньяку после еды — от ума.

Николай Петрович принял лекарство «до еды» и «после еды» без еды. И вздремнул прямо за столом.

Разбудил его голос Лизы:

— Колюня, вставай, пора к любовнице.

Шабашов любовницу не любил. Но Лиза строго следила за моралью.

— Что о тебе без любовницы люди подумают? — говорила она,— Подумают, что с должности тебя сняли.

Шепотом ругая свою судьбину, Шабашов стал собираться к любовнице.

— Душ прими да чистенькое все надень,— хлопотала Лиза.

Больше всего она боялась, что Шабашова разлюбит любовница, и будет у них все не как у людей. Поэтому и подарки Лиза всегда готовила сама. Она положила в рюкзак полкило золота, бриллиант из Индии по кличке Вася и трехлитровую банку французских духов. Упаковав рюкзак, Лиза спросила:

— Колюня, у тебя когда прием от трудящихся?

— С двух до шести по понедельникам.

— Ты бы на двухразовый прием перешел, что ли.

А то расходы большие, и сыновья жалуются:

— Кстати, где они? — спросил Шабашов. — Давно не видно.

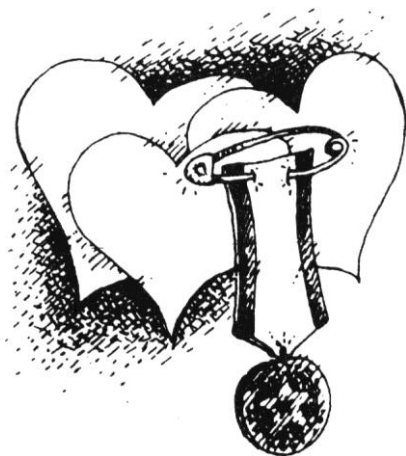
— Ой, как лекарство тебе помогает! Ты же их сам отдал в МИМО.

Николай Петрович обрадовался: ничего не помнит. А то раньше, бывало, проснется ночью и все помнит: сколько дал, сколько взял — хоть кричи! А теперь — красота! Одно плохо — думать пока может.

— А чего они не заходят? — спросил Шабашов.

— Некогда им, учатся. И подрабатывают. Один — послом в Занзибаре, другой — атташе в Антарктиде.

— А у нас с Антарктидой хорошие отношения? — спросил Шабашов.

— С Антарктидой — хорошие, — ответила Лиза. — Ты иди мойся, а то опоздаешь, — спохватилась она.

Шабашов сел на край ванны и включил душ в стенку.

Мыться он не хотел, любовницу он ненавидел.

— Колюня, — послышалось из-за двери, — ты не забыл, где вы встречаетесь с любовницей?

— Конечно, забыл. Что я, лекарство зря принимаю? А где?

— В заповеднике. Оттуда звонили, сказали, лосята уже подросли, пора отстреливать. А лосята, говорят, такие чудные, смышленные, как люди. Сами подходят и головы — под ствол.

Николай Петрович всплакнул. Жалко лосят.

— Ты уж, Колюня, съезди, отстреляй, — продолжала Лиза из-за двери, — а то соседи слух пустят, что тебя сняли, раз не браконьеришь.

Николай Петрович вышел из ванной совсем раскисший. «Бедные лосята, проклятая любовница», — думал он.

Николай Петрович обнял Лизу и сказал грустно:

— Не хочу к любовнице.

— Ты что, Колюня! — отпрянула Лиза, — Давай езжай, не опаздывай. Любовницы это не любят.

Николай Петрович вздохнул и вышел на улицу.

— Эх, Витек, — говорил он по дороге персональному шоферу, — если меня с должности попрут, как же ты без меня будешь?

— Продержусь! — жизнерадостно отвечал Витек, — Я же в душе инвалид войны.

— В душе мы все инвалиды. А удостоверение у тебя есть?

— Вы же мне уже организовали.

— Все забыл, хорошее лекарство, — успокоился Николай Петрович.

— Куда едем? — спросил Витек.

Шабашов сказал:

— Ты — к моей любовнице, я — на собрание. Хоть отосплюсь... Вот жизнь! — добавил он. — Так не хочется, а приходится жену обманывать.

Папаша Паша

Они мне утверждают: не надо кривиться, если рожа крива. Да как же она будет пряма, если уже обижают. Я же красавцем был до перестройки. Софи Лорен за автографом в очереди стояла. А теперь, конечно, лицо скривилось. И зафиксировалось.

А ведь какое лицо раньше было, красивое. А главное — ответственное. Кланом я в нашем городе руководил. Кланом Собакиных.

Да когда я звонил в гастроном и говорил, что это я, папаша Паша Собакин, у меня только спрашивали: когда и сколько? Потому что куда и что именно — знали!

А началось как-то все неожиданно. Звоню я в прокуратуру и сажу Сорокина на пять лет. Мешал он нам. И тут вдруг его выпускают через четыре. Дня. Чувствую, чья-то рука мешает в городе руководить. Тогда я выпустил на волю Червякова. Чтобы он, значит, по этой руке чикнул. Но его тут же схватили и посадили обратно. Я думаю, во жизнь пошла! Никого не посади, никого не выпусти. Ну, беззаконие жуткое!

Я говорю, в чем дело? А мне говорят, что клан Кошкиных в силу входит.

Ну, кто же раньше этих Кошкиных в расчет мог взять? Так себе кланчик, средний. Руки нам лизали, в глаза заглядывали. Ну, были у них в городе кое-какие должностишки, кое-что контролировали. Но чтобы против нас, Собакиных, — упаси бог! Такого не было.

Дальше — больше. Эти Кошкины начали хитростью брать. Подослали своих мордобойцев и побили одного нашего товарища. Сильно. Ему на коллегии выступать, а он все путает. Понос с аппендицитом путает. Кофе — с коньяком. Да еще синяк под глазом. Загримировал я ему лицо. Под синяк. Синяк больше лица был. Загримировал. Лицо еще красивше стало. И пошел он выступать. И хорошо там выступил. Выпросил даже не две

медали, а два ордена! Но для Кошкиных! Перепутал, собакин сын! Вот как побили.

Ну, тут Кошкины осмелели и вообще впереди лозунгов побежали. И в городе посты под шумок перестройки заняли. И посыпались мы, Собакины, кто куда.

Теперь больничный по уходу за собой не возьмешь. Сейчас Кошкины за собой ухаживают. В нашей финской бане не помоешься. Сейчас там Кошкины грехи смывают. А если я хочу бутерброд, например, с чем-нибудь, то пожалуйста мне — бутерброд с хлебом. Во как все обернулось!

До смешного доходит. Клан Кошкиных намариновал на зиму два миллиона рублей. В двухлитровых банках. Это они этого миллионера из Каракалпакии окаракалпачили. А мы, Собакины, рты открыли и завидуем. Скисло. Будто чая хлебнули вместо коньяка.

Я понимаю, сейчас сложный период. Эти Кошкины нас побили нашими же лозунгами. А почему? Да потому, что наш клан всегда шел навстречу трудящим. Ся. И где-то мы с ними разминулись. Надо срочно найти трудящих. Ся. И снова пойти им навстречу.

Мы всегда заботились об интеллигенции. Но где-то она из-под нашей заботы выскользнула. Надо срочно найти интеллигенцию и снова окружить ее. Заботой и вниманием.

И последнее. Да, наш клан Собакиных — дружный клан. Мы всегда были щека к щеке. Но щека к щеке —

щеки не увидеть. Вот где-то мы эту щеку и проглядели. Подставили ее Кошкиным. Поэтому нам, Собакиным, надо оглядеться и снова — щека к щеке. И смело — против Кошкиных.

Вот такое лично мое коллективное мнение!

1-Й ЗАКОН СОЦИАЛИЗМА

Однофамильцы

Доложу я вам, дал мне Бог фамилию — Рокоссовский. У меня спрашивают:

— Как фамилия?

Я говорю:

— Рокоссовский.

И все присутствующие встают руки вверх. Правда, к маршалу я никакого отношения не имею. Просто мы однофамильцы. Жена мне тоже попалась неслабая — Жанна Дарк. В параллельном классе училась. Хорошая девчонка. Чуть что — сразу взглядом лепестки с цветов осыпает. Нянечкой в детском саду работает. А я на заводе — слесарем.

И вот на десятый год совместной жизни я подумал: «Имею я право раз в десять лет напоить-накормить жену, чем она сама того захочет? Имею!»

И пошел по магазинам. Нет, не просто по магазинам — сразу по директорам.

Захожу в первый универсам, прямой наводкой — к директору и говорю:

— Так и так, я — Рокоссовский. А вы кто?

Он объятия раскрыл и мне навстречу бросился.

— А я же, — говорит, — я — Щорс.

Обнялись мы с ним. Я говорю:

— Знакома фамилия — Щорс. Полководец?

Он говорит:

— Конечно. Мой однофамилец. Ты не стесняйся, Рокоссовский, говори, что надо. Потому что военное братство — оно святое дело.

Я говорю:

— Мне икры, шампанского и кофе растворимого. А сам думаю, хоть он Щорс, а вряд ли. Не на войне.

Щорс на меня посмотрел, кулаком в воздухе махнул, как саблей, и говорит:

— Ух, молодец! Сразу видно — Рокоссовский. Шампанское я тебе организую, а за икрой пойдешь во второй универсам, там у нас Ковпак.

И за дверь крикнул:

— Эй, Фрунзе! Ящик шампанского Рокоссовскому!

Заходит Михаил Васильевич Фрунзе, полный тезка полководца, и ящик шампанского на стол небрежно — ба-бах!

Потом обнялся со мной, руку пожал и спрашивает:

— А ты в каком универсаме, Рокоссовский?

— Я на заводе.

— Ка-ак — на заводе? Ну, ты не крути. Беру — выше. Понимаю, тайна? Беру — выше.

Подмигнул и ушел. А Щорс позвонил куда-то и сказал мне:

— Давай дуй во второй универсам, Ковпак тебя ждет.

Прихожу я во второй универсам, там мне такую роскошную встречу устроили. Правда, сначала спросили:

— Рокоссовский? От Щорса?

Я говорю, да.

Повели меня к Ковпаку. Шли долго, по-партизански. Коридорами, дворами, складами, подвалами. И вдруг — рраз! — двери настежь, и Ковпак на меня идет.

— Рокоссовский, друг!

Я говорю:

— Ковпак, братишка.

Обнялись, он меня сразу в штаб. Сто грамм, бутерброд с икрой. Причем бутерброд без хлеба. Одна икра, в ложке.

Ковпак говорит:

— Ты извини. У нас с хлебом перебои. Наши не подбросили. На икре пока перебиваемся.

Я говорю, чепуха, понятно, время трудное — и закусил, ложек восемь.

Он усадил меня, спрашивает:

— Ну, как там дела, на большой земле?

Я говорю:

— Во! Наступаем.

Он говорит:

— А мне некогда и выскочить отсюда, со всех сторон наседают, окружают. Но ничего, держимся. Ты хлеба с собой не принес?

Я говорю:

— Да как-то не подумал.

Он говорит:

— Ты в следующий раз носи. Буханки 3—4. Сложно у нас с продовольствием. Тебе сколько икры?

Я сказал.

Он соединился по рации:

— Котовский! Икру в землянку.

Заходит Котовский. Опять объятия, поцелуи, слезы. Я тоже прослезился. Кругом свои. И чувствую, что мы этих гадов, которые окружают, все равно победим. Фиг им, а не икра.

Опять по сто грамм приняли, нарисовали они мне схему на карте, как за кофе пройти незамеченным, как за линию фронта. И пошел я в третий универсам.

Там меня встретил сам Василий Иванович.

Я говорю:

— Чего-то ты, Василий Иванович, мокрый, вроде как реку переплывал?

Он говорит:

— Вспотел просто. Отбиваюсь, наседают. Прямо битва идет. То — дай, другое — дай. Хуже, чем на войне. И все чужие норовят ухватить кусок. Хотя своих все больше и больше становится. Сейчас многие к нам перебегают. Чувствуют, на чьей стороне правда.

— Василий Иванович, так ты и есть Чапаев?

— Не, я Фурманов. Чапаев у нас в управлении.

— А Махно?

— Махно — в главном управлении, у Колчака.

Я думаю, во как все перепуталось. И пошел я одухотворенный. Продукты они мне все прямо на дом привезли.

Отметили мы с женой десятилетие на славу. Я ей говорю:

— Что,— говорю,— Жанна Дарк, делать-то будем?

Она говорит:

— А что делать? Увольняться будем и к своим пробиваться.

На том и порешили.

Последнее слово

Граждане судьи, за что? Она, в смысле вот его жена, вот этого, потерпевшего, вот она сама на меня посмотрела. Первая. Она ко мне как раз спиной стояла. А на меня сзади как раз надавили, и я к ее спине как раз прижался. И мы с ней оказались в таких близких отношениях, что я чувствую, пора знакомиться. Интеллигентные люди в таких случаях знакомятся. А перед знакомством, думаю, хоть на лицо ее взглянуть. А то познакомишься, а потом лицо не понравится. И вот тут она на меня посмотрела. Первая. А я — второй. А ее муж, вот этот, потерпевший, он с другой женщиной стоял, справа от меня. Они очень плотно стояли: ноздря к ноздре, вот на столько. Когда я его жену развернул анфас, то сказал ей:

— Здравствуйте, вы меня помните?

Она говорит, нет.

Я говорю, как же? Вы же только что ко мне спиной стояли. Это я.

И тут вот этот, потерпевший, затрепыхался. Говорит, как вы смеете с чужой женой на таком расстоянии стоять, да еще ее же и разворачивать.

А я говорю, если она ваша жена, чего же вы к чужой носом прижались вот на столько. А он на свою жену кричит:

— А ты чего молчишь? Он к тебе лезет, а ты молчишь. Кричи, зови на помощь. У нас не буржуализм. Приедут, разберутся... в течение месяца.

Тут меня просят передать на билет. Я машинально деньги в кулак зажал и передаю. А этот потерпевший взял и своим носом со всего размаху мне в кулак въехал. Вот синяк. Экспертизу я снял. У него же не нос, а железный рог. Товарищи судьи! За мое же добродушие моему же кулаку от его же носа еще и досталось же.

Теперь так: возвращают эти деньги обратно без билета и объясняют:

— Здесь вам еще не автобус.

Кто-то в этой суматохе ошибся и передал на билет — думал, что он уже в автобусе. А я стою в этой очереди и думаю, так и в театр не попадешь, до кассы еще далеко.

А в это время по очереди прошел слух, что всем не хватит. Началась паника. Нашу женщину вообще куда-то оттерли, а вот этот потерпевший оказался впереди меня. Ко мне спиной. И сразу начал пинаться. Пинал в мою коленку своей задней частью. Товарищи, всю мою коленку испинал. Вот синяки. Экспертизу я снял. Боль стояла ужасная. У него эта часть как железная. Я всю коленку отбил об нее.

А со всех сторон так сдавили, что руки из карманов вынуть невозможно. Если б я знал, я бы их туда не засовывал. И тут подходит моя очередь. Надо брать, а брать нечем. Но имею же я право хоть раз в сезон сходить в театр. Я зубами из грудного кармана вынул три рубля, прошу, дайте в зубы, у меня руки в карманах.

И мне дают в зубы. Кто — не знаю. Подозреваю, потерпевший. После этого дают в рот длинную палку вместо билета и выбрасывают из очереди на свободу. На свободе я рассмотрел эту палку. Написано: черенок французский... для совковой лопаты.

Скажу честно, я озверел. А тут этот потерпевший, тоже с черенком. Он на меня набросился, я не успел убрать черенок, и он своим лбом перебил мой черенок на две равные части. Экспертизу он снял.

Спрашивается, зачем же я стоял в очереди? За билетом в театр или чтобы вот так плохо кончить?

Там по недоразумению кто-то к автобусу рвался, кто-то за билетом в театр, а оно оказалось — за французскими черенками... для совковых лопат. Этот паршивый импорт продавали из автобуса возле театра. Так при чем здесь я?

В разгар сезона

654-й! Два билета в Москву, отмечаю. 655-й! В Свердловск — три, отмечаю. Все, товарищи, переключка закончена. Следующая — в три часа. Ночи. А сейчас двенадцать. Ночи. Самый раз искупаться, позагорать. Под луной. Идите на море, хлебайте здоровья. Ночь — подруга отдыхающих. В разгар сезона.

...А вам что, девушка? Где пляж? Вася! Покажи девушке, где море, она с ним не знакома. Недавно приехала, только вторую неделю за обратным билетом стоит. А Вася у нас ветеран общей очереди. Третью неделю стоит. Отдыхает. Видите, какой у него ровный загар. Ни одного темного пятнышка. Весь как сметана по рубль сорок. Кличка — Лунный Вася. Вася, покажи девушке, где море. Ну, идите... Пошли... Счастливые. А мне очередь караулить... Вася, море не там, там парк.

Не слышат. Влюбленные. Повезло Васе — девушку встретил. А ведь завтра ему улетать. Если билет достанет. Разгар сезона.

...А вам что, гражданочка? Э-э-э, на переключку вы опоздали. Пропала очередь. А вам куда лететь? Вы не летите, вы за мороженым? За мороженым не здесь. У них переключка вон там, за углом. Вы на какое мороженое записались? В стаканчиках? На «в стаканчиках» переключка будет в час ночи. Народу? Народу у них

всегда мало. Купите дня через два. А насчет пломбира я вам так скажу, здесь вам не Магадан, нет пломбира... Пошла. Ишь, пломбира захотела. На юге! В разгар сезона! А от бутылочки ситра не откажетесь? Из холодильника.

...А вам что, гражданин? Да это ты, Виктор! Вот так встреча. Через год на том же месте. Значит, снова сюда прилетел... Как не улетал еще? Сначала не мог, а потом прижился? А ведь я тоже с прошлого года здесь торчу. Вот так и сижу на записи. Только моя очередь подойдет — кто-нибудь с телеграммой подвернется. Уступаю свою очередь. Недорого. Тем и живу. А ты как же с работой? Сюда высылают, здесь чертишь. Эх, Виктор, все бы так, как мы, — только в один конец ездили. Разгрузили бы транспорт в разгар сезона. А что ты ночью здесь делаешь? Дышишь? Ну дыши. Пока.

...А вы что, папаша, тут ищете? Очередь? А зачем она вам? Понятно. Чтоб взять билет без очереди. Вы кто? Участник, кавалер, мать-героиня?.. Инвалид. Понятно. Инвалиду трудней. Инвалиду просто невозможно. Что значит почему? Вы можете 656 человек от окошечка оттолкнуть, как инвалид? Не можете. А они могут. А зачем вы, папаша, вообще приехали? За здоровьем... Здоровье надо беречь по месту жительства. В разгар сезона. Папаша, папаша, не падайте, не хватайтесь за сердце. Оно вам может пригодиться. Я вам свою очередь уступлю. Недорого. Только живите. Вот ваша тросточка. Идите погуляйте. Приходите в три ночи. Будете 68-м. Сразу!

Вот наказание. Вот народ пошел. Накопят тридцать семь рублей, и прутся все на юг. В разгар сезона. Да еще удовольствий ищут. Без очереди. В разгар сезона! Вот кто раньше на юг ездил? Сплошь тузы! Мешки с деньгами. Полмешка за квартиру, полмешка — на рестораны. Свободно было, хорошо. А сейчас все лезут. Только очереди создают в разгар сезона. Надо бы им всем такой комфорт создать, чтобы каждый один раз съездил — и десять лет отдыхал после этого. По месту жительства! В разгар сезона.

Речь перед конкурсом

Товарищи члены конкурсной комиссии! Перед третьим заключительным туром я, как председатель комиссии, должен сделать сообщение. Сегодня нам предстоит отобрать двух кандидатов на должности продавца и грузчика в универсам № 5. На третий тур прошло 200 претендентов из 600 подавших заявления. Но лишь двое попадут в государственное училище погрузочно-разгрузочного искусства имени купца Калашникова при универсаме № 5. Закончив его, они займут достойное место в торговле.

Сегодняшние грузчики и продавцы пользуются заслуженным уважением среди покупателей. Ведь они несут, а иногда просто тащат и везут продукты. В торговый зал. К людям.

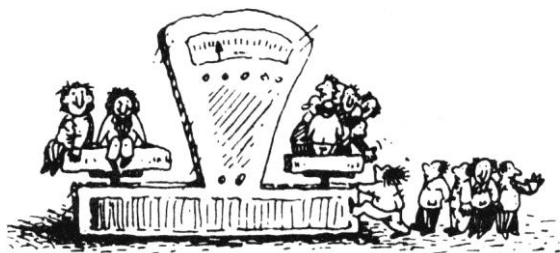
На третий тур пробились лишь самые талантливые и образованные товарищи. Среди них инженеры, врачи, учителя, юристы, агрономы и зоотехники. И это закономерно. Сказать свое слово в торговле стремится каждый. Людям есть что спросить, а торговым работникам есть что сказать людям. Но сказать надо правильно, так, чтобы

не обидеть покупателя, чтоб он ушел довольный и больше не возвращался. Далекое не каждому это по силам. Поэтому мы ищем таланты.

Попутно я хочу сказать спасибо за пристальное внимание к торговле. Растут новые магазины, расширяются торговые залы и загошники для дефицита. Так, на строительстве универсама № 6 уже сдана в эксплуатацию третья очередь. За колбасой. И четвертая — за конфетами. К концу года предполагается довести торговые площади до ста квадратных метров на один килограмм шоколадного масла.

Приятно, что в торговле начинают появляться семейные династии. Как в литературе, искусстве, на производстве. Ведь были же когда-то Дюма-отец, Дюма-сын, если не ошибаюсь — Дюма-теща. И сейчас перед нами выступят представители трудовых династий. Например, Соколов-младший — юрист по образованию. Его отец Соколов-старший — инженер по образованию. Но оба они работают носильщиками на Казанском вокзале. Юрист Соколов-младший покажет номер, как незаметно пронести три чемодана с джинсами для спекулянтов возле инспектора. Номер сложный. Потому что чемоданы открываются и джинсы вываливаются инспектору под ноги. Ударна концовка, когда Соколов уходит с двумя чемоданами, а инспектор — с одним. Расходятся по доброму согласию.

Перед конкурсной комиссией выступит также Дора Наумова. Она выпускница Ленинградской консерватории и дочь бывшего директора универмага. Ее папа по

уважительной причине еще пять лет не сможет работать в торговле, поэтому дочь подхватила эстафету. Наумова-дочь с закрытыми глазами определяет хрустальные вазы среди прочих. Ведь у нее абсолютный слух.

Петров-сын, врач по образованию, работает грузчиком локомотивного депо Свердловск-Сортировочный. Петров-сын поднимет правое заднее колесо локомотива с полуосью и подшипником. Под собственную музыку. В момент подъема тяжести он будет кряхтеть поэму Рождественского. Вперемежку со своими собственными выражениями. Конечно, это сильный грузчик, но сможет ли он работать в торговле? Не лучше ли ему остаться в депо?

Достойна внимания кандидат наук Кузькина-дочь с мешком сахарной крупы. Она вручную несет его домой. Эта фамилия знакома комиссии. Ее мать также переносит тяжести из ресторана «Светлый путь», где она трудится буфетчицей. Вполне может образоваться еще одна династия: Кузькина-дочь и Кузькина-мать.

Словом, достойных много. Но нужно отобрать только двоих. И они уже есть. Я не буду называть их фамилий. Давайте сначала посмотрим всех остальных. Тех, кто не пройдет по конкурсу.

Очереди

Я люблю очереди и вне их себя не мыслю. Я — в очереди, значит, я существую. Другими словами — живу. А в очередях я всегда. Иногда обнаруживаю себя в них внезапно, неожиданно.

Был в филармонии, слушал музыку. Да так заслушался, так задумался, что очнулся в очереди.

- Это за чем стоят?
- За дубленками.
- А на нас хватит?

— Хватит, здесь по номеркам выдают, вы в гардероб стоите.

Я под впечатлением концерта киваю машинально и наблюдаю автоматически, как передние товарищи получают дубленки и отходят. Во мне обычный азарт проснулся — хватит или не хватит на меня? Подходит моя очередь — выдают плащ. Возмущаюсь, как обычно в очередях:

— Почему плащ? Там еще три дубленки остались.

— Это не для вас дубленки, проходите.

Я прошел. Все ясно, дубленки остались своим, а мне достался плащ.

Иду по улице, в голове музыка. Обнаруживаю себя на остановке троллейбуса. Очереди нет, но народу много. Троллейбусы останавливаются между остановками. Чтобы не создавать паники.

Попадаю домой. Здесь хорошо. Пусть нет очередей, зато есть жена. Она чувствует, что я пришел с хорошим аппетитом. Жена сразу накрывает стол одеялом и начинает на этом одеяле гладить свое платье. Приходится напомнить о себе:

— Когда будет ужин?

— Дойдет очередь — поужинаешь. Из всех моих мужей ты самый нетерпеливый.

Я у нее третий, но у меня такое ощущение, что за мной уже заняли.

На работе хорошо тоже. Здесь много очередей. На квартиру, на машину, на прием. В приемной секретарша спрашивает меня:

— Вы по какому вопросу, товарищ?

— По личному.

— Зайдите завтра.

На завтра.

— Вы по какому вопросу, товарищ?

— По личному.

— Зайдите через месяц.

Через месяц.

— Вы по какому вопросу, товарищ?

— По личному.

— Зайдите через год.

— Нет, вы уж извините, я сейчас зайду, я хочу, извините, плюнуть на личный вопрос.

— Плюнуть, извините, можно, но в порядке общей очереди, по записи. Записываем на следующий год.

Нет, хорошо. Везде хорошо, где есть очереди. В пустыне верблюды идут караваном по очереди. В небе птицы летят клином по очереди. К врачу люди идут караваном по очереди. Он им диагноз ОРЗ ставит по очереди. А мне поставили другой диагноз: мания очередей. Где я с такой болезнью лечиться буду?

Конечно, можно подлечиться и без врачей. Например, уехать в отпуск, отдохнуть от этих очередей. И устать от тех. Особенно если завтра на работу, а ты еще там, и ехать — четверо суток на трех видах транспорта. Здесь спасает только удостоверение. Особенно если ты участник. И женщина. Тогда подходишь к кассе и читаешь объявление: «Чтобы не нервировать все очереди, для внеочередников работает касса № 9». Кассу находишь по длинному хвосту внеочередников.

А если ты не женщина, а мужчина? А к женщине пристаёт хулиган на глазах у всей очереди? Причем эта очередь не к хулигану, а от него. К хулигану — свободно. Ни одного человека. Сможешь ли ты вот так.

подойти к хулигану вне очереди? Или ты неуютно себя чувствуешь, когда нет очередей? Привык к очередям? Если привык, то создай очередь к хулигану. Пусть все на ладошках номера запишут, ночью на перекличку придут, но чтобы хулигану от каждого досталось.

Уж если очереди, то пусть везде будут очереди. И туда, куда хочется, и туда, куда не хочется, но надо. Может быть, тогда исчезнут все очереди.

Плодово-ягодный роман

Пролог

Палило солнце. А где-то хлестал дождь.

Глава I

Ох и плодородна Кубань! Уж если здесь родятся помидоры, то — колдуны, если огурцы, то — дьяволы, а если колорадские жуки, то — подлецы.

Первой на Кубани поспевают черешня, потом вишня и только потом гусеницы. Огромные поспевшие яблоки и груши так сыплются по ночам, что земля гудит. Сливы, абрикосы и алыча осыпаются молча. А когда поспевают виноград — гудят кубанские станицы. Спешат жители на свои виноградники, а если нет своих — спешат на совхозные. И как не спешить? Перезреет ягода — будет укус.

А вот картошка на Кубани не поспевают никогда. Потому что колорадский жук — понятие многочисленное. На два ведра посаженной картошки собирают пять ведер колорадского жука. И одно ведро картошки. Отрицательная урожайность на картошку. А жук родится добрый.

Зато на Урале совсем другая жизнь. Ничего здесь не поспевает раньше зимы, и только картошка родится раньше. Да такая крупная, как крокодилово яйцо. Лежит такое яйцо на полосе — душа радуется. Будто только что крокодилица снеслась и убежала в лес, громко кудахтая. Доб-рая картошка.

Глава II

Кубанские ребяташки из станицы Веселовская со смехом бросались друг в друга гранатами образца 89-го года. Их в этом году много уродилось, гранатов. Жилистый рыжий кубанец отругал своего сына:

— Что ж ты неспелыми кидаешься, задери тебя козел. Они ж твердые. Поспеет — кидай, а зеленые не тронь. Вон сколько спелых гниет.

Кубанец пошел дальше, задавать корм скотине. Корова настороженно подошла к ведру и понюхала сверху гроздь винограда «кардинал». Она нехотя откусила одну ягоду, покатала ее за щеками и сплюнула на землю.

Другое дело — свинья. Эта не брезговала ничем — ни грушами, ни дынями, ни персиками. Особенно любила хрумкать хурмой. Хозяин красиво сервировал корыто свиньи аккуратными ломтями арбузов, а сверху посыпал все очищенными грецкими орехами.

Кроликам он сыпанул ведра четыре еды попроще: антоновки и белого налива. Не князья, съедят.

Накормив скотину, хозяин гаркнул вежливо своему сыну:

— А ну тикай до хаты. Обедать будем.

На обед была картошка. Одна. Она лежала на дне кастрюльки, небольшой клубенок, и вкусно пускала струйку пара вверх. Хозяин-кубанец достал клубень пинцетом и, вооружившись лупой, разрезал клубень ножом на три равные части — себе, жене, сыну. Последний проглотил слюнки и даже не заметил, как с ними проскочила и его персональная долька картофеля.

Глава III

А в селе Каменные Культяпки на Урале шел летний теплый град. Величиной с голубиное яйцо.

Хозяйские мальчишки сидели в сарае на мешках с картошкой и вслух читали сказки. За перегородкой сарая мирно хрумкали картошкой корова-мать, корова-дочь и корова-отец. «Невольница царя черкешенка съела спелую черешенку»,— читал старший. Младший спросил его:

— А что такое черешенка?

Ребята задумались. Раздумья прервала мать:

— А ну, пострелы, марш за стол, картошка стынет.

Ребята с гиканьем бросились в избу. За обедом младшенький спросил:

— Мам, а что такое черешенка?

Мать ответила:

— Это, должно быть, ягода такая. Но к нам ее не завозят.

Эпилог

Осенью в станицу Веселовскую на Кубани и в село Каменные Культяпки на Урале пришла «радость». В Веселовскую поступил состав с яблоками из Кишинева, а в Культяпки — состав с картошкой из Улан-Удэ.

Не откладываете на завтра

Есть у грузин красивый обычай. Когда на свет появляется младенец, отец-грузин закапывает в землю бочку вина. Ее откапывают лишь в день свадьбы возмужавшего младенца.

Как люди заботятся о будущем ребенка! С первых минут его жизни.

Надо бы обычай распространить. Но не в смысле вина, а вообще. Например, родился у вас ребенок — вы сразу в цехком и от его имени подаете заявление на квартиру. Глядишь, лет через 20 в комнату въедет. Ребенок пошел в первый класс — заставьте его написать заявление на телефон. Глядишь, на старости лет со своего телефона посудачит. Со «Скорой помощью». В пятый класс пошел ребенок — вы в кассы аэрофлота бегите. Займите очередь. Ребенок аттестат зрелости получит — сможет билеты на юг купить. Туда и обратно. Пока он билет берет, вы телеграмму на юг дайте, тому мальчику-

грузину, который свадьбу ждет. До свадьбы ему делать нечего, пусть займет очередь в столовую на обед. Ваш мальчик прилетит на юг, очередь как раз подойдет, и они вместе пообедают.

Конечно, не все родители бесшабашные, многие заботятся заблаговременно. Ребенок еще за пятый класс все тройки не выбрал, а его уже в институте ждут. Он в институте еще не успел третий раз на первом курсе восстановиться, а на него уже вызов из Москвы пришел, как на крупного специалиста. Он на производстве первый раз пообедать еще не сходил, а его вызывают на повышение.

У меня у соседа сын родился — сосед сразу в магазин. Не в гастроном, а в мужскую одежду. Купил там дубленку 50-го размера. Говорит, лучше сейчас купить ребенку дубленку, чем через 20 лет. Потом обувь стал закупать: 12-го, 13-го, 14-го размеров и — до 44-го. Потом джинсы всех размеров купил. С 16-го до 50-го, потом — свитера, пуловеры, теплое белье, десять кожаных пиджаков всех размеров, плащи, куртки, шапки, зонты. Три свадебных костюма, на случай разводов. Три фляги икры. Одежду рассортировал и — в сейф, икру — в землю. Говорит, к свадьбе выкопаю. Сейф с одеждой застраховал и ходит довольный. Говорит, ребенок на всю жизнь обеспечен. А мода, она повторяется, но на другом уровне. Подороже.

Сосед говорит: вот папа у меня в свое время не позаботился обо мне, и я в жизни с трудностями встречаюсь. Хорошо, хоть библиотеку оставил. Купил тогда тыщу томов с аванса. Сейчас эта библиотека выручает. Я, говорит, на нее всю одежду малютке и купил. Сейчас еще три мешка семиведерных с книгами осталось — это на карманные деньги сынишке.

Я, говорит, не откладываю покупки на завтра. Завтра, оно дело такое, ненадежное. По пословице живу. Не откладывай на завтра то, что можно купить сегодня.

Окрошка

Окрошка — она и в Англии называется окрошка. В жару хороша, особенно после пляжа. Кстати, наше национальное блюдо. Приготовить ее не хитро, мудрено все компоненты враз достать. Лук, огурцы свежие, картошку, сметану, яйца, петрушку, колбасу, перец, квас. Остальное — по вкусу и возможности.

Разгар лета стоял. Я пошел и купил огурцы и лук свежие, картошку, петрушку, яйца. Не мог найти сметану, колбасу, перец, квас. К вечеру проголодался, съел огурцы и лук свежие, картошку, петрушку, яйца. На следующий день купил недостающие сметану, колбасу, перец и квас, но не мог найти уже огурцы и лук свежие, картошку, петрушку и яйца. К вечеру проголодался, съел сметану, колбасу, перец и квас.

Решил делать по-другому. Купил огурцы и лук свежие, много. Положил в холодильник. Потом купил картошки много, положил. Еще через день купил яйца, положил в холодильник. Через день — колбасу, через день — перец, сметану, все — в холодильник. Через три

дня достал квасу, принес домой, стал делать окрошку. Достаю огурцы и лук свежие, а они не свежие. Картошка мягковата, от колбасы Тобик отказывается, сметана дала пузыри.

Вижу, одному не осилить приготовление блюда, решил подключить друзей. Андрей покупает огурцы и лук свежие. Борис — картошку, петрушку, Вова — колбасу, Гриша — яйца, сметану, Дима и я — перец и квас. Назначили день, собрались у меня.

Андрей принес консервы, Борис — штопор, Вова — хлеб, Гриша — грузинскую заварку, Дима — кипятку в термосе. Посидели, попили чайку без сахара, но с конфетами «Батончик» и разошлись.

А окрошка? Да зачем она сейчас, когда на дворе зима началась.

Безразмерные женщины

Когда я женился, то не спросил у супруги размер ее одежды. А зря. Самый ходовой размер оказался. И началось. Что ни праздник, то одно наказание. Не могу в подарок ей купить ничего подходящего. Размер ходовой — нету. Да ей еще и надо не простое платье, а только самое модное, красивое и обязательно ее размера. А где я такое платье найду? Пошли скандалы, скандалы, а потом — развод.

Тихо разошлись, по любви. Она — по любви к одежде, я — к спокойствию.

Отдохнул я пару лет, думаю, пора снова жениться. Но теперь меня не проведешь. Главное в невесте — размер. Чтoб неходовой. Пошел в магазин выбирать платье. Куплю модное платье, уж потом к нему жену подберу. Это легче, чем к жене подбирать платье.

Пришел в магазин, на размер не смотрю, смотрю на качество платьев. В самом конце отдела — сплошь красота. Спрашиваю у продавщицы:

— Они всегда бывают?

— Они — всегда! Неходовой размер.

Выбираю самое модное, самое красивое, приношу домой. Развернул, задумался. 60-й размер. Невеста ожидается крупной. Зато семья будет крепкой. Хорошие подарки жене буду дарить. Модные, красивые. Взял платье, примерил к дверному косяку. Как раз. Пройдет. Бочком. Без пальто.

На следующий день побрился, выпил, пошел невесту искать. Гляжу по сторонам — моего размера не попадается. Ходовой размер идет, моего нету. Обидно. Платье уже купил, деньги вложены в мероприятие.

Решил в газету объявление дать. Требуется невеста 60-го размера под такое-то и такое-то платье. Отдаленные размеры не предлагать. Дал телефон. Ну, думаю, сейчас повалят. Две недели ждал — ни одного звонка! А потом — как обрушились! Как где-то прорвало. Идут и идут. Все 60-го размера. Я на них платье примеряю. Всем в аккурат. Но люди они все разные. А хочется, чтобы и человек хороший был. И вот приходит одна — скро-о-мая, хорошая, с косичками. Размер? 60-й! На мою первую жену смахивает. Говорит, я по

объявлению. Я тебя узнала, это, значит, ты объявление дал?

Фу-ты! Это ж моя бывшая жена и есть. А ты что, говорю, женихов ищешь? Ищу, отвечает.

— А что это тебя так разбарабанило?

— В объявлении такие требовались. Я три недели готовилась к визиту, вес набирала. Кушала, спала, штангой занималась.

— А если б я сороковой размер указал?

— Похудела бы.

— Ну что ж,— говорю,— раз пришла, то давай поженимся. Но это... чтоб претензий к нарядам не было. Что принес, то и принес. Главное, чтоб красиво и модно.

Поженились мы с ней. Сейчас мир в доме. Подарки ей покупаю. В «Детском мире» — сарафанчик: она худеет. В «Богатыре» — платьишко: она полнеет. Главное — чтоб модно. Она, как увидит очередную покупку, на глазах меняется. Две-три недели — и одежда в аккурат. Никаких проблем. Ни у меня, ни у нее. Всего две проблемы осталось. Первая — ноги. Ее ноги. Размер — 37 с половиной, ни туда ни сюда. Вторая проблема — ее голова. 57 — в любую погоду. Наденет сарафанчик, 38-й размер, чудо, а голова шире плеч...

Сейчас я работаю над проблемами. Думаю, что решу их. Причем раньше, чем наши швейные объединения.

Бабушка отоварилась

Рассказ ребенка

Больше всего на свете я люблю мороженое, потом — папу и сразу после папы — отовариваться.

В нашей семье отовариваться может только бабушка. Потому что она участница войны. Дедушка у нас тоже участник, но отовариваться он не может. Он же не женщина и не инвалид, поэтому ему и так весело, без отоваривания.

А мне дедушку жалко. Я ведь вижу, что он тоже хочет и даже ходит хлопочет об инвалидности. Когда он ее схлопочет, то тоже будет отовариваться.

Отовариваться мы всегда ездим втроем: я, бабушка и папа. Бабушка — чтобы отовариваться, папа — чтобы нести товар, а я — чтобы еще интересней было.

Сегодня мы опять ездили. Папу сначала не пускали в магазин. Сказали:

— А вы куда, молодой человек?

Папа начал хромать и заикаться:

— Да я просто... Сумки... нести.

Тогда его пропустили.

Когда мы зашли, папа сказал, что здесь как за границей — пароду мало, а продавцов много. И что продавцы здесь вежливые и безобидные, потому что не хотят, чтобы их в другой магазин перевели. Бабушка шепнула папе:

— Тише, а то услышат.

На войне она в разведку ходила, поэтому всего боится.

Когда тетя-продавец начала отвешивать масло, мясо, сосиски, бабушка так разволновалась, что потеряла кошелек. А когда нам дали коробку конфет, я так разволновался, что его нашел. А когда дали банку тушонки, папа вскрикнул от неожиданности. А когда дали банку сгущенки, бабушке стало плохо и папа ей дал

нашатырь. А когда дали пельмени, папа от волнения их рассыпал. А потом собирал. И все оглядывался, чтоб его за руку не схватили и не крикнули:

— Ага, попался!

И только тетя-продавец улыбалась. Она спрашивала бабушку:

— Окорок будете?

— Буду.

— Чай будете?

— Буду.

— Что, и кофе растворимый, что ли, будете?

Бабушка запнулась:

— Бу... бу...

Папа подсказал:

— Будет.

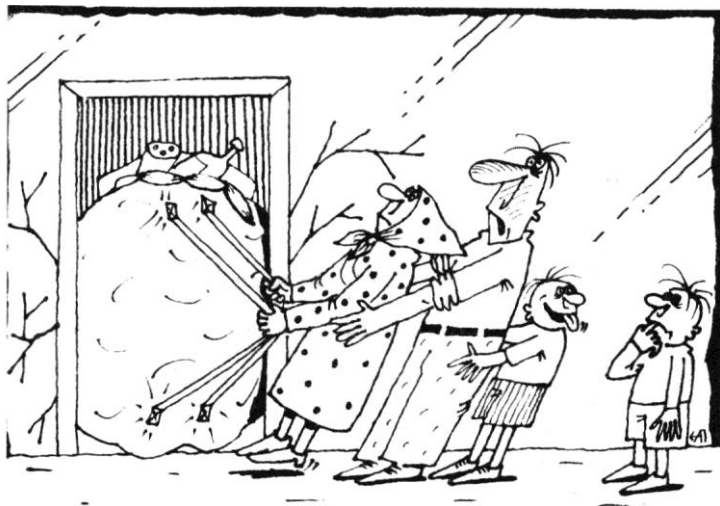
Тетя-продавец вежливо сказала:

— А вы, молодой человек, не мешайте. Зачем ей одной столько?

Бабушка сказала:

— Вообще-то я не одна. У меня — дочери, внуки...

— И зять, — сказал папа.

Дома нас ждал дедушка с ножом, делить продукты. И еще — мама и тетя Люда. Дедушка сразу заворчал на бабушку:

— Чего колбасы мало взяла?

— Больше не дали. Норма.

Дедушка отрезал кусочек колбасы, попробовал и сморщился:

— Хорошо, что не дали, дай им бог здоровья. Они эту колбасу специально для ветеранов делают, чтоб их меньше стало.

— Старый ворчун! — сказала бабушка, — Тебе все не так.

— А тебе все так. Я не о себе забочусь — о внуках.

Пока бабушка с дедушкой спорили, мама и тетя Люда раскладывали по своим сумкам продукты. Бабушке с дедушкой они оставили пельмени и сосиски. Бабушка сказала:

— Забирайте пельмени и сосиски, их же дети любят.

А мама сказала:

— Нет, нет, это оставьте себе.

— Нам ничего не надо, — сказал дедушка.

— Нет, нет, — сказала мама и протянула дедушке деньги за продукты.

Дедушка отказался:

— Не надо нам денег, у вас самих денег нет.

Тут бабушка с дедушкой опять стали спорить, и тетя Люда с мамой незаметно положили деньги в сервант. А пока они подкладывали деньги, дедушка незаметно подложил сосиски и пельмени в их сумки.

А я взял сосиски в карман и побежал на улицу. Петька смотрел, как я ем, смотрел, смотрел, пускал слюни и говорит:

— Где взял... это?

— А меня бабушка отоваривает.

Петька говорит:

— Дай попробовать.

Я ему, конечно, не дал. Самому мало.

Тогда Петька говорит:

— А я тоже умею отоваривать.

Я говорю:

— Врешь, не умеешь.

И тут он меня отоварил. А сам убежал. Ну и пусть бегаёт голодный. Так ему и надо!

Прощальная пломба

Наш микрофон подвешен в зубном кабинете прямо над креслом для обработки пациентов. В кресле сидит бледная посетительница, накрытая по горло белой простыней. Пока дантист готовит нехитрый инструмент, берем интервью у сидящей.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— К какому полу принадлежите? Извините, из-за простыни не видно, а ваш мужской голос вступает в противоречие с женской прической.

— Женскому принадлежу. Своей жене. А так — мужчина.

— Давно вас беспокоят зубы?

— Со школы. Я на уроке труда перекусил гаечный ключ. С тех пор беспокоят.

— Как вы находите уровень ремонтных работ в этой поликлинике?

— Делают капитально. Пломбы ставят навечно. Правда, зубы потом выкрошиваются, но пломбы остаются. У меня своих — только два зуба, остальные пломбы.

— Дегко ли попасть на прием к зубному врачу?

— Я пять месяцев попадал — не попал. Талонов не хватает. Врачей много, а талонов — мало. Поэтому при-

шлось схитрить. Фамилия у меня Зубанюк, а звать Николаем. Жена тоже на моей фамилии, балериной работает, может, слышали? Зовут ее Ниной. Получается, что ее в афишах пишут так же, как меня в повестках — Н. Зубанюк. Так вот, я в поликлинику попал по ее направлению из женской консультации. Вроде как в тягости я, а с такой справкой без очереди.

— А справка эта, значит, не настоящая?

— Обижаете, гражданин корреспондент. Самая настоящая, со сроком на пятом месяце. Когда у меня с зубами совсем плохо стало, я решил помощи у жены просить. Пришла она как-то с репетиции, партию Жизели для премьеры готовила. Смотрю на нее, уставшую и стройную, люблюсь. Потом про зубы вспомнил и говорю: «Ниночка! Не дай от зубов мне погибнуть. Помоги». Объяснил, что единственный путь к спасению — через ихнюю консультацию. Она всплакнула, конечно, уж больно танцевать любит, но в беде не оставила. Сегодня я по ее справке вставляю последние пломбы, и все. А тридцать две пломбы во рту — великое дело. Крепкие, и зубная боль не страшна.

— А жене вашей, значит, придется через... через... роддом?

— Придется. А что же делать? У нее-то зубы как у волчицы. Может, и у малыша такие же будут.

— Спасибо вам за беседу.

Я вижу, что доктор готов к работе. Он берет шприц и делает обезболивающий укол пациенту. Последний держится прекрасно. За ручки кресла. Видно, что укол доставил ему несколько неприятных мгновений, иначе он не кричал бы так сильно и долго.

— Как вы себя чувствуете, Николай?

— Сейчас уже лучше. Самое страшное позади.

Дантист ослепляет халатом и подбадривающей улыбкой. Он закатывает рукава, обнажая крупные руки. Голова Николая запрокинута, рот широко открыт, глаза надежно закрыты. Доктор высверливает в зубе пациента скважину и отходит к своему столику. Николай широко открывает глаза, плотно закрывает рот и, схватившись

руками за подвешенный к потолку микрофон, выскальзывает из-под простыни вверх. Он поднимается по шнуру быстро, как муха. На нем сиреневое женское мини-платье. В глаза бросаются явные признаки беременности. Правда, эти признаки выпали в кресло в виде цветастенькой подушки. Шиньон тоже не удержался на голове и упал рядом.

— Доктор,— умоляет пациент,— Я передумал. Оставьте мне хотя бы один живой зуб. Я не перенесу вашего колдоворота.

Однако микрофонный провод вот-вот лопнет. Скоро, совсем скоро Николай снова окажется в кресле и ему запломбируют последний зуб. А я пока прощаюсь с вами, дорогие товар...

Мест нет!

(В полусне). Паша, ты, видел, как лошади спят стоя? Не видел? Посмотри на меня и увидишь. Я сплю стоя. Мне даже снятся кошмары. Это от недостатка комфорта. Еще ботинки жмут. Сниму их к лешему... Во-от. Без ботинок лучше. Ноги дышат полной грудью.

Паша, ты зачем взял меня за плечо? Это не ты? Здравствуйте, вы кто? Извините, товарищ сержант, заснул. Знаю, что вокзал, знаю, что нельзя, особенно стоя. А где можно? Спасибо. Про гостиницу я слышал. Нас нигде не взяли. Спасибо, сейчас еще попробуем.

(Окончательно проснувшись). Паша, просыпайся. Только не падай. Мы идем в гостиницу. Иди за мной... Когда ты научишься спать стоя и не падать?

Паша, ты видишь, как горят мои глаза? Это от бессонницы. Но с ней покончено. Я придумал. Ты видел когда-нибудь негра на вокзале на чемоданах? Не видел? И я не видел. Все, Паша, мы превращаемся в негров и

идем бай-бай в гостиницу. Пойдем в парикмахерскую, покрасим волосы, завьем кудри. Пойдем к сапожнику, пусть почистит нам лица и руки.

...Паша, ты прирожденный негр. Как я раньше этого не замечал? Какие великолепные губы и нос. И даже глаза красные. Я знаю, что от бессонницы. Но это так кстати. А мне как этот цвет? Идет? Ну, и отлично. Мы с тобой вылитые негры. Мне кажется, что ты не Паша, а Билл. Пойдем вон в ту, самую шикарную, гостиницу.

Паша, не стучи в дверь так громко, не нервничай. Стучи с достоинством, как негр. Вот так...

Добрый вечер, мсье портье, разрешите войти? Вы так любезны. Мы с Биллом решили остановиться у вас. Мэри сказала, у вас самая лучшая гостиница в городе. (Паша, работай под негра, вспомни, что ты о них знаешь.) Мсье портье, как вам мой русский язык? О! Спасибо. Вы мне льстите. Это мой родной язык... Второй. Первый — это наш, негритянский. А это Билл. Билл, заходи, здесь так прелестно. О! Я вижу у вас в вестибюле бассейн и пальмы. Билл, мне кажется, в этой гостинице даже лучше, чем в той, откуда мы пришли. Эти пальмы напоминают мне мою родину.

Мсье портье, вы не судите Билла строго за то, что он полез на пальму. Он не видел их 30 лет, он здесь родился. Но он прирожденный негр. Он сорвет всего один кокос и слезет обратно.

О, Билл, ты шалунишка, слазь с пальмы и давай паспорт. Мсье портье говорит, пустая формальность. Вот наши паспорта. Вы можете в них не заглядывать. Мы негры. Не может быть, мсье портье. Он? Паша? Ну, какой он Паша? Вы посмотрите, как он прыгает с пальмы на пальму с кокосом под мышкой. Разве Паши так прыгают? Это типичный Билл. В паспорт вкралась неточность. Поверьте нам...

А вот насчет фотографии вы правы, мсье портье. Билл на ней почти белый. Он просто побледнел. От страха. Он никогда не видел фотоаппаратов. Да еще со вспышкой. Он три дня ходил белый, а потом отошел и почернел...

Мсье портье, не утруждайте себя, вот, возьмите доллар на пустые формальности. Что? Это рубль? А чем вы недовольны? Он дороже доллара на 30 копеек. Сдачи не надо.

Алло, Билл! Слазь на землю, нам дали два номера. Чем ты недоволен, Паша? Ах, дорого. Да, да.

Мсье портье, сделайте нам один номер на двоих. Мы привыкли у себя на родине жить всем племенем в одном номере. Спасибо, мсье портье.

Паша, ура! Мы в гостинице.

...Паша, не грусти, мы уже неделю живем в гостинице. Чего тебе еще надо? Питаешься в ресторане, обслуживают без очереди, в транспорте уступают место. Мне вчера весь троллейбус уступили. Ехал один. Чего тебе не хватает? Девушек? Ну вот, а чего? Даже эта негрятючка из соседнего номера на тебя поглядывает. Женит тебя на себе, Паша. Э-эх! Увезет тебя на Берег Слоновой Кости, будешь большим вождем. На лучших пальмах спать будешь. А, Паша? Ну, не грусти. Мы же у себя дома, а живем, как в гостях. Что значит, какие гости. Обыкновенные. Гости-негры.

Паша, успокойся. Ну почему ты не хочешь быть гостем-негром? Это так здорово... Хочешь быть хозяином, а не гостем? Понятно. Я тоже хочу. Мне тоже надоело быть гостем... Я согласен, Паша. Пошли мыться, бриться, переодеваться. Будем опять хозяевами! Пойдем на вокзал, будем спать стоя.

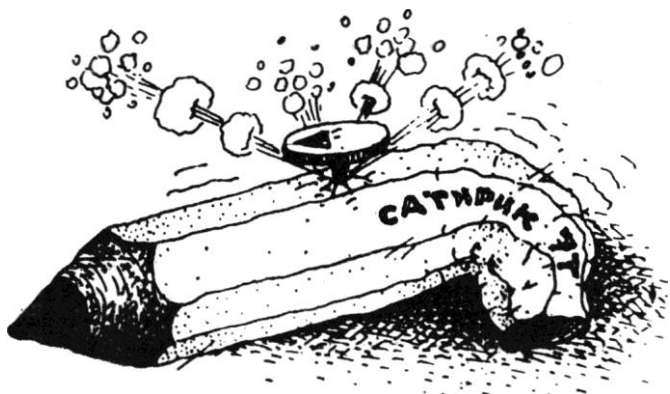

К сатирикам

Пора эту критику прикрывать. Зачем вообще она нужна? Мешает жить, и ничего больше. Вот недавно меня обкритиковали. Плохой, говорят, я хозяйственник. О своем личном много думаю, а о государственном мало. Но это неправда. У меня своего личного, считай, ничего нет. Все государственное. Гараж — государственный, гостиница — государственная, склад — государственный. Все учреждение мое — государственное. Просто я им распоряжаюсь. Гаражом, гостиницей, складом, всем учреждением. А лично мне ничего не надо. У меня все есть. В гараже, в гостинице, на складе, во всем учреждении. Я звоню и распоряжаюсь:

— Грузовик — в дачный кооператив, со склада дефицит — по адресу, в гостиницу — Иванова, путевку — Петрову, а Сидорова увольте. За что — сами придумайте.

Приходят эти сатирики и говорят: неправильно распорядился. Откуда они знают? Коллектив сообщил? Ну, с коллективом разберемся. Узнаем, кому там что надо. А сатирикам что надо? Откуда у них эта жажда крити-

ковать? Да от плохой жизни. А откуда плохая жизнь? От критики. Вот пусть попробуют не критиковать, может, жизнь улучшится. Пусть сатирик придет ко мне и скажет, в чем дело, и попросит, что надо. Может, жена пилит? Попроси, я помогу с разводом. Может, соседи неласковые? Попроси, помогу с квартирой. Может, желудок не срабатывает? Попроси, помогу с лекарством. Только не лезь в мои дела. И я в твои не полезу. Пиши. Слева направо на стандартной бумаге хоть 25 листов в день. Но пиши хорошее! На плохое не обращай внимания. Я понимаю, увидеть хорошее трудней. Оно, как драгоценный металл, всегда в глубине. Вот и смотри вглубь. А плохое увидеть, конечно, проще. Посмотрел по сторонам и увидел. Заглянул в себя и обнаружил. Как сказал поэт, то есть я: «Хорош и плодит сатирик тот, кто сам имеет множество пороков». Ха-ха! Как поэт я сказал, даром что хозяйственник! Не пошел ведь в поэты. Вот поэтому и обращаюсь к сатирикам: давайте не будем! И обращаюсь к хозяйственникам: давайте поможем! Пусть сатирики принесут нам списки, кому что надо. Мы, хозяйственники, обеспечим. А вы обеспечьте тишину. Договорились?

Экскаватор

По городской околице весело бежал шагающий экскаватор. Он бежал красивой крупной рысью, вытянув длинную шею-стрелу вперед. Иногда исполин сбивался на галоп. Тогда машинист экскаватора Себяшко чуть сбавлял газ и переводил его на рысь. В целях экономии горючего.

Инспектор ГАИ Гаврилов на «жигуленке» тщетно пытался остановить бегущее транспортное средство. Экскаватор аккуратно перешагивал желтую машинку

и бежал дальше. Наконец у инспектора Гаврилова кончился бензин, и он отстал.

Машинист Себяшко был в отличном настроении, он решил посвятить сегодняшний воскресный день рыбной ловле.

К лесному пруду уже подтягивались и другие спортсмены-рыболовы. Кто — на «Волгах», кто — на «МАЗах», а кто — просто на вертолетах. У поворота на лесную дорогу к обочине автостреды притулился совсем новенький ИЛ-86. Экипаж Кулебякинского управления Гражданской авиации поприветствовал Себяшко, пробегающего мимо на своем экскаваторе. Стюардессы сгибались под тяжестью сеток с закуской и очаровательно улыбались. «Похоже, с ночевкой намылились», — подумал Себяшко, сбавляя газ на повороте.

Клев стоял отвратительный. К обеду Себяшко пересчитал улов. У левой задней ноги экскаватора лежал, как ни считай, всего один скрюченный ершик с грустными глазенками.

Директор карьера, в котором работал Себяшко, раскинул снасти по соседству. Он также складывал улов возле транспортного средства — служебной «Волги». У левого заднего колеса лежала пустая бутылка из-под лимонада. Рыбы пока не было.

— Себяшко, друг, как твои дела с экономией горючего?

— Хорошо, товарищ директор. Сэкономлю больше, чем за прошлый год.

— Молодец... Вот клев паршивый. А помнишь, как лет пять назад здесь клевало? Ведь по сорок окуней с тобой выдергивали.

— На удочку. А с динамитом и того больше, — отозвался Себяшко.

— Да-а... А как вывозили улов? На худеньком «зилке». А сейчас — такая техника! У тебя шагающий в ковш тонн сорок возьмет, а повезешь ты домой одного ершишку. Смех.

Невеселый разговор прервал инспектор ГАИ Гаврилов. Он заправился по сходной цене у проходящей по трассе машины и сейчас приехал на пруд с проверкой.

С противоположного берега вспорхнули стайкой пять вертолетов. Их водители, очевидно, заметили машину Гаврилова и решили улететь от греха подальше. Путевые листы у них, конечно, есть, но вдруг оформлены неправильно, да мало ли к чему можно придрататься.

Себяшко протянул путевой лист Гаврилову. Тот вчитался, вернул путевку обратно, козырнул и уехал.

Под вечер клевать стало еще хуже. Сначала уехал директор на «Волге», а потом и Себяшко, положив ерша в карман, полез в кабину экскаватора.

На автостраде ИЛа-86 уже не было. Себяшко посмотрел в небо и увидел его там. «Видать, раздумали с ночевкой. Не клюет... А может, за червями полетели».

Через час в район городской околицы вбегал шагающий экскаватор. Себяшко решил не гнать его в карьер, а поставить возле дома. Ведь завтра рабочий день. Рано утром надо отвезти дочь в ясли. Потом съездить на работу — отпроситься в аэропорт встречать тещу. После этого жена должна съездить на экскаваторе на базар за продуктами, потом — в ателье на примерку, потом — в парикмахерскую.

Себяшко припарковал шагающего возле дома, слез на землю, хлопнул по карману с ершом и легко вбежал по ступенькам в подъезд.

Пусть...

- Маша, завтра меня забирают.
- Куда, на повышение?
- В милицию. Все, доигрались.
- Какой ужас!
- Маша, будет конфискация. Действуй так. Мебель продай, оставь половик, циновку и железную койку.
- Где я возьму койку?
- Возле школы, в металлоломе. Попроси пионеров, они помогут. Заплати им, они тимуровцы. Установи койку в квартире, пусть конфискуют.
- А где взять половик и циновку?
- У тети Любы. Ей отвези весь хрусталь. Купи два граненых стакана — пусть конфискуют.
- А куда пуделя?
- К тете Моте. Вместо него купи хомячка за рубль двадцать, пусть конфискуют.
- А куда картины, куда подлинники?
- Рафаэля отнеси к тете Кате. Вместо него купи картину в художественном салоне. С прорабом в сапогах.

- Которую?
- Ну, на которой сапоги как живые. Повесь на стенку, пусть конфискуют.
- А натюрморт? Твой любимый натюрморт?
- Какой?
- Ну, где нарисованы два талона на колбасу.
- Маша, талоны вырежь и съешь. Они вкуснее нынешней колбасы.
- А книги, книги куда?
- Художественную литературу спрячь. На полках оставь наших романистов образца до 85-го года. Пусть конфискуют... Так. С нашими машиной, дачей и гаражом у нас все в порядке — они не наши... Беги и действуй!
- Милый, как мне хорошо с тобой и спокойно.
- А ты как думала?

Выписка из личного дела

Никифоров Степан Степанович, возраст 18 лет.

Заявление Никифорова

Прошу принять меня на завод на должность инженера с общим заработком 250 рублей в месяц. Образование: 8 классов. Прошу оформить с 1 сентября с восьми часов московского времени.

Резолюция: в отдел кадров — оформим, инженером, в бухгалтерию — оклад назначить.

Заявление Никифорова

Прошу уволить меня с работы с 1-го сентября с 8 час. 45 минут московского времени.

Резолюция: уволить.

Справка на Никифорова

Общий стаж на заводе: 45 минут и 302 тысячных секунды (определен по фотофинишу).

Заявление Никифорова (от 8 час. 02 мин)

Прошу обеспечить меня 3-комнатной квартирой.

Резолюция: обеспечить.

Заявление Никифорова (от 8 час. 05 мин)

Прошу направить меня на учебу от завода в институт на рабфак. Стипендию назначить от завода в размере оклада.

Резолюция: направить на учебу, стипендию назначить.

Заявление Никифорова (от 8 час. 10 мин)

Прошу выделить мне бесплатную путевку в Ялту на сентябрь месяц.

Резолюция: выделить.

Характеристика на Никифорова

За время работы на заводе проявил себя способным, грамотным специалистом в области инженерно-слесарных проблем. Дисциплинирован, аккуратен. Как передовой работник, неоднократно поощрялся бесплатными путевками в места курортного лечения.

Обладает большими способностями к учебе. Направлен на учебу в институт на рабфак. За время работы опозданий и других нарушений производственной дисциплины не имел. Является наставником молодежи.

Характеристика дана для предъявления в народный суд по месту возбуждения уголовного дела на Никифорова. Туда же направляются 4 (четыре) общественных защитника, хорошо знающих обвиняемого, проработавших с ним бок о бок всю его трудовую жизнь.

Администрация надеется, что суд учтет огромные заслуги Никифорова перед заводом и смягчит меру наказания до возможно низких сроков, хотя бы лет до семи-восьми.

Подпись, печать.

Юный пенсионер

Лично я начал думать о пенсии с 6 лет. И особенно о пенсионном возрасте.

Где-то наверху сейчас есть мнение — поднять пенсионный возраст хотя бы до 65. Действительно, на Западе кое-где уже. Но там они до пенсии доживают. Но и у нас можно поднять. Ну, кому плохо, если в 59 кто-то умер, а в 65 пошел на пенсию?

Но все-таки пенсионный возраст лучше определить научно. Что мы сейчас и сделаем.

Как вы думаете, сколько лет в среднем человек живет в Советском Союзе? В Советском Союзе — по-разному. Бывает, и в 25 уезжают. Но мы берем самую высокую цифру — 100 лет. Может у нас человек столько прожить? Может. При условии, что он не курит, не пьет, не болеет раком и другими простудными заболеваниями. Живет один и дышит горным воздухом на горе Пик Коммунизма. Это наш идеальный советский гражданин.

Теперь берем нашего среднего гражданина. Пьющий ли он? Если из двух один пьет, а другой — нет, в среднем они оба алкоголики. Значит, наш средний гражданин — пьющий.

Теперь выясняем, курящий ли он и устойчив ли морально? По той же схеме в среднем получается — да, курящий и периодически влюбляющийся.

Теперь, кто он, средний — мужчина или женщина? Если один — он, а другая — она, то в среднем — оно. Итак, мы получили нашего среднего советского гражданина, бесполого, пьющего, курящего и периодически влюбляющегося.

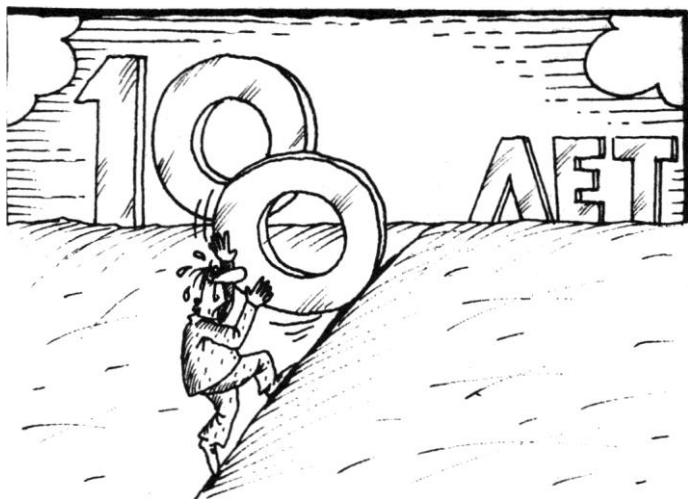
Начинаем подсчет от идеальной цифры сто.

1. Пьет — минус 10 лет.
2. Курит — минус 10 лет.
3. Периодически влюбляется — минус 10 лет.

4. Ходит по магазинам — минус 10 лет... Что, много? Но он же действительно ходит по магазинам, потому что не на пике коммунизма живет, а в долине социализма. И когда он идет возле магазина, а там дерутся за финскими рубашками, он же не удержится, вступится. Обеспеченность рубашками финскими у нас в среднем по стране высокая — ноль целых и пять десятых на человека. А тут такой случай — хапнуть для себя целую финскую рубашку. И он вступает в драку. В результате целой финской рубашки ему не достается, а русской целой на нем не остается. И так, заметьте, каждый день. Так что 10 лет на магазины промтоварные — это в самый раз.

Я не беру в расчет общественный транспорт. Потому что если десять трудящихся идут на работу пешком, а один руководящийся едет на «Волге», то в среднем у нас на каждого получается по ноль целых и одной десятой «Запорожца». То есть с транспортом хорошо.

5. Но и продуктовые магазины на продолжительность жизни влияют. Ведь даже дерево, если его вовремя поливать и подкармливать, растет лучше и живет дольше. А вы дайте ему солнце — по талонам, а воду — по карточкам. Сколько оно протянет?

6. Приходится учитывать и книжный дефицит. Когда у меня начинаются схватки в желудке после продмага, я читаю книгу о вкусной и здоровой пище. Это помогает. Но не у всех же есть эта книга.

7. 10 лет жизни отнимает у нас наличие экологии. Я не понимаю, кому помешали наши родные каракалпаки? Кто-то взял и украл у них Аральское море. Я не могу понять, зачем калмыков заразили спидом? Их и так мало, у нас ведь есть народности побольше. Но заразили именно их, причем самым коварным способом: не от удовольствия, а от шприца.

8. 10 лет жизни отнимает у нас медицинское обслуживание. Допустим, человек широко зевнул. От веселой жизни. И у него заклинило челюсть. Приходит он в больницу, а доктор тактично так говорит ему:

— Чего рот разинул? Ну чего разинул?

А человек не может ответить тем же с открытой челюстью. А доктор задает наводящие вопросы типа:

— Вы когда последний раз болели спидом?

Рот у пациента раскрывается еще шире. И доктор отправляет его к другому врачу удалять гланды.

9. Теперь о стрессах. Представьте, наше среднее существо, извините, средний гражданин, бесполой, пьющий, курящий, периодически влюбляющийся, одетый в ноль целых и пять десятых рубашки, в одном целом и одном порванном ботинке едет на ноль целых и одной десятой «Запорожца» к своей средней возлюбленной, в среднем проститутке. Наш средний гражданин в среднем сказочно богат, потому что имеет огромный флот, армию и периодически запускает «Бураны» многоразового использования. И в среднем он очень счастлив. Но у девушки его подстерегает стресс по фамилии Стресс. И девушка уже перешла на его фамилию. Такие стрессы уносят еще 10 лет нашей жизни.

А теперь подведем итог. От возраста в 100 лет идеальной жизни советского гражданина мы отнимем годы, которые уносит наша реальная средняя жизнь. Получается: $100 - 90 = 10$ лет. Это наша средняя продолжительность жизни.

Но мы не учли атомные электростанции, самолеты, корабли, землетрясения, горисполкомы. Наводнения, райсобесы. А они, вместе взятые, отнимают у нашего среднего гражданина оставшиеся 10 лет жизни.

Таким образом получается, что средний возраст у нас сейчас достигает ноль целых и ноль десятых лет жизни.

А ведь на пенсию надо выйти хотя бы чуть-чуть пораньше. Чтобы отдохнуть на склоне лет, понянчить внуков. Поэтому пенсионный возраст, я считаю, надо назначить раньше нашей жизни хотя бы на 9 месяцев.

Железный курильщик

Уважаемые курильщики, курильщицы и курята! Я могу поделиться с вами богатым опытом в области покурить. А так же в области побросать покурить. Чтобы бросить курить, я сделал все. Но этого оказалось мало. Требовалось отсутствие силы воли. К сожалению, у меня железная воля. В нашем отделе все бросили курить. Но я не пошел на поводу. Я держался. Тогда меня вызвал директор и сказал:

— Если не бросишь, не жди повышения.

Я не бросил.

Жена сказала: «Или я, или сигарета».

Я твердо ответил:

— Конечно, ты! И сигарета.

Она ушла. Я закурил. Она вернулась с пачкой сигарет. Я был счастлив. Ведь я люблю ее, пачку сигарет, больше, чем пачку папирос. Радостный, я выскочил на балкон покурить и простудился. При воспалении легких не курят. Я курил. Было больно. Слабак давно бы бросил. Или сыграл куда-нибудь. Но я не сдавался, не тот характер.

У меня к пенициллину аллергия. Но мне его вкатили. От воспаления. Вы видели хамелеона, когда он волну-

ется? Я так же менял окраску. Когда я очнулся, главврач дал мне кислород. Стало хуже. Тогда он дал мне сигарету. Стало лучше. Главврач никогда не курил, но закурил и сказал хрипло:

— Вы хуже героя.

Медсестры не выдержали и заплакали. Им дали кислород.

Когда я выписался на работу, мне объявили войну антикурильщики. Но я был хитер и коварен. Руководству объявил, что без сигареты со мной может случиться приступ. Или хуже. Они испугались и повесили над моим столом график моих перекуров, согласованный с директором, утвержденный в министерстве.

Я курил всегда и везде. И в бане, и в ванне, и в ручейке, и в океане. В парилке я держал в правой руке сигарету. А в левой? Нет, не веник, пепельницу. В Черное море я заходил в ластах, маске и с трубкой. Трубка — длинная, курительная. Я нырял и держал ее в зубах, как перископ. Конец с табаком — над водой, я с другим концом — под водой. Плынешь, любишься подводным царством и покуливаешь. Наслаждение непередаваемое.

Мне говорили, куренье вредно для вашего здоровья.

Я не возражал. Да, курение в чистом виде слегка вредит. А если брать его в комплексе с работой? Расход здоровья на работе большой. Вас вызвал начальник — здоровья стало меньше. Вас вызвали на пожар, и вы его потушили — здоровья может вообще не остаться. А если вы не пошли к начальнику, а пошли в курилку? Разговор не состоится — здоровье сохранится. Пожар? Перекурите. Другое дело, если вы вообще нигде не работаете. Тогда бросайте. Но если вам удастся, я сразу скажу: ваше здоровье в опасности. Вы тяжело больной человек. Даже, может быть, конченный. Потому что здоровый человек курить никогда не бросит.

Молчат и строят

Радость охватывает за то, что 72-й год революции у нас идет и четвертый год перестройки. Конечно, за 70 лет много чего понастроили. Поэтому перестраивать сейчас трудновато. Но трудностей мы не боимся.

Я об этом сразу подумал, когда через улицу от моего дома строительство развернулось. Одновременно два больничных здания начали возводить. За глазной корпус наши друзья из Финляндии принялись. А за хирургический — наши друзья-строители из нашего города.

Вот думаю, мы этим финнам и покажем, как надо строить, а если повезет, то и перестраивать.

Обе бригады сначала забором свои площадки огородили. В нашем заборе строители сразу дырки предусмотрели. Одну — к автобусной остановке, одну — к столовой, одну — к магазину. А остальные — так, на всякий случай, чтоб рабочее время экономить.

А эти финны все щитами огородили, причем без дырок. Прямо непонятно, как они собираются за экономию бороться. Дальше наши на своем заборе плакаты

и транспаранты повесили: «Строительство ведет СУ-9. Прораб Никифоров», «Горожанин! Работай так, чтобы тебе никто не завидовал». Ну, и несколько лозунгов и призывов к 1 Мая. Получилось красиво, наглядно и удобно. Допустим, ты забыл тост — смотри на забор, там подсказка: «Да здравствуют советские женщины!»

А эти финны ничего на заборе не написали. Такие скрытные, непонятно, за что они борются. Наши пацаны попытались им помочь идеологически, нацарапали кое-что на заборе. Но финны стерли. Молчат и строят. Котлован вырыли, коммуникации к нему подвели и вдруг неожиданно площадку вокруг котлована заасфальтировали сдуру.

А нам с площадкой не повезло — асфальтовая попала. Ну, известно, у строителей всегда руки на асфальт чешутся и глаза горят. И начали они асфальт с лица земли сдирать. Чтобы до грязи дойти. Как только до грязи дошли, отметили первую трудовую победу. Два дня после этого не работали. Да и как не отметить! Все условия себе для подвига создали.

И началась битва за будущий план. Машины буксуют, строители толкают, крановщик орет, и все друг друга кроют. Сердце радуется — кипит работа.

Все задорные, веселые и самое главное — по уши в грязи. Ну, никак не скажешь, что не работают...

А финны начали вяло. Прямо тоска на них смотреть. Машины без рева заезжают, материалы без воплей разгружают. А прораб вообще молчит. Скажет по-фински «лайн-майна» и опять молчит. Вот так и молчат и строят в своих финских костюмчиках.

Но вот парадокс. Без шума, без грязи у них вдруг первый этаж из-под земли вырос. А у наших что ни день, то новые трудности. То кран, как осинку, ветром согнет. То прораб в котлован свалится. И целую смену его оттуда вытаскивают. Не везет. А тут еще магазин рядом. И как только время к двум часам, наши нервничать начинают. То на часы смотрят, то друг на друга. То — на часы, то — друг на друга. А ровно в два они цепенеют, инструмент у них из рук вываливается, и все исчезают в дырку в заборе.

Через несколько дней у финнов уже второй этаж на место встал, а наши все в котловане возятся. Я думаю, так и проиграть можно. И решил я проверить, чем это финны берут. Ну что они, умней нас, что ли? Они что, мозговые извилины на бигуди завивают? Нет. Тогда — что? Может, питаются лучше? Я проследил. Берут в нашем же универсаме наши же продукты. И с кассиршами из-за талонов, ну прямо как наши, ругаются, видимо, решили, что у нас так принято.

И я подумал, тут мы переборщили. Все-таки нашими продуктами финнов кормить — это уж чересчур. Жалко финнов.

Потом я подумал, может, бытовые условия у них лучше. Зашел к ним в бытовку и понял, да, лучше, чем у нас в квартирах. Но не на столько же, чтобы нам от них в работе отставать.

Думаю, может, у них инструмент лучше. Проверил — нет. Наш у них инструмент. А свой, финский, у них в первый же день сперли. Они не знали, что инструмент нужно хранить в ящике, ящик — на поддоне, а поддон — в воздухе на кране. Потому что у нас люди не летают, а птицы — не воруют.

Расстроился я, когда финны все пять этажей под ключ сделали и стали ждать приемную комиссию. Завтра — комиссия, а у нас в хирургическом корпусе двух этажей не хватает.

Уснул я с горя вечером, а утром проснулся — мать честная! Стоит наш хирургический корпус. Красавец! За ночь сделали. И вместо пяти этажей даже шесть. Видать, в темноте просчитались.

И вот теперь, когда иной раз меня начинает одолевать наша любимая болезнь ОРЗ, я все думаю: в какой корпус идти лечиться — в глазной или в хирургический?

И принципиально иду в хирургический. Потому что если советское — значит, надежное.

Высокий гость

Нет, я с ума сойду. Через полчаса к нам приезжает высокий гость, а мы еще не умеем правильно его встретить. Все! Проводим последнюю репетицию. Где Грошев? Доложите. Понял. Внимание! Грошев звонил, не может прорваться в контору. Здание уже оцепили, проезд закрыли, транспорт остановили. Кто может вместо Грошева сыграть роль гостя? Попробуйте вы. Как вас звать? Сергей Ильич. Хорошо. Сережа, вы будете высоким гостем. Ну как будто. Не возражать. Все, начали.

Группа по встрече гостя! Внимание, начали. Сережа, появляйтесь в холле. Появились? Все хлопают. Почему так жидко? Меня не интересует, что вы все руки уже отхлопали. Смените руки! Или я сменю хлопающих. Вот это другое дело.

Теперь гость пошел по ковровой дорожке. Хорошо, пошел, пошел... Слава разматывает дорожку перед ним, пятится, пятится... Женя заматывает дорожку за гостем. Гость останавливается в центре холла.

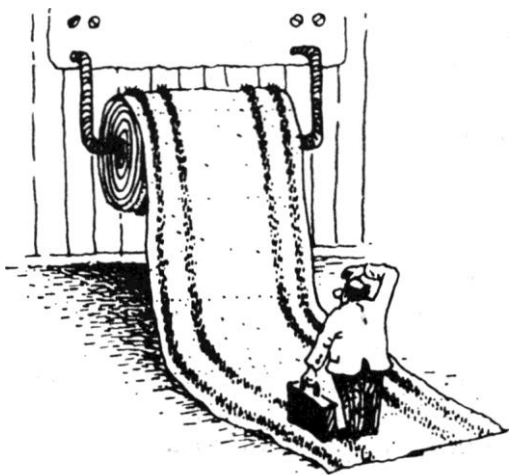
Женя, ты как заматываешь дорожку? Почему с опущенной головой? Ты же подсек гостя под колени. Ну, подумай, если бы кувыркнулся настоящий гость? Поднимите гостя, отряхните, покажите людям.

А где Слава? Куда он упятился, уразматывая дорожку? Быстро найдите Славу по дорожке. Где он? Доложите. Понял. Дорожка кончается на балконе, перил нет, Славы нет. И бог с ним.

Теперь — стул гостю. Где Ураков — ответственный за стул? Доложите! Понял. Внимание! Ураков звонил, не может прорваться в контору. Здание оцепили, проезд закрыли, транспорт остановили. Васильев! Ты будешь ответственным за стул гостя. Поддай ему стул. Васильев, ты как подал стул гостю? Почему мимо гостя? Ну какая разница — гость мимо стула.

Поднимите гостя, отряхните, покажите людям. Сережа, целясь на стул... правее, левее... сидеть! Васильев, ты где откопал сломанный стул? Вы что делаете с гостем? Разве может у гостя быть такой жидкий стул?

Замените стул. Сережа, сидеть! Пошел официант со стаканом воды. Гость отпивает. Да зачем же залпом и до

конца? И не надо кричать, там вода. Чего вы морщитесь, Сережа? Опять перепутали. Я же сказал, брать со стола, а не из-под стола. Быстро — закусить гостю. Хорошо.

Гость спрашивает у народа:

— Как дела?

Все отвечают хором:

— Хорошо у нас!

Молодцы!

Гость встает, идет по правому коридору. Да не по левому, а по правому. У нас покрашен правый коридор. Согласно маршруту гостя. Так, проходит, любуется на цветы в горшках. Почему я не вижу цветов? А вижу только горшки. Перепутали коридоры? Вы с ума сошли. Все должно ласкать глаз гостя, лелеять ухо гостя... Кстати, где музыканты? Безобразие — в другом коридоре. Цветы, горшки и музыканты должны стоять в одном коридоре. Быстро передислоцировать!

Сережа, вы заходите на трибуну. Спрашиваете у народа:

— Как дела?

Все отвечают:

— Хорошо у нас!

Молодцы!

Спускайтесь с трибуны... Спускайтесь с трибуны... Спускайтесь с трибуны... Спускайтесь с трибуны... Комендант! Вы когда покрасили трибуну? Отклейте трибуну от гостя... Как-как? Одни — за трибуну, другие — за гостя. Раз-два, взяли! Молодцы!

Теперь пошла встреча гостя с нашим директором. Так, внимание! Выпускайте директора. Директор идет навстречу гостю. Рукопожатие, объятия, поцелуй, раз, два, три. Все хором — четыре, пять, шесть. Горько! Достаточно. Отставить поцелуй. Снять объятия. Я сказал, снять объятия. Снимите с них объятия.

Хорошо. После объятий пошли дети. Пошли дети! Пионеры и школьники. Вовочка повязывает галстук гостю. И общая песня. Всем стоять! Кто там упал во время песни? Ну и что, что ему плохо. Ему не может быть плохо во время песни. У нас здесь всем: хорошо у нас.

Все! По местам! Через пять минут приезжает настоящий. Сам. Я сказал, все по местам. Чего ты еще тут стоишь, Серега?.. Сергей Ильич?.. Вы и есть настоящий? Вы раньше? Вы хотели знать? Мне плохо... Но у нас всем: хорошо у нас!

Гласность Ивановна

Как-то так повелось, что в переломные периоды истории возникают и соответствующие имена людей. Вот, например, раньше были имена: Революция, Милиция, Электрификация. Да и сейчас общественные идеи прочно входят в личную жизнь. Время такое бурное.

И вот в это интересное время и решили собраться вместе интересные лица с интересными именами на Новый год.

Собраться решили у рядового труженика без имени и без фамилии.

Первой пришла Гласность Ивановна. Она была девушкой красивой, но какой-то недокормленной. Видимо, сказывалось тяжелое подпольное детство. У нее были огромные испуганные глаза. И ма-а-аленький ротик.

— Гласность Ивановна, дорогая, проходите, садитесь, рассказывайте,— пригласил хозяин дома, рядовой труженик.

Она прошла в комнату, озираясь и вздрагивая. А потом стала устраиваться на краешке стула. Краешек она хотела занять очень маленький и поэтому даже два раза падала. Наконец она присела, но как-то над стулом. И скромно моргнула большими глазами. Она редко ими моргала. Примерно раз в квартал.

В это время в квартиру без звонка ворвалась Демократия Степановна. Выглядела она хорошо. Она всегда была женщиной очень популярной. Ведь про нее по многу раз в день говорили по телевизору. Но вот так,

в жизни, хозяин увидел ее впервые. Она сразу шикарно уселась и закурила. Стул она выдернула из-под Гласности, но та не упала, продолжала сидеть без стула.

— Скучновато у вас, — сказала Демократия Степановна, — может, расскажете что? — обратилась она к Гласности.

Гласность Ивановна скромно улыбнулась и написала на бумажке: «Нельзя, а то услышат». Она показала текст и бумажку скушала.

— А кого мы еще ждем? — нетерпеливо спросила Демократия Степановна.

— Ускорение должен прийти, — ответил хозяин, — что-то опаздывает.

В дверь позвонили. На пороге возникли братья-близнецы Оптимизм и Пессимизм. Оптимизм сразу включил телевизор. Там передавали сводку погоды. Оптимизм не расслышал и переспросил:

— Какое, какое направление свежего ветра ожидается?

Пессимизм ответил:

— У нас одно направление — в морду.

В дверь позвонили.

— Ускорение пришел! — воскликнула Демократия Степановна.

Но это был опять не он. В комнате появился бодрячок с барскими замашками по имени Застой Ильич. Из карманов у него торчали четыре взятки и два служебных положения. Ими он все время пользовался.

Застой Ильич сказал задумчиво:

— Вот взял четыре взятки, а на душе почему-то неспокойно.

— А ты отдай,— посоветовал Оптимизм.

— Да кто же свои то отдает?

За стол решили садиться без Ускорения. Каждый налил себе спиртное по вкусу. Пессимизм — из банки в кружку. Оптимизм — из канистры в фужер. Демократия Степановна — из фляги в рюмку. Лишь Застой Ильич решил себе не наливать. Он принес с собой и мог из горлышка.

После первой за старый год стало заметно веселее. Демократия Степановна встретилась взглядом с Застоем Ильичом и сразу зарделась и заегозила. В молодости он был мужчина не промах, и Демократия об этом хорошо знала. Он подмигнул и сказал ей:

— Ну что, Степановна, а ты — молодцом! С тех пор почти не изменилась.

Потом он покосился на Гласность Ивановну и спросил:

— Кто такая, почему не знаю?

— Да это же наша Гласность! — хором ответили ему.

Застой Ильич поманил ее пальчиком и подарил тюбик зубной пасты. Гласность Ивановна метнулась в ванную чистить зубы. Остальные выскочили из-за стола и устроили очередь в ванную.

Обратно все вернулись белозубыми. Гласность Ивановна от такого счастья улыбнулась во весь ротик. Там был всего один зубик.

— А остальные где? — спросил Застой Ильич.

— А то вы не помните? — нехорошо засмеялась Демократия Степановна.

— Да, хорошее было время,— сказал Застой Ильич и поискал глазами чем закусить.

— А вы — язем, язем,— посоветовали Оптимизм и Пессимизм.

— Пожалуй, съем хвостик,— и он отрезал хвост по самую голову.

Гласность Ивановна знала, что язь — радиоактивный. Но промолчала.

В дверь позвонили.

— Ну, это точно Ускорение,— сказал Застой, открывая.

На пороге стоял еще один Застой.

— Зачем два Застоя то? — закричала Демократия Степановна.

Второго Застоя общими усилиями вытолкали за дверь. Он долго ругался с той стороны и напоследок сказал:

— Погодите ужо, приду и шо.

И ушел.

Застой Ильич всех успокоил:

— Да не расстраивайтесь вы,— и подарил каждому по средству от тараканов.

Настроение заметно поднялось. Все представили, как они будут жить без тараканов.

За дверью кто-то жалобно скулил и скребся.

В квартиру вошел маленький Новый Год. Он долго шарил в пустом мешке. Потом вынул и предъявил свои документы на имя Ускорения.

— Так вот оно какое маленькое?! — удивился Застой Ильич, — И ради этого сопляка весь сыр-бор?

— Ничего, подрастем, — уверенно заявил Новый Год, он же Ускорение, — Давайте-ка посмотрим в будущее.

Все построились в шеренгу, завязали глаза Пессимизму и посмотрели в будущее. Вместе с Оптимизмом.

Прямой эфир

Сейчас многие в условиях гласности требуют от телевидения невозможного — гласности. Кричат: даешь прямой эфир! Ну, дам я вам прямой эфир. Как режиссер телевидения говорю — дам! И что? Думаете, многое изменится? Давайте попробуем.

Все! Даю прямой эфир. С конкурса молодых певцов. Второй тур. Поехали!

Внимание! Выходит первая певица. У меня на мониторах она в трех видах. На первой камере — крупный план певицы. Хороша! На второй камере — средний. На третьей — вид сзади. Что даем в эфир? Хороша певица, но не наша. Из другой области. Даем в эфир вид сзади.

А вот она уже запела. Голос трогательный, песня нежная, о любви. Что даем в эфир? Даем крупно самый низ левой брючины певицы. Там ниточка тащится. То, что надо! Любовь и ниточка несовместимы. И всю трогательность — как рукой!

Конец песни — показываем жюри. У них списки певцов и согласованные баллы. Все жюри поднимает 9 баллов. Единодушно, не подкопаешься.

Выходит второй певец. Что даем в эфир? Певец вообще не из нашей республики. Правда, обаятелен.

Жаль, что зритель этого не увидит. Даем самый мелкий план.

Певец начинает петь. Ах ты, чертенок, как он поет! Конечно, у них там на юге голос может иметь место. Но мы к этому готовы. Эй, на пульте! Громкость убавьте до предела. Ага, поутих... Ах ты, чертенок, он голосу добавил. Ну, ничего. Эй, на пульте! Отключите тембры! Ага, побледнел голосишко... Ах ты, чертенок, он в голос тембру добавил. Надо же... японская аппаратура его не берет. Ну, ничего, не таких обламывали. Эй, на пульте! Пускайте его голос через делитель частоты. Делите на семь восьмых. Чтоб вся страна волком взвыла. Ага!.. Ага!.. Ах ты, чертенок, к делителю приспособился. Умножает сам свой голос на семь восьмых. Такого у меня еще не бывало. Как ужака под вилами. Эй, на пульте! Трубачей — на максимум и — через делитель частоты, пусть глушат. Эти не приспособятся... Ага, ага... Захлебывается певчишко... Ах ты, чертенок, на язык танца перешел. Внимание! Пошла в эфир репортажная камера. Хватайте крупный план мужика в восьмом ряду. Да наш, наш это, подсадной. Там у него в кармане котенок. Зритель про певца забудет, когда котенок начнет мужика за нос кусать. Крупно показываем у мужика ухо, нос, котенка, укус! Все! Конец песни.

Жюри — 8 баллов. Единодушно, не подкопаешься.

Выходит третья певица. Это наша! Наша область, наш город, мой дом. Соседка. Что даем в эфир? Первую камеру крупно — нельзя. У певицы не тот фас. Вторую камеру сбоку — нельзя: не тот профиль. Даем третью камеру под углом 45 градусов, средний планчик, в дымке... Хороша! Из такого материала такую конфетку сделал. Ах ты, наша ласточка! Крупный план даем только ниже пояса. Выше нельзя, все потеряем. Какие ножки! Я отвлекся. Певица поет. Почему не слышно голоса? Эй, на пульте! Громкость — на максимум. Почему плохо слышно? Она что, простыла? А-а, это у нее голос такой, от рождения. Ничего, сейчас поправим. Эй, на пульте! Тембры — на максимум, оркестр — на минимум, трубы вообще пусть сходят покурят. Так, теперь ее уже слышно. Ах ты, наша ласточка!.. Эй, на пульте! Она верхние не дотягивает, дотяните умножителем. Настроились, послушали. Хорошо! Ах ты, наша ласточка! Я млею, как она поет.

Все! Оценки нашего жюри нашей певице 12 баллов! Единодушно, не подкопаешься. Гран-при!

Заканчиваем прямой эфир. Напишите нам, как вам понравился наш кривой кефир, извините, прямой эфир.

Химия или жизнь?

Я думаю: чего это все закопошились в нашем городе? Бегают, суетятся. А оказывается, к нам делегация намылилась. Не то из Центра Африки, не то с Юга Австралии. Будут от нас опыт перенимать. То ли как не давать окружать окружающую среду. То ли как этой среде выходить из окружения. В общем, что-то из серии «Химия или жизнь».

А городок наш в этом смысле расположен удачно. Кругом — химия. А если присмотреться, то и жизнь.

Руководство городка, конечно, отбрыкивалось. Мол, какой тут опыт?! Только делегацию напугаем. А то и хуже, вдруг какой-нибудь слабак из них не выдержит. Но им твердо сказали: обеспечить передовой опыт! И трубку повесили. Ну, руководство городка и побежало обеспечивать.

Во-первых, посадочная полоса у нас маловата, не под те лайнеры. Бросились удлинять. Лайнер как раз на посадку заходил с той стороны. А ремонтники с этой как раз начали удлинять. Ну, ничего, успели, заасфальтировали. Наш каток быстрее лайнера бежит, когда надо.

Правда, самолетик немножко въехал в огород деда Семена. Прямо возле крыльца остановился. А дед Семен на крыльце как раз медовуху пробовал. Глядь — самолет на подворье. Он думает: хорошая медовуха! Еще кружечку принял, для просветления, — не исчезает лайнер. Больше того, трап с самолета на землю спустился, люди сходят. А глава делегации, седой такой босс, деда Семена в объятия заключает.

Дед обнимается и думает: ох и медовуха!

Но тут подоспела группа встречающих. Говорят, извините, не туда въехали, проскочили. Босса — под руки и в аэропорт. И самолет из огорода вытолкали вручную и тоже укатали.

В общем, посадка более-менее удачно прошла. Началось самое трудное: как этого босса до города донести. Чтоб он и природой полюбовался, и дорогой понаслаждался. Ну, дорогу сделать успели. Комсомольский субботник с трех областей — и готова дорога. А вот как с природой быть? Где ее взять, если ее уже нету? И особенно вот этот участок, от аэропорта до города. Три завода и два химкомбината окружили природу и заглушили намертво. Пустыня.

Повезли этого босса из аэропорта. Он восхищается. Хорошие, говорит, у вас дороги. А места какие чудные! Вот, говорит, вдоль дороги — это что за деревья такие зеленые? А наш шеф отвечает:

— Это, говорит, березки. В масштабе 1:1.

А сам в поворот дороги вглядывается и думает: «Только бы успели до города засадить, только бы успели».

А в это время три завода и два химкомбината на полную мощь работают. Березки делают. Заводы — железные точат, а химики — из пластика. Тут же к дороге их подвозят, а юннаты, значит, озеленяют.

На четвертом километре под березами грибы пошли. Да такая крупизна! Уж постарались на деревообрабатывающем комбинате. Маслята, опята, обабки.

Потом по мостику речку проехали. Речку полиэтиленовой пленкой закрыли, чтоб не пахла. А на пленке такую голубую волну нарисовали, аж до слез. И утки подсадные по пленке будто бы плавают. А пионеры под мостом с манками сидят, крикают.

Босс говорит:

— А нельзя ли уточку стрельнуть?

Шеф отвечает:

— А пожалуйста,— и двустволку ему подает.

Босс — бабах! — в стаю. Из-под моста — Жучка, в зубах уточка, уже ощипанная. Подбежала к боссу, в ножки положила.

Босс спрашивает:

— А рыбка как, водится?

А у нас до самого горизонта все рыбаками усеяно. Свистнули рыбаков. Из-под моста пионер Вася с ведром живых карпов. Все продумано.

На восьмом километре от аэропорта подключилась фабрика меховой игрушки. На берегах птицы пошли.

Босс спрашивает:

— Что за птицы?

Шеф говорит:

— Воробьи не воробьи, сороки не сороки, а по каталогу — просто птица. Наверное, голубь.

Потом зайцы под березами пошли. Валяются, загорают. И два Чебурашки. Тут напугали.

Босс говорит:

— А чего они все притаились. Вроде бы как жизни не радуются.

Шеф отвечает:

— Сейчас обрадуются,— и соединился с кем-то по рации.

Уже через два километра птиц озвучили. Пели как соловьи. Зайцы прыгали на задних лапах и кричали: «Дружба, дружба!» А дальше летающие попугаи пошли. Прямо на лету яйца несли на капот машины. Куриные.

Босс восторгается:

— В такой сложной химической обстановке и такая буйная жизнь.

В общем, до города проскочили. А от городской природы многого не требуется. Пару раз кислородную подушку включали в салоне — и все.

Тут босс на завод проситься начал. Интересно, говорит, посмотреть, чем там люди дышат.

А вот с людьми-то у нас как раз загвоздка. Во-первых, в темноте светятся слегка. А при свете — зеленоватые малость. Конечно, и их можно одеколоном вспрыснуть, подкрасить, подмалевать. Но ведь босс этот может пальчиком по щеке мазнуть и догадаться. Да и как-то люди все-таки, наша гордость. Вот ведь звери ушли,

рыбы уплыли, природа подохла, а человек-то все-таки остается человеком. Ему и бежать-то некуда.

Тут похитрей приемчик нужен. Вывели мы, значит, всех рабочих из цеха через пожарный выход, бомбоубежище на волю и отправили в отгулы. Рыбачьте, охотьтесь, на травке валяйтесь или — по грибы. А в цех завели заводскую хоккейную команду. Ребята только из турне по Индии вернулись. Босс как глянул на этих молодцов у сернокислотной ванны, так сразу не поверил. Дайте, говорит, трудовую книжку, вот хотя бы этого богатыря. Дали. С паспортом, с фотографией. Босс читает: «Оператор травильного отделения». И стаж работы на заводе — 10 лет. А эта ванна — его рабочее место.

Сказал босс: «Все, сдаюсь» — и ушел из цеха.

Вечером все стояли на берегу искусственного пруда из кровельного железа. Лягушки квакали, утки кричали, луну цинковую на вертолете подняли. Тишина. Только вертолет над ухом стрекочет.

Босс сказал:

— Это невероятно. Пришлю к вам своих специалистов, пусть изучают.

Мы ему:

— Конечно, присылайте.

А сами думаем: выкрутимся. Или визу не дадут, или погода нелетная, или город наш вообще переименуют, затеряется на карте России. Так что пусть приезжают — выкрутимся.

В генеалогических дебрях

Ох, и запутанная жизнь пошла. Вот раньше я всегда думал, что в нашей многонациональной стране живут две национальности: русские и нерусские. Причем по Сталину-Брежневу выходило, что все должны жить одинаково «Черненко». И так и жили. А тут вдруг выяснилось, что у нас живут еще, например, армяне и азербайджанцы. Откуда они взялись? И даже латыши и эстонцы. Елки-палки. И везде такое началось, что сейчас осталось одно спокойное место — Северный полюс. И то там два белых медведя грызутся. Потому что один вроде бы желтее другого.

И чувствую я, с американцами мы подружимся, а сами внутри передеремся. Так что американцам дружить будет не с кем.

Очень запутанная жизнь. Я сына перед сном на горшок посадить не могу. Наотрез отказывается. Говорю ему:

— Так ведь обмочишься ночью.

— Ну и что,— говорит,— хоть и обваляюсь! А свобода дороже.

Очень сложная жизнь. Я сам всегда себя русским считал. И по паспорту, и по морде. Но недавно объявился у меня родной брат — грек из Финляндии. По фамилии Кобылец-Оглы. Отыскал он меня где-то на Урале и с порога закричал:

— Коля, я ж твой родной брат Вася, грек из Финляндии.

Я спрашиваю:

— У тебя какая фамилия, Вася?

Он говорит:

— Кобылец-Оглы.

Странное дело — моя фамилия. Но я же чисто русский, а он чистый грек из чисто Финляндии. Я засомневался. А он разворачивает бумагу, и там написано: «Генеалогическое древо рода Кобыльцов-Оглы».

— Вот,— говорит,— смотри, здесь все твои бабки-прабабки и дедки-прадедки.

Я как глянул — у меня лысина поседела. Оказывается, одна прабабка у нас азербайджанка была. У меня кровь сразу закипела и невольно слова вырвались:

— Умру, но не отдам Карабах этим армянам.

А брат Вася дальше в листочек пальцем тычет. Я смотрю — а там прадед мой армяном числится.

— Ах ты,— говорю,— Карабахх-ты,— говорю,— умру, но заберу Карабах у азербайджанцев.

Но тут прабабка-азербайджанка во мне опять заговорила, и у меня в крови такая война между армянами и азербайджанцами пошла, что я сам себе морду бить начал.

А брат Вася меня разнял, успокоил и говорит:

— Смотри дальше.

Я смотрю. Второй прадед — латыш. И я сразу почувствовал такое недоверие к этим русским. Нашим латышским воздухом дышат, в нашем море купаются. Все, говорю, отделяемся, хватит, намыкались. Долой рубли! На наши латышские доллары жить будем. Янки, прочь из Вьетнама, Свободу рабыне Изауре. А потом думаю, а как же с точки зрения меня, русского? И тут опять такая во мне схватка началась, что я родной зад начал рвать на две равные части.

А брат Вася опять меня разнял и дальше листочек показывает.

Я, говорю, брат Вася, не буду я дальше смотреть. Иначе я сейчас сам себя убью, зарежу, повешу, уничтожу и утоплю.

Он говорит, да посмотри! Интересно же свои корни узнать. Я думаю, последний раз взгляну, кто там у нас третий прадед был, и все. Взглянул и сказал:

— Так це шо ж теперь робыты? И за кого же тепер воюваты?

А брат Вася говорит:

— Но самое интересное — это кем у нас третья прабабка была. Взгляни.

Я говорю:

— Не буду!

— Да ты взгляни, кем она была?

— Кем? — говорю.— Обезьяной?

— Нет.

— А кем? Негром?

— Да нет, она была русской.

— Русской? Прабабушка моя родная! Одна ты у меня осталась. Спасибо тебе, моя милая. Вася, выбрось бумажку, не морочь мне голову.

Посадил я Васю за стол и сказал гост:

— Что главное в узбеках? Правильно, помидоры. И вообще витамины. В белорусах — мясо. А в нас русских — идеология. А что, если накормить всю страну мясом и витаминами вместо идеологии? И вообще, сделать жизнь прекрасной и удивительной. Ну если у всех всего навалом, какая разница, что там в паспорте в графе «национальность»? Хоть олень. Лишь бы человек был хороший. Так давай, Вася, выпьем за то время, когда у нас у всех будет одна национальность — счастливые.

За державу обидно

*Монолог
напуганного спикера*

Вы слышали, господа конгрессмены, у них там перестройка идет? И они сами говорят, что мы, американцы, испугались. Не знаю, кто как, а я испугался. Аж весь дрожу!! Мне кажется, что наши американские и индейские корни уже подгрызает пресловутый Восток.

Особенно боюсь за нашу молодежь. Мне кажется, она совсем перестала смотреть родные американские фильмы и ломится на «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень». Мне кажется, что наши юноши и девушки перестают танцевать брейк-данс на голове. Они начинают вызывающе водить хороводы. Я прямо чувствую растленное влияние Востока в нашем искусстве. Еще немного — и наш кумир Майкл Джексон будет петь под Кобзона. Он уже и сейчас нет-нет и встанет столбом на сцене. Это развращает нашу молодежь. Хотя больше уже некуда. Ведь молодые американцы, наслушавшись восточных радиоголосов, бросились героически трудиться. Они не хотят обращать внимание на комаров и зарплату. Их хлебом не корми, дай где-нибудь поработать. А что мы, американцы, можем предложить им взамен? А ничего! Кроме красивой жизни.

Недавно на Бродвее произошел безобразный случай. Все девушки из борделей вывалили на улицу с метлами и криками «Субботник!». Но нельзя же так слепо поклоняться Востоку. Ведь у нас еще есть дворники. Потом эти же девушки шли по улице с плакатами «Даешь пятилетку за четыре ночи!». Кому же будут нужны такие девушки?

Мне стыдно сказать, но в библиотеках совсем не читают исконно американскую книгу «Хижина дяди Тома». Я не знаю, кто допустил к продаже чуждый нам роман «Поднятая целина». Но сейчас мне кажется, каждый наш фермер мечтает податься в колхоз. Чтобы

производить там по два зерна с гектара и ничего не делать. Чтобы получать по два стакана молока от коровы и заниматься самогонварением. И ждать шефов из Чикаго на уборку картофеля.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что наши бизнесмены ни с того ни с сего бросились охранять природу и уже полностью загадили озеро Мичиган. Зачем же так слепо перенимать передовой опыт Востока?

Мне вчера приснилось, что наши гидростроители на юге втихаря повернули вспять Миссисипи. И она начала впадать в саму себя. Будто бы угрохали на это дело весь годовой бюджет, и сейчас наши миллионеры стоят в очереди за миской супа. Хорошо хоть, что суп приснился с мясом и бесплатный.

Кстати, об очередях. Я был уверен, что на нашей почве это дело не приживется. Но идолопоклонники Востока уже начали создавать очереди за всякой чепухой! Мало того, в очередях они обучают нашего обывателя ругаться, толкаться и наносить оскорбления действием.

А наши бедные негры? Мне жалко смотреть на них, когда они едут на дешевеньких «тойотах». Почему они перестали бороться за свои права? А только перешептываются за углами.

Правда, оживились рядовые рабочие. Они требуют улучшить благосостояние и поднять наконец цены на продукты питания. Но, с другой стороны, они стали неохотно ходить на демонстрации. И почему-то плакаты несут угрюмо. Хотя на плакатах их уже кровное требование: «Долой виски и мартини!» Чего они такие угрюмые?

Даже наши американские политики изменились. Поговаривают об усилении демократии и отмене прямых выборов.

Словом, я, как истинный американец, обеспокоен! Я призываю к гласности. Надо бороться! Надо больше критиковать! Только почему это мы вдруг стали критиковать Рузвельта? Как будто сегодня мы живем без президента.

Аты-баты, шли дебаты

Раньше у нас на выборах кандидат был один, а продуктов в буфете много. Теперь кандидатов много, а продукт — один. Идешь на выборы, а выбрать не из чего.

Но не все же идут на выборы продукты выбирать, некоторые — и людей! Хотя и продукты не помешали бы.

Так вот, на нашем участке всего на одно место было целых два кандидата: братья-близнецы Хусаиновы, оба директора заводов, оба члены партии, оба — молодые, оба — Пети.

И вот, значит, мы с женой сначала растерялись. Кого выбирать? Одинаковы, черти, как два куриных яйца.

Ведь есть же нормальные близнецы, которых хоть как-то отличить можно. А эти — ну прямо отражение в зеркале. На собрании их доверенные лица объяснили, что близнецы эти, Хусаиновы, не простые близнецы, а по медицинской терминологии — однойцевые. Мы сначала подумали, ага, значит, мужики с дефектом. Им бы таким обоим — прямая дорога в Верховный Совет по старым понятиям. Но нам объяснили, что это только терминология, а мужики они оба нормальные, без дефектов.

Сели мы с женой после собрания, пообсуждали, а мнения ну прямо разделяются, и все. И написали мы тогда письмо на телевидение, чтобы, значит, оно устроило среди них теледебаты. Чтобы мы могли их внутренний мир прощупать, раз внешний у них совершенно одинаковый и не прощупывается.

И глядим, через недельку в программе телевидения, точно, теледебаты между кандидатами в депутаты Хусаиновым Петром Петровичем, членом партии, директором завода и Хусаиновым Петром Петровичем, директором завода, членом партии.

А к этому времени нам уже объяснили, почему они оба молодые, оба — Пети. Дело в том, что, как только они родились, их назвали Ваня и Петя. Но тут же перепутали. И решили, чтобы больше не путать, назвать обоих Петями, пусть живут.

В назначенный день сели мы у телевизора и приготовились к прямой пропаганде. В начале появилась женщина-корреспондент.

— Итак, начнем,— сказала она,— наши зрители спрашивают вас обоих, Петры Петровичи, что вы считаете главным в своих предвыборных программах?

Первым начал Петр Петрович Хусаинов:

— Главным я считаю — это накормить народ.

— А я считаю,— добавил Петр Петрович Хусаинов,— это, все-таки народ накормить.

От таких слов у меня внутри словно ангел босиком пробежал с килограммом мяса — так потеплело. Вот, думаю, хорошие кандидаты, жаль, что только один пройдет, а вдвоем они бы быстрее накормили. При-

смотрелся я к ним, а они, оказывается, не такие уж одинаковые: у одного — синий костюм, похоже, финский, у другого — зеленый, похоже, английский. Большое дело — теледебаты.

И тут синий Петр Петрович как раз добавляет, что неплохо бы еще этот самый народ и одеть. А зеленый Петр Петрович говорит:

— И обувь.

А синий:

— Я сам разденусь, но народ одену.

А зеленый:

— А я сам разуюсь, но народ обую.

— А я сам с голоду помру, но народ накормлю.

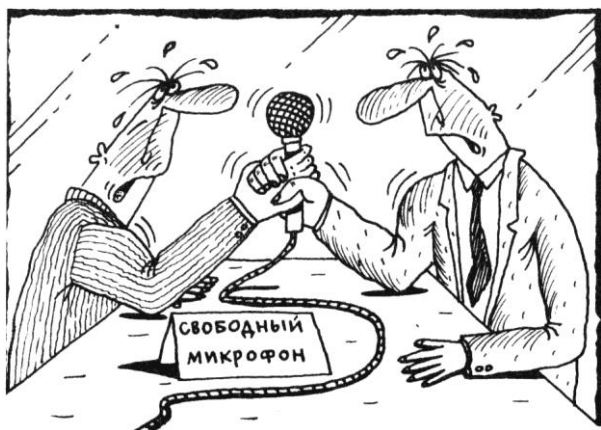
— И я помру...

Тут корреспондент их прервала и говорит:

— Кстати, о птице. Только что поступил вопрос по телефону: «Правда ли, что вы отовариваетесь продуктами в спецраспределителях?»

— Неправда,— сказал синий Петр Петрович,— я отовариваюсь, где и все, в обычном магазине. Только вход с другой стороны.

— А я вообще не отовариваюсь,— сказал зеленый Петр Петрович,— мне привозят.

— Это ветераны отовариваются,— добавил синий,— от них все беды.

Корреспондент кивнула головой и сказала:

— Ваши избиратели спрашивают, в какой квартире вы живете?

— Я — в маленькой,— сразу ответил синий Петр Петрович.

— А я в очень маленькой,— не задумываясь, сказал зеленый Петр Петрович.

— А я еще меньше.

— А я — вообще на вокзале.

— А я — на автовокзале.

— А я — в комнате матери и ребенка.

— А я — только ребенка.

— А я вообще нигде не живу.

Пока зеленый Петр Петрович думал, что бы еще сказать, корреспондент спросила:

— А сколько вы получаете?

— Я — мало.

— А я — очень мало.

— А я — еще меньше.

— А я — меньше некуда.

— А я — на рубль меньше.

— А я — вообще не получаю.

— А я в день полочки свои отдаю.

— Спасибо,— сказала корреспондент,— а как вы относитесь к молодежи?

— Я — хорошо.

— А я — очень хорошо.

— А я — лучше некуда.

— А я — еще лучше.

— Да я без молодежи как без рук.

— А я — как без ног.

— Извините, а как вы относитесь к Сталину? — спросила корреспондент.

— Я — плохо.

— А я — очень плохо.

— А к выводу войск из Афганистана? — вставила корреспондент.

— Я — хорошо.

— А я — вообще замечательно.

— А к вводу? — спросила корреспондент.

— Я — плохо.

— А я — хуже некуда.

— А я — хуже есть куда.

— Ваше отношение к кооперативам? — спросила корреспондент.

— Положительное.

— Очень положительное.

— Я их просто люблю.

— А я их люблю выше крыши. Я жену так не люблю.

— Вот, кстати, о женах,— сказала корреспондент,— у вас спрашивают, правда ли, что вы женаты на дочери бывшего первого секретаря э-э...

— Неправда! Перед тем, как идти на телевидение, я с ней развелся.

— А вы? — спросила корреспондент зеленого Петра Петровича.— Правда ли, что ваша жена — двоюродная сестра бывшего Председателя президиума...

— Неправда! Вы видите, я пишу заявление? Это — на развод. Она мне больше не жена.

Корреспондент продолжила:

— Многие зрители озабочены состоянием экологии в нашем городе. Говорят, что ваши заводы...

— Неправда! Мы спускаем в речку только экологически чистый мазут.

— А мы — только экологически чистый цианистый калий.

— Но на ваших заводах нет очистных сооружений,— сказала корреспондент,— когда вы их построите?

— Завтра.

— А я — сегодня.

— А я — прямо сейчас. Разрешите позвонить (набирает номер). Вася, приступай! Через пять минут доложишь (кладет трубку). Все, построили.

— Прошу прощения,— вставила корреспондент,— как вы считаете, к какому крылу партии вы относитесь, к правому или левому?

— Я — к левому.

— А я — к крайне левому.

— А я — левее некуда. Левее капитализма.

— А я — на полметра левее.

— Тогда извините,— прервала корреспондент,—
зачем вам это нужно?

— Мне — не нужно.

— А мне — тем более.

— Да я чихать хотел.

— А мне — вообще наплевать... Главное, чтоб избрали.

— А мне главное, чтобы мандат.

Корреспондент подвела итог:

— Вы поняли, дорогие зрители, что перед вами выступили два совершенно достойных кандидата. Так пожелаем им обоим счастья и успехов на этом нелегком политическом поприще.

Я до самых выборов мучился: кого выбирать? Зашел в кабину и обоих вычеркнул. Когда вычеркивал — плакал. Таких ребят загубил: и накормить, и одеть, и обуть. Из других кабинок, смотря, люди тоже в слезах выходят.

Так и зарубили достойных из достойных. Поэтому я обращаюсь к избирательным комиссиям, если без них нельзя обойтись: в следующий раз утверждайте хоть близнецов, хоть тройняшек, хоть кого, но пусть хотя бы один из них будет с родинкой на щеке. Чтоб отличить можно было.

Палата Наполеонов

Дорогие коллеги-психиатры! Уважаемые оппоненты и рецензенты! Тема моей кандидатской диссертации «Гипнозы и психозы». Наблюдение производилось за палатой Наполеонов в количестве пяти штук: Наполеон-Никифоров, Наполеон-Понькин, Наполеон-Юсупов, Наполеон-Кобелев и Наполеон-Кукуруза. Все Наполеоны поступили в лечебницу на почве хронического злоупотребления.

Наполеон-Никифоров прошел курс лечения гипнозом и стал фельдмаршалом Кутузовым. Суть эксперимента заключалась в следующем: новоиспеченного Кутузова не стали помещать в палату Кутузовых, а поместили обратно в палату Наполеонов. Кутузов-Никифоров стал гонять остальных четырех Наполеонов, как в 812-м году. Более того, он объявил себя Бондарчуком. После условных съемок «Ватерлоо» все Наполеоны подчинились Наполеону-Кутузову-Бондарчуку-Никифорову.

Никифоров пошел дальше и объявил себя главой Серого дома. Начался дележ портфелей. Наполеон-Понькин стал конгрессменом, Юсупов — директором концерна «Юсупов-старший», Кобелев — госсекретарем Кобелевым, Кукуруза — директором радиостанции «Свободная палата».

Мои подотчетные молниеносно вошли в свои новые образы. В палате начал насаждаться странный образ жизни и мыслей. На стенах появились антипедагогические рисунки в виде девиц. Была пущена в эксплуатацию бегущая реклама. Роль бегущей рекламы исполнял Понькин. Он бежал по стене до потолка и падал обратно в кровать. В палате открылся ипподром и начались азартные бега. Кобелев на Понькине пришел первым. Кукуруза на Юсупове пришел тоже первым. Но разбогател Никифоров. Он-то и объявил бойкот утренним таблеткам. Однако попытка сорвать поставки таблеток

больным провалилась. Большинство пациентов любят таблетки.

Директор концерна «Юсупов-старший» выгнал на улицу 10 тысяч условных негров. Потом пригласил всех обратно и дал каждому по миске условного супа. После чего снова выбросил их на улицу.

Директор радиостанции «Свободная палата» Кукуруза вещал на всю лечебницу 48 часов в сутки на двадцати языках. Он вещал так громко, что медперсонал был вынужден создать помехи в виде кляпа. Но и с ним он продолжал вещать, правда, уже на одном языке — глухонемых.

Секретарь Кобелев двинулся в вояж до соседней палаты. Там у нас лежат четыре китайских императора — близнецы братья Хусайновы, поступившие из Вологды. По причинам злоупотребления. Братья-близнецы китайские императоры сказали секретарю Кобелеву: «Вообще мы согласны, но сначала посмотрим. Кто кого».

Глава Серого дома Никифоров объявил женский туалет зоной жизненно важных интересов. Туда был сброшен десант из конгрессмена Понькина и госсекретаря Кобелева.

Пациентка нашей же лечебницы Элеонора Свирь в шесть часов утра по Гринвичу пыталась попасть в туалет на свою исконно женскую территорию. Но встретила отпор в лице Понькина и Кобелева. По этой причине Элеонора Свирь не смогла вовремя сдать анализы.

Внутренне распираемая Элеонора Свирь в содружестве с Галиной Бегемот взяли свою территорию приступом. Выброшенные Понькин и Кобелев получили более-менее тяжкие телесные повреждения. Элеонора Свирь с Галиной Бегемот встали на независимый путь лечения.

Глава дома Никифоров рассердился и дал задание директору концерна Юсупову-старшему изготовить шесть рогаток новейшего образца. В день наблюдений концерн изготовил шесть рогаток средней дальности типа «Земля-глаз». Предполагалось разместить их в районе ординаторской. Юсупов и Кукуруза прибили рогатки к полу возле двери ординаторской.

Медсестра Леночка выскочила из ординаторской в хорошем настроении. Поэтому ударила дверь сначала Кукурузу. Ударенный Кукуруза выпустил из рук натянутую тетиву рогатки. Все шесть боеголовкой попали в Юсупова, в один и тот же левый глаз. Этот глаз Юсупова стал даже уже, чем правый, что практически невозможно. Тем не менее Юсупову засчитаны более-менее тяжкие телесные повреждения.

Глава дома Никифоров предложил применить санкции против медсестры Леночки, которая выскочила в хорошем настроении. Он обязал свою команду перекрыть трубы и лишит ординаторскую тепла. В палате Наполеонов был перекрыт вентиль на трубе. В результате труба лопнула на своей же территории. Все Наполеоны обварились кипятком и получили более-менее тяжкие телесные повреждения. Других жертв и разрушений нет.

К концу дня наблюдений разъяренный директор радиостанции Кукуруза 18 раз выходил в эфир на языке глухонемых. Глава дома Никифоров пять раз посылал

Юсупова и Кукурузу в район женского туалета. Кобелев и Понькин 11 раз ходили к различным императорам. 10 тысяч условных негров были выброшены на улицу 21 раз, а съели всего по 4 миски супа.

Из диссертации напрашиваются самые серьезные выводы. Первое: стихийно возникшая действующая модель Серого дома представляет реальную угрозу окружающим. Второе: такая модель возникает чаще всего на почве маниакально-депрессивного психоза. И третье: имперские замашки участников действующей модели всегда кончаются провалом и страдают от этого сами же участники. Как показали наблюдения, все Наполеоны получили более-менее тяжкие телесные повреждения. И последнее: все-таки лечению лучше поддаются просто Наполеоны.

Сдвиги

Сдвиги есть, есть сдвиги. Не всегда они бросаются в глаза, но иногда их видно.

Особенно их видно в телевидении. Раньше многие жили по принципу: посмотрел телевизор и сделал наоборот. Теперь многие ориентируются на газеты. Прочитал про жулика — и сделал как написано. От газет пошли сдвиги в сознании людей. Люди не знают, что и подумать. Тем, кто уже ушел от нас, — им легче. Они жили, но не знали, что живут не так. Поэтому ушли от нас при полном достатке, но с чистой совестью. А как быть тем, кто еще не ушел от нас? Ведь им обидно. Они бы тоже могли. Но не знали. А теперь знают, но не могут. Потому что пошли сдвиги в правосудии. И теперь не то что дать взятку, а и получку жене отдать опасно — могут конфисковать все имущество. Сейчас, говорят, даже пчелы взяток не берут. Боятся лететь за взятком.

Влюбленный Николай подарил цветы и конфеты любимой Нине. Акт дарения происходил ночью, без свидетелей, под мостом, в шести километрах от города. Но влюбленные были взяты с поличным. Товарищеский суд доказал виновность Нины — она брала за любовь цветами и конфетами.

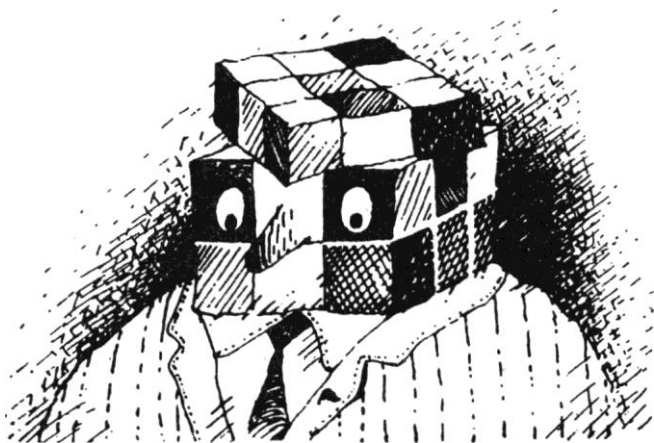
Есть сдвиги в использовании государственного транспорта. Они особенно заметны на базаре. Как глянешь на цены, так понимаешь, с каким трудом яблоки ехали через Армавир — Ростов — Воронеж с тремя проверками на постах ГАИ.

И навоз на дачу сейчас за десятку не подвезешь. Боятся. Не боятся только за двадцать пять. Но навоз, по моему, стал лучше. Агропром приложил к нему свою руку. Под его руководством коровы сознательно шли на то, чтобы есть меньше, а давать еще больше.

Пока нет данных о связи Агропрома с урожаем. Но известно, что данные собирали те же студенты на тех же площадях и портятся эти данные в тех же овощехранилищах.

...Сдвиги есть во всем. Иногда как в кубике Рубика. Двигаешь одно, а сдвигается другое. Но двигать надо. Хочется, чтобы все грани нашей жизни были нужного цвета.

До новых сдвигов, товарищи!

Эстафета для букета

Вот так посмотришь по сторонам и видишь — на чем только люди не экономят! Одни — на еде, другие — на одежде, третьи — на обуви. Взгляните по сторонам, и сразу увидите, кто на чем экономит. Вот и жена с тещей сагитировали меня на чем-нибудь сэкономить. Я попробовал. На еде, на одежде и на обуви не получилось. Тогда решил экономить на подарках к 8-му Марта. Тем более что я не первый, многие уже экономят. Я начал со строгого отбора кандидатурш на цветы к 8-му Марта. У меня получилось четыре женщины, которым не подарить цветы к празднику просто невозможно. Во-первых, воспитательница детского сада, в который ходит мой сын. Во-вторых, классная руководительница в английской школе, в которую ходит моя дочь. В-третьих, моя жена, с которой я живу. В-четвертых, моя теща, которая живет с нами.

Я долго думал, сколько надо покупать букетов, чтобы у всех четверых праздник запал в душу на всю жизнь. Я изучал, наблюдал, взвешивал, следил и пришел к выводу, что надо покупать один букет на всех. Накануне праздника я покупаю букет и несу его воспитательнице сына в детский сад. Я дарю ей цветы от чистого сердца, чтобы она воспитывала сына еще лучше. Воспитательница в целях экономии тут же пускает цветы в свой подарочный оборот. То есть несет мой букет в поликлинику к знакомой женщине-врачу и дарит его от чистого сердца, чтобы женщина-врач лечила ее еще лучше. Для тех, кто не знал, но забыл, напоминаю, что само лечение бесплатное, но хочется и вылечиться. Женщина-врач берет цветы и также в целях экономии спешит с этим букетом в музыкальную школу, где учится ее сын. Она дарит цветы педагогу сына от чистого сердца, чтобы педагог учила сына еще лучше. Педагог приносит букет домой и просит меня поставить цветы в вазу. Педагог приходится мне женой. Педагог-жена снова уходит на

работу по расписанию, а я вынимаю букет из вазы и бегу с ним в английскую школу к классной руководительнице дочери. Для тех, кто не знал, но забыл, напоминаю, что само образование бесплатное, но хочется, чтобы ребенок чему-то и научился. Классная принимает букет от меня на ходу и исчезает с ним в облачке снежной пыли в направлении билетных касс. Там она передает букет, как эстафету, уже бегущей кассирше, получает от нее билет на поезд и уезжает к своему мужу в другой город. Для тех, кто не знает или забыл, напоминаю, что поезд перед праздником увозит много пассажиров, но хочется уехать и самому. Бегущая кассирша продолжает бежать уже с букетом к магазину «Фрукты» за апельсинами. Кто не знает или забыл, что такое апельсины, напоминаю, что это такие оранжевые шары, похожие по виду на хоккейные мячи, но вкуснее. Бегущую кассиршу на крыльце магазина поджидает продавщица с авоськой апельсинов. Завидя кассиршу, она начинает семенить на месте, набирает скорость по прямой и принимает эстафетный букет на максимальной скорости. Одновременно кассирша забирает авоську себе и убегает с ней в обратном направлении. А продавщица мчится за угол дома и буквально ныряет в подвал к сантехнику Евдокимову. Она забрасывает его цветами, чтобы он не отключил отопление в магазине. Для тех, кто не знает, напоминаю, что у Евдокимова

в период с 1 по 8-е марта — день рождения. В этот период он берет только цветами. Евдокимов выскакивает из подвала и мчится во Дворец спорта к тренеру по фигурному катанию своей дочери. Тренер приносит эти цветы домой и просит меня поставить их в вазу. Тренер — моя теща. Тренер-теща снова уходит на работу по графику, а с работы по расписанию возвращается педагог-жена. Я незаметно достаю цветы из вазы и дарю ей от себя лично. Она ставит их в вазу и спрашивает:

— Где тот букет, который я принесла из школы?

Я объясняю ей, что в целях экономии отнес его воспитательнице в детский сад. Она хвалит меня за экономию, благодарит за подарок и снова уходит на работу по расписанию. Когда с работы по графику приходит теща, я достаю незаметно цветы из вазы и дарю ей от себя лично.

Она ставит цветы в вазу и спрашивает:

— Где тот букет, который я принесла с секции по фигурному катанию?

Я объясняю ей, что в целях экономии подарил его классной руководительнице в английскую школу. Она хвалит меня за экономию, благодарит за подарок и уходит в другую комнату смахнуть слезу умиления, возникшую в результате моей внимательности к ней.

Когда с работы по расписанию приходит жена, я незаметно достаю букет из вазы и дарю ей от себя лично. Жена ставит букет в вазу и говорит:

— Но ты уже дарил мне эти цветы.

— Ах, извини, я так закрутился, что даже забыл. Но лучше подарить один букет дважды, чем два букета ни разу.

Она соглашается, и мы втроем садимся за стол. Теща думает, глядя на букет: «Внимательный у меня зять. Пожалуйста — подарил мне цветы. А го, что он только мне подарил, так это в целях экономии».

И жена, глядя на букет, думает то же самое.

Поэтому и праздник проходит весело, непринужденно, а главное — дешево.

Встреча с Шопеном

Я подумал: уж если с кем-то встречаться в музыке, то лучше с Шопеном. И пошел на концерт в филармонию. Почему концерт ожидался хорошим? Во-первых, потому, что ожидался Шопен. Во-вторых, пианистка ожидалась известная. В-третьих, в зале передо мной никто не сидел, не маячил. Зал полон, а передо мной — никого. Бывает же такое в жизни — повезет ни с того ни с сего, а спасибо сказать некому.

Когда на сцену вышла пианистка, обаятельная, величественная и почти молодая, все сразу стихли и напряглись. Она элегантно прохаживалась по сцене на фоне открытого рояля и до того просто набрасывала творческий портрет великого композитора, что с Шопеном для меня сразу все стало ясно. Затем она объявила два ноктюрна и села за инструмент. Перед игрой ей пришлось подождать, пока не рассядутся опоздавшие. И вот тут передо мной на свободное место сел Гриша. Я сразу узнал, что это Гриша. Потому что на руке его была татуировка: «Гриша». Вид у Гриши был такой, как будто человек в поезде ехал недели две. Но я сосредоточился на Шопене. Тем более что зал уже наполнила его божественная музыка. Пианистка невидимыми нитями приковывала к себе, и образовался такой треугольник — я, Шопен и пианистка. И больше — никого. Но оказалось, что еще и — Гриша. Потому что правой рукой он начал нервно чесать свою голову, локтем разрывая все мои связи с Шопеном. Я подался корпусом влево и с трудом наладил прерванный контакт. Но и Гриша не сидел сложа руки. Вторую руку он запустил за ворот пиджака и начал яростно чесать между лопаток, кряхтя от удовольствия. Возможно, от Шопена у него пошли по телу мурашки и он снимал неприятные ощущения. Я наклонился вправо. Гриша — тоже. Чесаться он перестал, но вскинул взъерошенную голову вверх и стал

изучать лепные украшения на потолке. Из его волос мне на колени выпала обгоревшая спичка. Я положил спичку на место, откуда она выпала, и нервно сместился влево. Сзади раздался чей-то недовольный выдох в мой затылок. Я замер в этом положении. Во мне все кипело и бушевало. Ни один композитор не вызвал бы во мне бурю таких сильных чувств, как этот Гриша. А он тем временем наклонился тоже влево и достал из своей хозяйственной сумки на полу кукурузную палочку. Поужинав палочкой, Гриша секунды четыре сидел не двигаясь. Потом он наклонился к своим ботинкам. Мне самому стало интересно, что он собирается делать с ботинками на концерте. Может, они ему жмут, поэтому он вертится? Я тоже наклонился и посмотрел. Гриша подтянул носки на обеих ногах. Видимо, от музыки носки у него сползли. Только тут я заметил, что мои соседи справа и слева тоже заглядывают вниз, интересуются, что там делает Гриша. Оказывается, он не только меня заинтриговал. Тут меня тихонько тронули сзади и спросили:

— Что он там делает?

Я повернулся и ответил любопытствующей женщине:

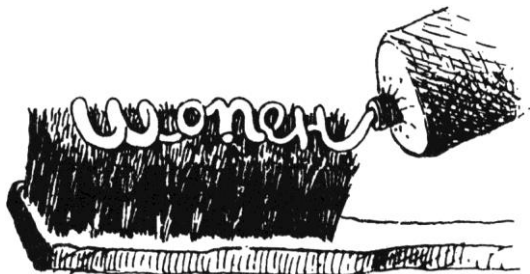
— Носки подтягивает.

Женщина шепнула на ухо своему соседу:

— Носки подтягивает.

И новость пошла по рядам.

В перерыве ближайшие к Грише зрители поручили мне поговорить с ним. Наблюдать за Гришей, конечно,

интересно, но хочется и Шопена послушать. Все-таки деньги платили за Шопена, а не за Гришу. Нашел я его в туалетной комнате. Он радостно плескался у раковины и чистил зубы.

Я подошел и сказал:

— Извините, Гриша, но зрители просят вас на концерте не вертеться. Вы же мешаете. Вам что, Шопен не нравится?

Он прополоскал рот и ответил:

— Мне что Шопен, что Пушкин — все едино. С вокзала мы, сутки поезда ждем.

Я как представил наш вокзал, так в глазах у меня потемнело, а во рту устойчивый привкус появился. Ведь на нашем вокзале можно киномассовки за 13-й век снимать. Причем без декораций, не привлекая артистов со стороны, без грима и без дополнительных костюмов.

А Гриша уже побрился и ботинки ваксой почистил. Потом он разделся по пояс и сунул загривок под струю. Он закричал и закричал, заглушая первый звонок. Потом, растираясь полотенцем, сказал:

— Ты не переживай, ухожу я сейчас. А вместо меня друг придет. Мы один билет на двоих взяли. Я выйду, а он зайдет. Друг вертеться не будет, он спокойный.

На второе отделение пришел друг Гриши. Был он в сапогах, в пиджаке на голое тело, с узлами и чемоданами через плечо.

К концу концерта я узнал, что друга Гриши зовут Коля — это по татуировке. Что на ужин он любит вареные яйца с чесноком — это по запаху. Что рост его около двух метров — это на глазок. И что храпит он во сне — это по слуху.

Новый дом

Хорошо жить в новом доме, на двенадцатом этаже. Дом новый, этаж двенадцатый, воздух чистый, обзор, ветер в лицо. Если лицом к окну лежишь. Лежишь и одеяло держишь зубами, чтоб не сдуло. А руки под одеялом. Пусть греются. Из балконных щелей такие порывы, что изображение в телевизоре качается. А иногда его срывает вправо на полметра. И обидно. Передача хорошая. О высоком качестве проектных и строительных работ.

В такой зимний вечерок хочется выскочить из-под одеяла и выбежать на улицу, на морозец, погреться. Чтоб щеки — розовые, как яблоки, чтоб пар из груди рвался и выдох таял изморозью в воздухе и падал на землю в виде незначительных осадков. А потом с улицы, с морозца, хочется вбежать в квартиру и, не раздеваясь, снова под одеяло. И там всю ночь мечтать, чтоб быстрее бы утро, да на работу, да согреться, да отдохнуть. Но как же выскочить и заскочить? Проблема.

То, что мой сосед в лифте на работу спешил и застрял,— это не смешно. То, что он там шесть часов просидел,— это грустно. Но то, что он с похмелья был,— это трагедия. Шесть часов с похмелья, в клетке, без единого напитка. Когда его из заключения освободили, он сухими губами прошептал:

- Все! Бросаю раз и навсегда.
- Пить?
- В лифте ездить.

И бросил. Раз и навсегда. Похудел, осунулся, но слово держит. Ни грамма в лифте не ездит, только пешком.

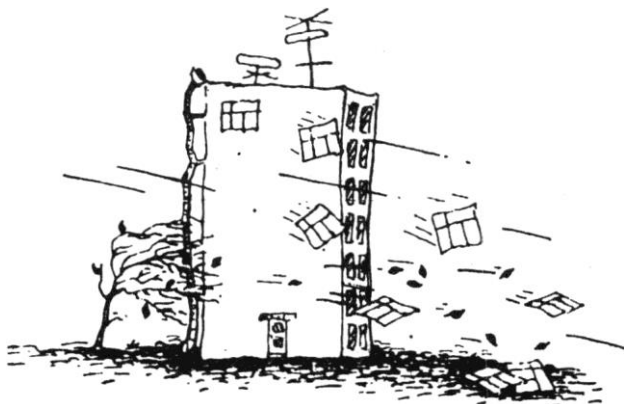
Но и пешком проблема. По вечерам на лестнице полный интим. Его создают старшекласники. Электричество они не любят и лампочки ликвидируют. До земли идешь сквозь строй старшекласников. И старшекласниц. Сколько их там на лестнице? Ровно столько, сколько сигаретных огоньков. Неудобно мешать молодежи. Но и идти надо.

Дом новый, половицы скрипят. Отметил крестиками нескрипучие и стал ходить только по ним. Сосед снизу плакал от счастья. Говорит, сейчас иногда заснуть удастся.

Дом новый, этаж двенадцатый, с водой перебои. Санузлом пользуюсь не тогда, когда захочу, а когда имею возможность. Когда вода есть. А когда ее нету, вывешиваю на санузле табличку: «Дом новый, этаж 12-й, санузел не работает. Ближайший санузел в кинотеатре «Салют».

Дом новый, газ не подключили, с ужином не разбежишься. Над газовой плитой повесил табличку: «Газа нет. Ближайший буфет — две остановки метро. Ближайшее метро — пять остановок автобуса. Ближайший автобус — три оврага направо по котловану под линией высокого напряжения у 20-го столба».

Дом новый, этаж двенадцатый, а старушка на пенсии. Ее как на двенадцатый этаж завезли, она там и сидит. На улицу даже не просится. Ей порассказали, кто на лестнице обитает, как лифты работают, и она не дергается. Знает, что до улицы ей как до Луны, не доехать. А тем более не дойти. Она сидит на двенадцатом и думает: «Нет уж. Заехала, и все. Раз и навсегда. Сейчас на улицу попаду, если уж не по своей воле вынесут. А кто понесет — ох, намается. Лестницы узенькие, да двенадцатый этаж, да переходные лоджии... Ох, намаются со мной, помоги им Господи».

Смертельный рейс

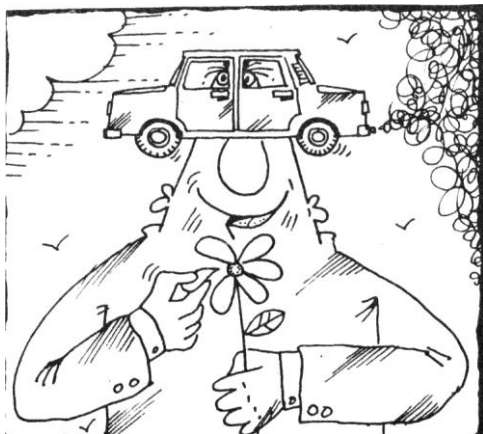
Что может быть приятнее прогулки на автомобиле! Справа мелькают сосны, слева летящая над кукурузой сорока, а впереди — дорога и высокое небо над капотом. Единственное, чтостораживает,— это гул в заднем мосту и железный скрежет в двигателе. А в остальном — красота! В сосновом лесу справа — грибы, в кукурузе слева — ребятишки, в небе — уставшая сорока и самолет с белым хвостом. Хочется ехать, ехать, ехать.

А какой воздух рвется в открытую форточку! Это даже не воздух, а чистый озон, и пахнет свежими огурцами. Дышишь — не надышишься. Единственно, что мешает надышаться,— это выхлопной газ. Он рвется из двигателя прямо в салон. Хорошо, что запах выхлопного газа перебивается вонью сгоревшего сцепления, такая гарь стоит в салоне, что незаметно не угоришь. Приходится высовывать голову в форточку и дышать там. Это был идеальный вариант, если бы не стрекозы и навозные жуки. Бьют по глазам, как пластиковые пули. Но привыкнуть можно: вынырнул наружу — вдохнул; нырнул в салон — выдохнул. Главное, не забывать любоваться природой. Ведь красотища кругом необыкновенная. Но отвлекает пол под ногами. Он проваливается внезапно, и асфальт срывает с ног французские тапочки. Конечно, впечатление от природы смазывается, но привыкнуть можно. Главное — не расслабляться и не ставить ноги на асфальт. И кати себе дальше хоть до последней капли бензина. Единственно, чтостораживает,— это руль. Когда его крутишь вправо, машина поворачивает влево. И наоборот. Но привыкнуть можно. Тут главное — запомнить. Хочешь повернуть направо — крути руль влево. И наоборот. Запомнил — и все, ехать можно.

И опять мелькают сосны да кукуруза по бокам, а в небе летят сорока с черным хвостом и самолет с белым.

И на душе радостно, ведь это два мирных летательных аппарата. Хочется еще глубже нажать на тормоз, чтобы ехать еще быстрее. Да, именно на тормоз. Потому что если на газ — машина затормозит. Оно, конечно, непривычно, но привыкнуть можно. Просто ноги скрещиваешь и правую держишь на левой педали, а левую — на правой. И если надо затормозить, то жмешь левой скрещенной ногой на правую педаль, то есть на газ, и — тормозишь. А если надо прибавить скорость, то правой скрещенной ногой жмешь на левую педаль, то есть на тормоз, и — ускоряешься. Главное — запомнить. А если запомнил — то ехать можно. Вы спросите, зачем ноги скрещивать? Просто чтоб еще легче запомнить было. Да что там и запоминать? Вдох делать снаружи, чтоб не угореть; ноги не расслаблять, чтоб не чиркнуть голой пяткой по асфальту; крутить руль влево, если надо поворачивать вправо и жать на газ, если надо тормозить. Запомнить просто, тем более что ноги уже скрещены.

И вот тут дорога резко сужается, а из-за поворота выскакивает навстречу трактор «Кировец». И если за секунду не вспомнишь, куда отворачивать и как тормозить, столкновение неизбежно. Полсекунды вспоминаешь, зачем ты вообще выехал на таком автомобиле. Да кто же мог знать, что с машинами будет так хорошо, что

старую не продать. Кто мог предположить, что если купишь на базаре запчасти, то идти от продавца до машины будет не в чем. И наконец, никто не сообщил, что из-за поворота выскочит «Кировец».

Пока об этом подумал — полсекунды прошло. Но в запасе еще полсекунды, еще можно вспомнить. Но подводит инстинкт самосохранения — руки автоматически поворачивают руль вправо, а нога жмет на тормоз.

— Надо было наоборот, — подсказывает сознание.

Но подсказывает поздновато — через месяц в травматологическом отделении.

Садик

На площадке возле садика гуляет группа детей с воспитателем Ниной Петровной. Приходит папа за Толиком.

Здравствуйте, Нина Петровна! Гуляете с группой на улице? Да, сегодня денек чудесный, зимний, морозный. Вот они как носятся! Как саранча. А где мой сорванец, гаврик, клоун носится? Что-то не вижу.

Как — вот этот?! Этот?! Мальчик, ты чьих будешь? Как — мой? Толик, что с тобой? Почему ты стоишь, как столбик? Почему ты не носишься, как все, и не поедешь снег, как саранча? Почему не ты, а другой мальчик толкает девочку с горки?

Почему не ты плывешь по сугробу крупными саженками, делая выдохи строго в снег?

Почему не ты запустил снежок в Нину Петровну?

И почему не тебя привязали за это к дереву?

Ведь не ты будешь снится сегодня Нине Петровне ночью. Не от тебя проснется она в холодном поту, и не в твою честь разбудит она весь дом жутким криком.

Что с тобой, сын мой? Я слушаю тебя. Хотя молчи, я уже вижу. Ты одевался на прогулку сам. О, Господи, почему он одевался на прогулку сам? Ведь шапка надета на нем куполом книзу, а завязками кверху. А майка надета поверх пальто. А на майке — чей-то орден Славы Трудовой степени. На руках его вместо варежек — носки, а на валенках — варежки.

Толик, но если майка поверх пальто, в чем же ты спал днем? Понимаю, трусики сохли, ты спал в пальто. А почему ты стоишь столбиком и падаешь при первом же шаге? А, уже вижу. Ты вддел обе ноги в одну штанину. А другая болтается на ветру, как после боя. Потому ты и стоишь, как столбик с надписью «осторожно — кабель». Как же ты вышел на улицу? Хотя понимаю. Ты приполз на прогулку на одних руках. Ты герой, Толик. Я напишу о тебе рассказ. Нет, лучше повесть. Она будет называться «Повесть о настоящем человечке». Не возражай, Толик! Хотя подожди, действительно, на руках ты сюда прийти не мог. Ведь они зафиксированы у тебя в разные стороны, как у чучела. Не объясняй, уже вижу. Ты нес на прогулку лопатку и вддел черенок в оба рукава пальто. Тогда совсем непонятно, как ты попал на улицу? Хотя ясно, тебя принесли твои друзья. Вон они, дерутся между собой возле горки, надежные, верные товарищи.

Я даже знаю их по кличкам: Жиган, Гусь и Сыроежка. Держись за них в жизни, Толик. Они помогут. Только скажи им, чтобы они никогда не мешали нашей Нине Петровне. Она необыкновенный человек. Видишь, как она совершенствует себя и увлеченно читает «Педагогическую поэму» Макаренко.

Ты кушал сегодня, Толик?

Молодец, кушать надо, а то всю жизнь будешь стоять чучелом. Давай-ка я выну из тебя лопатку, и покажи мне, что у тебя в кармашках, чтобы не унести лишнего. Вынимай все из кармашков рубашки. Вынул? Так. Значит, вы кушали сегодня суп с мясом. Теперь вынимай все из кармашков кофточки. Вынул. Так. Значит, на завтрак была каша. А ну, дай лизну. У — какая вкуснятина. Теперь вытряси все из рукавов. Попрыгай, оно выпадет. Видишь, выпало. Теперь возьми эту тушеную капусту с вареньем и зарой в снег. Собачки скушают. Запомни, Толик, кушать нужно в себя, а не в кармашки. И запомни, нет такого слова — не хочу, есть слово — надо.

Теперь скажи мне, кто у вас сегодня няня? Хотя не говори, сейчас узнаю сам. Дай мне документы. Вынь из носка с руки документы и дай мне. Так, это кошелек вашей няни, Ирины Родионовны. Понимаю, ты опять случайно нашел его на полу. Так, в кошельке пять рублей и заявление об уходе. Пойдем, отдадим все вашей Ирине Родионовне. Ах, да — ты сам не можешь. Ну, хорошо, я возьму тебя под мышку и унесу.

До свидания, Нина Петровна! Спасибо! Как это — не за что? Не прибедняйтесь. Спасибо. До свидания.

Цветовозы России

Если целовек светочки на базар торгует, разве это плохо? Это чудесно.

И пусть нас называют, как хотят. Хоть цветовозы России, хоть чичмеки, хоть чебуреки, хоть чурки. А я так скажу, умнее чурки ничего на свете нету.

Вы можете в Свердловске прописаны бы-ыть, а в Баку жи-ит? Не можете. А мы можем. Прописаны в Баку-у, квартиры — в Свердловске.

Светочки всем нужны: и девушкам, и женщин, и пожилым. Цемодан цаетов ва-ам — мы вашу жизнь украшаем. Цемодан денег на-ам, вы нашу жизнь украшаете.

Мы по улице идем — люди оглядываюца. Может, им наша внешность не нравица? Нравица! Зубы желтые — потому что золотые. Кожа морщинистая — потому что югославская. Глаза красные — потому что в них червонцы светяца. Небритые — потому что некогда брица. Зацем мне десять минут тратить брица, когда за десять минут я десять зеленых делаю. А ваши мужчин за десять минут сколько делают? Поэтому они все бритые идут.

Город мне ваш очень нравица. Такой большой и такой красивый. Метро роеца. Только я не пойму, поцему улица Советская такая неровная? Поцему улица Коммунистическая в тупик идет? Поцему туалетов мало? Два. Я цто, с Уралмаша в центр должен каждый раз ездить?

Женщины мне ваши очень нравяца. Как светы! Кормите вы их очень плохо. Женщин должен каждый день кушать свежий гранат, пить виноградный вино, кушать дыню. Зацем вы их картошкой с квасом кормите?

А какой женцин умный у вас бывает. Один такой умный светы у меня покупал. Говорит, у вас перестройка идет. Первый раз слышу. Говорит, у вас борьба за трезвость идет. Первый раз слышу. Говорит, у вас в

газета гласность наступила. Откуда она все узнала?
Такой умный женщин, почти как чурка.

Нацальство мне ваше очень нравцца. В финских банях моеца. Нацальство звонит директор бань и говорит:

— Марь Петровна, мы в семь цасов вецера приедем.
Фильтруйте воду.

Приезжают — моюца. До 12 ноци.

А мы сторож бань звоним и говорим:

— Петровиц! Мы в 12 цасов ноци приедем. Готовь стакан.

Приезжаем — моемся. Как нацальство ваше живем, только в разное время.

Официанты мне ваши очень нравцца. Я каждый день в кафе кушаю и не знаю, сколько один шашлык стоит.
Я прихожу, говорю:

— Кушать дай.

Он говорит:

— Что?

Я говорю:

— Что дашь.

Покушал, спрашиваю:

— Сколько с меня?

Он говорит:

— Сколько дашь.

Сказать стесняеца. Такой стеснительный.

Милиционер мне ваш очень нравица. Приходит он ко мне на базар, молоденький, простодушный и давай спрашивать. Откуда, говорит, цветы? Я молчу. Где, говорит, твоя прописка? Я молчу. Где, говорит, ты вообще работаешь?

Я не вытерпел. Говорю:

— Не спрашивай! А то я нэрвничать начинаю. Возьми лучше светы. Букет алых роз.

Он говорит, я не беру светы. А я говорю, ты посмотри, какие это светы!

А у меня каждая роза из долларов скручена.

Он как увидел — сразу взял. Говорит, светы — это же не взятка.

И теперь он просто приходит и говорит:

— Али! Подари мне светы.

Светы все любят.

Без светов сейчас — никуда!

Полушубок

Есть у Гоголя рассказ «Шинель». Там главный герой всю жизнь копил деньги на шинель. А пока копил, ходил бог знает в чем, вплоть до полушубка овчинного. И вот купил он шинель, а ее с него сняли. Кошмарное время было. Никакой гарантии сохранности частной собственности. Я читал — плакал. А потом подумал, а в чем же я ходить зимой буду? Вспоминал, вспоминал — и не вспомнил. Шинель, конечно, у меня есть, но хотелось чего-то пошикарнее. И я решил копить деньги на полушубок. Два месяца копил. Потом подсчитал — нисколько не отложилось. И я понял, надо занимать. Подключил родственников — купил полушубок. Но хоть они и родственники, а деньги назад все время просят. И я решил сдать комнату, чтобы рассчитаться. Сам, думаю,

на кухне пока поживу. Ну и что, что коммунальная. Помучаюсь, зато рассчитаюсь. Прочитал объявление «Сниму комнату» и пошел. Прихожу — место глухое, частный дом, стучусь в ворота. Из-за угла молодежь выходит, окружает, стоит, молчит. Я так, для поддержания разговора, спрашиваю:

— Ребята, тут комнату снимают?

Они говорят:

— Тут. Снимают.

— А что, это прямо вы и снимаете?

— Прямо мы и снимаем.

И начали расстегивать на моем полушубке мои пуговицы. Хорошо, машина милицейская мимо проходила. Я и крикнуть не успел, как они разбежались.

Отдышался я в каких-то железных гаражах. Вот там-то меня и осенило. На воротах замки, как пуговицы — снизу доверху. А почему бы не сделать на полушубке пуговицы, как замки? И я сделал. Засовы — на замки, замки — на ключи, ключи — в шкаф, а сам — на улицу. И теперь возьми-ка меня голыми руками.

Но они были не с голыми руками, а с отмычками. И зачем я опять туда пошел? Возились они со мной долго. Я им говорю:

— Ребята, вы такие молодые, что мне даже защищаться от вас не положено. Толкнешь вас сильней установленной нормы, а потом мне же неприятности. Скажут, зачем ребенку-несмышленишу усы испортил?

Они сопят, возятся со мной. Я даже хохотать начал. Перед выходом на мороз я водички в замочки капнул. Для надежности. Но и ребята не простые — тормозухи в замочки прыснули и возятся и возятся. А я все равно хохочу — щекотно. И тут первый говорит:

— Может, вырвем засовы у полушубка?

Но на него закричал седьмой:

— Ты что? Не дам мой полушубок портить. Моя очередь на полушубок.

А двенадцатый предлагает:

— Давайте через голову снимем.

Подол мне заголили и давай полушубок через голову

стягивать. Но замок на шее не дает. И тут я не только из полушубка, из себя начал выходить. Чепуха какая-то получается! Я еще с деньгами не рассчитался, а полушубок уже снимают. Причем процесс снятия такой мучительный — света белого не вижу. Думаю, пора кричать, и закричал:

— На помощь!

Правда, много не накричишь, когда голова полушубком обмотана. Слышу, и они кричат:

— На помощь!

Я удивился и опять крикнул. И они опять крикнули.

Чувствую, подошел кто-то к нам. Запахло кожаной португеей и крепкими сигаретами. Ага, значит участковый. Я осмелел и снова кричу, помогите! А они говорят участковвому:

— Видите, как человек мучается. Помогите, пожалуйста.

Участковый меня за туловище взял и скомандовал ребятам:

— Раз, два, взяли.

А они за полушубок, как за канат, потянули. Кричать я уже не мог — голову в воротнике заклинило. Шея, как у жирафа, вытягивается. Участковый еще раз скомандовал, и я потерял сознание. Напоследок подумал, обидно, если полушубок с головой унесут. Очнулся я в объятиях участкового, в сугробе, без полушубка. На шее только воротник на замке остался. Я сразу спросил:

— Полушубок где?

Участковый показал:

— Вот он, мы на нем лежим. Вы не волнуйтесь, ребят я поблагодарил. Они тимуровцы, бесплатно помогли полушубок снять.

С того дня я твердо перешел на шинель. Спокойно хожу. Никто не обзарился. Даже в такси ее оставлял три раза. Все три раза возвращали через стол находок. Практичная вещь — шинель. И безопасная. Когда ее надеваю, про Гоголя вспоминаю. Все-таки, думаю, какое у нас сейчас время спокойное.

ВРИННЫЙ ОТДЕЛ

Тамада

Первый тост — за нашу новую сотрудницу Тamarочку. Дружно взяли, хлоп! — молодцы. А вы почему, Тamarочка, не до дна? Вы, наверное, больны. Как это нет, когда не до дна. Здоровые еще просят. Сознаться, что там у вас болит? Ну, по секрету... Может, что-то кишечно-желудочное? Или желчный? Или пузырь? Я же вижу, человек ненормально себя ведет...

- Вот сейчас — молодец, Тamarочка. Сейчас по-нашему. Допила. Возьмите огурчик. Хрум-хрум.

Второй тост — за наш дружный коллектив. За то, что мы всегда отмечаем конец недели. Дружно взяли, хлоп! — молодцы. И Тamarочка молодец. Сразу видно, нормальная, здоровая девушка. Я по секрету скажу, Тamarочка. Нам одного неупотребляющего уволить пришлось. Ему из пипетки в глаз капли — и он готов. Зачем нам такой сотрудник? Не мог употреблять. Мучился. Мы его уволили, чтоб не мучился.

А сейчас можно перекурить. Дружно взяли и закурили. А вы почему не закуриваете, Тamarочка? Вообще не курите? Что с вами? Так хорошо пьете и не курите. Вы точно болеете. Скажите по секрету, что там у вас? Туберкулез? Или астма? Как это ничем не больны, если не курите? Вон здоровые все курят. Я по секрету скажу, Тamarочка. Нам одного некурящего уволить пришлось. Он задыхался от дыма, работать не мог. Мы как все закурим, он возьмет и задохнется. Мы его раз откачали, два откачали, но сколько можно? Жалко же человека — задыхается. Пришлось уволить, чтоб не мучился... Вам сигарету? Дайте Тamarочке сигарету. Тяните глубже...

Кашель — это ничего, это пройдет. Сейчас я вижу: вы нормальная, здоровая девушка.

А теперь включим музыку, подвигаемся. Громкость добавьте, чтоб в ушах звенело. Вот так. А вы почему не танцуете, Тamarочка? Не любите. Так хорошо пьете, славно курите и не любите танцевать. Странно. А что вы любите? Стихи. Ну, расскажите стишок... Так, так... Громче... так... Милый стишок. Только кому он нужен? Все-таки вы больны, Тamarочка, не танцуете. Скажите, у вас ревматизм? Или плоскостопие? Или суставы? Как — почему? Со здоровыми ногами разве стихи рассказывают? Со здоровыми вон пляшут. Скажу вам по секрету, Тamarочка, нам одного нетанцующего уволить пришлось... Нет, пил, курил он великолепно, но не танцевал. Не двигался. А раз не двигался, у него обмен веществ заторможенный был. И на следующий день голова у него болела. И он мучился в условиях работы. Пришлось уволить его, чтоб не мучился... Ой, молодец, Тamarочка. Заплясала. Нормальная, здоровая девушка, как все. (Хлопает в ладоши.) Прошу всех за стол. Продолжим. Тamarочка, а вы куда собираетесь? Домой? А зачем? У вас там кто-то болеет? Муж ждет. У нас у всех мужья, жены. Вы должны понять, что работа — прежде всего. Бывает, и задержаться надо. Все так все. Вы так все хорошо наловчились делать и вдруг —

домой. Скажу по секрету, нам одну сотрудницу уволить пришлось. Нет, она все здорово делала, а танцевала — так прямо по потолку бегала. Но был маленький недостаток — рано уходила домой. Муж ее там ждал, переживал. Пришлось ее уволить, чтобы муж не мучился... Что вам, Тamarочка? Выпить? Правильно... Вот так... Может, еще... Вот так. Сигарету?.. Дайте ей сигарету. Музыка? Включите музыку, Тamarочка будет танцевать... Вот как! Вот как! Молодец, Тamarочка. Только не упадите... Ну, вот упали... Отнесите Тamarочку на склад, пусть отсыпается.

Теперь, надеюсь, никто не сомневается, что Тamarочка сможет работать в нашем коллективе.

Следующий тост — за здоровье Тamarочки!

Свадьба с режиссером

Лично я за то, чтобы у каждой женщины было много свадеб. Чем больше, тем лучше. Пусть у них будут свадьбы деревянные, оловянные, золотые. Главное, чтоб все они были железобетонные. По прочности. И особенно — самая первая.

Когда я замуж шла, об этом не думала. По любви шла за Костика. Нервов он, конечно, мне много попортил, но довела-таки я его до сельсовета — расписались мы с ним.

А чем все кончилось? Прожили мы с Костиком душа в душу всего три часа. А на четвертом часу совместного проживания Костик нашу свадьбу вынужден был покинуть. Уже неделю у нас медовый месяц идет, а Костика нет. Не принимает он участия в медовом месяце.

А как начиналось все хорошо да ладно! На помолвке родители Костика предложили свадьбу безалкогольную

делать. Они интеллигенты — в конторе оба сидят. А мои — наотрез, нет, говорят, свадьбу будем играть русскую. Они у меня на ферме оба. Сошлись наши родители на полубезалкогольной. Это, значит, по две бутылки на человека — и ни грамма больше. Чтоб все трезвые были. Ну, папанька мой потом пару фляг бражки приготовил, на всякий случай. Это если кому не хватит двух бутылок. В общем, полубезалкогольная. Так и объявили по поселку. Тут заволновались гости приглашенные. Дед Самарин так и сказал:

— Я не знаю, что это за свадьба с таким мудреным названием — полубезалкогольная, но и подарок я буду в таком разе брать тоже... полунедорогой.

Тетка Матрена его пристыдила:

— Ты, старый дед, родственник как-никак, а такие речи ведешь. А вдруг тебе там и напиться и нахлебаться хватит?

Дед говорит:

— А может быть, ты и права, Матрена. В таком разе надо два подарка брать — подароже и подешевле. Чтобы, значит, в случае чего, как оно там будет вытанцовываться, дак тот и дарить, который по цене соответствует.

Слухи о нашей полубезалкогольной свадьбе до города докатились. Но об этом мы позже узнали.

Расписались мы. После сельсовета шла я в столовую с Костиком, ног под собой не чуяла, только пульс в пятках стучал. Сердце мое девичье в радости купалось, как сосиска в парном молоке. Во всем теле гормоны играли, как пескари на икромете.

Но когда к столовой автобус подрулил с надписью: «Телевидение», все во мне замерло, а гормоны остановились как вкопанные. Из автобуса толстячок в кепке выскочил, говорит:

— Я режиссер. Это у вас свадьба безалкогольная?

Папанька мой ему сразу объяснил:

— Если вы к нам на свадьбу, то просим гостем быть. А насчет безалкогольной — не обижайте. У нас тут не Америка какая и не Антарктида. Свадьба у нас полубезалкогольная.

Режиссер за кепку дернул и говорит:

— Ага, все ясно. Значит полвечера — безалкогольная, а полвечера — обычная. Нас это устраивает. Будем снимать. Первую половину.

Пока наши гости за столом рассаживались, эти с телевидения проводами все опутали, фары в глаза всем направили, алкоголь со стола заставили в подсобку убрать, а режиссер скомандовал:

— Мотор! Пошел первый тост. Снимаем!

Из-за стола ихний подсадной паренек встал, я его первый раз видела, и начал:

— Я, как представитель района, могу сказать, что знаю Глашу и Константина много лет. Хорошая девушка Глаша, безотказная.

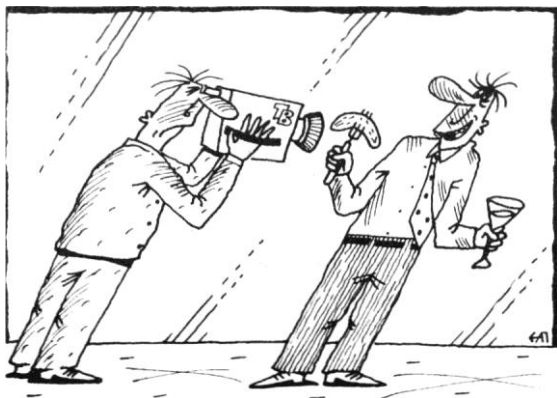
Костик на меня глаз ревнивый косить начал. Мол, откуда это он тебя знает? Да еще что безотказная. А я слова не могу вымолвить от стыда — первый раз паренька вижу. А он уже тост оглашает:

— Выпьем за молодую безалкогольную семью — светлое будущее нашего грядущего завтра и послезавтра.

Режиссер кричит:

— Крупный план лимонада! Все пьют, улыбаются, крикают от удовольствия.

После лимонада у деда Самарина крик наружу вырвался:

— Горько!

Режиссер на него ногами затопал:

— Отставить «горько». Раскричались, как на свадьбе, дубль испортили.

Все притихли, посидели в тишине минут десять. Сидят, не закусывают, с отрыжкой от лимонада борются.

Режиссер опять объявляет:

— Пошел второй тост!

Опять паренек-активист встал и уже от общества трезвости речь двинул. Гости опять выпили лимонада. И опять посидели в тишине минут десять. Поприслушивались, как она там, газировка, внутри играет. Режиссер опять скомандовал:

— Дальше по сценарию — танцы под гармонь. Пошел гармонист!

Встает Тимоха, гармонист наш. Режиссер его подбадривает:

— Давай, давай, на стул садись, девкам подмигивай, мехи растягивай, чуб назад отбрасывай.

Тимоха оскалился на белый свет и хлесть! — по клавишам сверху вниз. А музыки-то нет! Какой-то «бзик» получился.

Тимоха встал, глаза в пол и говорит:

— Рано мне еще играть, пальцы не идут.

Режиссер руками замахал:

— Внимание, мотор! Пошел наш гармонист.

Из автобуса выскочил ихний подсадной гармонист и начал наяривать плясовую.

Режиссер в сценарий смотрит и командует:

— Пошла пляска! Кто у вас заводила неугомонная? Кто у вас Маруся розовощекая? Женщина лет сорока? Бесшабашная и разбитная?

Все тетку Матрену стали уговаривать, мол, иди пляши, ты у нас по всем параметрам подходишь.

Матрена вышла — вся как кол проглотила, платочком взмахнула и пошла по кругу дробь бить. Режиссер подбадривает:

— Частушки пошли, частушки! Про новую жизнь, про отличное настроение.

Матрена начала:

— Пошла плясать, запосвистывала, чо-то брюхо заболел о-запод...

Но тут Матрена поперхнулась. Газировка ей в нос ударила. Да еще в проводах ногами запуталась, и током ее дернуло. Но тут у Матрены само вырвалось:

— Да пропади оно все пропадом! Да я с газировки-то сроду плясать не приучена. Меня с нее только за баньку сходить манит.

А режиссер даже глазом не моргнул, скомандовал:

— Внимание, мотор! Пошел ансамбль песни и пляски.

Из автобуса выскочило два ансамбля, один — песни, другой — пляски. Как начали они частушки сыпать направо-налево — гости наши совсем присмирели, не знают, что и делать.

А режиссер гостям говорит:

— Пока наши пляшут, вы подарки молодоженам дарите.

Гости уже поняли, что свадьба их мало коснется, поэтому начали подносить нам с Костиком в основном канцелярские принадлежности.

Режиссер их остановил:

— Такие подарки наш редактор на телевидении не пропустит. Внимание! Пошли наши подарки.

Грузчики из автобуса притащили ковры, хрусталь, цветной телевизор и холодильник. Мы с Костиком при-

нимаем подарки — глазам не верим. Даже обомлели. Тут режиссер зубами — клац! — и кричит:

— Все! Отснято! Подарки — обратно в автобус.

Мы с Костиком обомлели в другую сторону. Но режиссер нас быстро в чувство привел. Он скомандовал:

— Товарищи гости. Да, да, настоящие гости. Попрошу всех в подсобку, освободите места за столом для съемочной группы.

Гости наши очистили помещение, а оба ансамбля за столом устроились. Паренек-активист опять тост произнес. Съемочная группа газировки выпила и закричала:

— Га-зы! Га-зы!

Ну, понятно, что это «горько» по-старому. Только целоваться с Костиком при посторонних я не могу. И Костик не может.

Тогда режиссер скомандовал:

— Пошли наши жених с невестой!

Из автобуса в столовую влетели наемные жених с невестой и горячо обнялись в дверном проеме. Сразу было видно, что долго их на роль молодоженов натаскивали. Невеста жениха поцеловала так самоотверженно, что у него на загравке пиджак вздыбился. А съемочная группа открыла счет на продолжительность поцелуя: раз, два, три. На счет «пятьдесят два» из подсобки грянула песня! Это наши запели! Там в подсобке у них все под рукой. Раздольно звучала песня: «Широкой этой свадьбе было места мало...» В подсобке действительно места мало. Но пели здорово.

Я сказала Костику: «Пошли отсюда». И мы ушли в подсобку. Встретили нас там как родных — хлебом-солью, усадили нас на ящики с луком и поздравили. А потом все «горько!» закричали. На ящиках с луком мы с Костиком и поцеловались. Тимоха на фляге растянул гармонь и пошел чесать переборами. Тетка Матрена в пляс пошла на бочке с огурцами. Все заплясали и запели. Дед Самарин от радости в ларь с мукой упал — дождался-таки настоящей свадьбы.

В самый разгар веселья режиссер в подсобку заглянул и объявил:

— Все, товарищи, материал отснят, можете приступать к свадьбе.

И замолчал. А сам мнется чего-то. Тут из-за спины его паренек-активист выглянул и говорит:

— Сейчас бы самое время бы, это... выпить бы. Устали мы свадьбу за вас изображать.

Пока мы все с открытыми ртами стояли, танцоры ихние несколько ящиков из подсобки в зал унесли. Как все они там на ящики налетели — я такого дива сроду не видывала.

Опьянели моментально. Через десять минут их шофер сидел на стуле с круглой шаньгой в руках и как бы рулил по городу. Режиссер бегал, хватал всех за грудки, бил себя в грудь и орал: «Я гений!» А их наемный жених начал путать свою невесту со мной. Костику это не понравилось.

— Я не потерплю,— говорит,— чтобы на моей свадьбе посторонние женихи шлялись.

А тот Костику:

— Это ты шляешься. А у меня законная разрядка после напряженной работы по безалкогольному воспитанию телезрителей.

Вот тут Костик мой и не сдержался. Поэтому из нашего медового месяца пятнадцать суток — долой.

По телевизору нашу безалкогольную свадьбу уже показывали. После передачи письмами завалили меня телезрители. Все просят опытом поделиться.

Я делюсь. Опыт у меня накоплен богатый. А текст моих ответов паренек-активист составляет. У него работа такая — пропагандировать.

Хэллоу, Ньюра!

Але, Ньюра. Я уже в Вене. Нам сказали, это австралийская столица. А, да — австрийская. Я их все время путаю: Австрию и Австралию. И Алжир. Как зачем звоню? Я же скучаю. Я уже три раза скучал. И два раза пожалел, что поехал по этой путевке. Ньюра, у меня одно впечатление накопилось. В Вене тоже асфальт. Но он, оказывается, гладкий. Нет, второго впечатления не накопилось. Ну все, пока. Я тебе из Стокгольма позвоню.

...Хэллоу, Ньюра, я из Стокгольма. Нам сказали, что это швейцарская столица. А, да — шведская. Я их все время путаю: Швецию и Швейцарию... и Алжир. Тут одни шведы. Да, как под Полтавой. Но они все развязные и питаются таблетками. Наркотики называются. Не, не вкусные. Наш огурец лучше. Ну, пока, я тебе из Копенгагена позвоню.

...Хэллоу, Ньюра. Я из Копенгагена. Ньюра, я тут токсикоманом стал. Хожу в их гастроном, колбасный копченый дух нюхаю и балдею. Ну, пока, я тебе из Чехословакии позвоню.

...Але, Ньюра, я из Чехословакии. Тут одни чехословаки. И говорят по-чехословацки. Но все понятно. Вот, например, фамилия Поспешил — это значит — поспешил. У них даже пословица есть: «Поспешишь — людей насмешишь». Ну, пока, я из Африки позвоню.

...Але, Ньюра, я — из Марокко. Ну, с этим Марокко — одна морока. Здесь профсоюзные взносы тоже силой из зарплаты вычитают. Но берут кокосами. С носу — по кокосу.

Обезьяну? Видел. Жрет апельсины. А на нас поплевет. Ананас? Ананас пожевывает. А на нас поплеывает. Ты не знаешь, что такое апельсины? Они как хоккейные мячи. Но вкуснее. Ньюра, а тут еще растут вечно зеленые эти... да не сугробы, а лимоны. Сугробы тут не растут, не могут. Жара. Хотут, но не могут. А эти

лимоны: хочут — растут, не хочут — не растут. Чо хотят, то и делают. А кислые! Тьфу. Хорошо, что у нас вместо лимонов — грибы. Ну пока, я тебе из Манилы позвоню.

...Але, Ньюра я — из Манилы. Тут одни филиппинки. Такие малесенькие. Меньше нашего петуха.

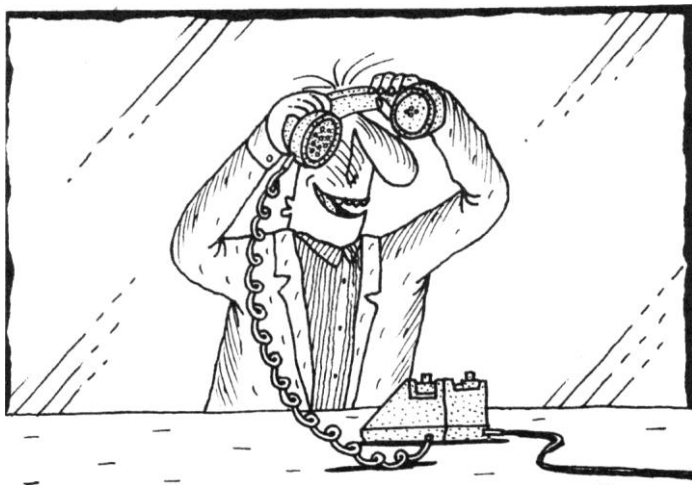
Нюра, ты плачешь?.. Да никакая филиппинка меня не сманила. Я звоню с Манилы. А завтра из Америки позвоню. Пока.

...Але, Ньюра! Я из Америки. Чо-то она мне не очень. Сами-то они хвастают: у нас все есть, у нас все есть. А где там? Я походил, посмотрел, даже самогона нету. Пьют какую-то, наверное, гадость. Виски и мартини.

Ну пока, я тебе из откудова-нибудь позвоню.

...Але, Ньюра, я вернулся. Ну, здесь, рядом, от зятя Степана звоню. Ньюра, ты не обижайся, я вообще никуда не ездил. Я путевку сдал и на эти деньги мы со Степаном отдыхали. Где? А у него на кухне. У нас деньги кончились, и вот я вернулся.

Нюра, мы сейчас возьмем троллейбус и подьдем. Ты купи чего-нибудь за встречу. Я так по тебе соскучился.

Пансионат для желудочников

Санаторий южного города. В комнате за столом сидят Игнат из Запорожья и женщина неизвестно откуда. Известно, что зовут ее Нина, а возможно, Оля. В комнату, робея, входит Василий с чемоданом. Он тихо спрашивает:

— Можно?

Игнат. О-о-о! Новенький приехал. Проходи, рассказывай, из каких краев, как звать?

Василий. Я из Челябинска, Василий.

Игнат. Василь! Уралец! Уральский волк. А я переживал, думал, поделят непьющего, некурящего, нехрапящего, неговорящего. А тут — Василь! Сразу видно — сокол. Какого парня подселили! Знакомься, Василь, это девушка. Она из соседнего номера. Тоже лечиться приехала. Давай, сидай за стол, будем лечиться горилкой з перцем. Меня Игнатом звать, я с Запорожья.

Василий. Извините, товарищ Игнат, я что-то не понимаю. Это пансионат для желудочников?

Игнат. Пансионат. Для них, для бедолаг. Сидай, вышей.

Василий. Так у меня же язва. Я лечить ее приехал. На воды.

Игнат. На воды, на водки, какая разница? Ты же в отпуску?

Василий. В отпуске.

Игнат. Ну, вот и лечись. Горилка з перцем любую язву растворяет. Как масло.

Василий. А вы тоже больные?

Игнат. Все как один. Видишь, лечимся. После вчерашнего. Давай штрафную.

Василий. Ну, если немного, за знакомство.

Игнат. Какого парня подселили! Давай за знакомство. Это девушка. Знакомься. Она из соседнего номера, звать — Нина. Нина, тебя как звать? Оля? Ну вот, знает, Оля. Прекрасное имя, не хуже, чем Нина.

Василий. Оля, ваше здоровье! Можно, я буду звать тебя на «вы» и по имени-отчеству? А то неудобно. Нелзя? Ну хорошо. Я буду звать вас на «ты» и Олей, раз вы так очень хочешь.

Игнат. Василь! Давай еще по одной. За язву, язви ее. Чтоб растворилась, как сигарный дым. Закури, Василь!

Василь. Я не курю.

Игнат. Кому ты рассказываешь? Ты же уральский волк. На, закуривай «Север». От язвы помогает. А с Ниной ты про все язвы забудешь. Правда, Нина? А, Оля, да, да. Тоже хорошее имя. А ты как сюда попал, Василь?

Василий (закусывая). О-о! Это целая история. Всю жизнь мечтал отдохнуть на юге по турпутевке, чтоб в разгар сезона. В профкоме говорят, где мы тебе в разгар сезона турпутевку достанем? Да еще на юг. Есть одна лечебная для желудка, но ты же сердечник. Вижу, каждый год отдых срывается. Решил стать желудочником. С трудом нажил язву, язви ее. Думаю, здесь отдох-

хну, а заодно и язву вылечу. Врач выписал мне курортную карту, и вот я приехал.

Игнат. О! Василь! Ты играешь в карты? Ну, сокол, ну, уральский волк. Какого парня подселили! А я боялся. Думал, подселят доходягу. Слышала, Нина, оформил игральные карты и — на юг! Отдыхать! Совсем как я. Я ведь тоже зашел в завком, путевку в один карман, карты — в другой и поехал.

Василий. Курортные карты.

Игнат. Ну, правильно, курортные игральные карты. Давай, сдавай, Василь. В буру, в секу, в очко, в хrap, как хочешь?

Василий. Да пока не хочется. Может, на процедуры сходим?

Игнат. На какие процедуры?

Василий. Я имею в виду на...танцы?

Игнат. Ну, Василь, ну, уральский волк. Какого парня подселили! На танцы пойдем. Надо растрясать язву, язвы ее. Давай еще по одной. Василь, ты бараниной закусывай или свиной.

Василий. А я думал, витамины здесь есть буду. Врачи советовали.

Игнат. Какие витамины? Горилку витаминами не закусывают. Пусть витамины бараны едят, а мы баранину есть будем. Там витамины в концентрированном виде. По четыре витамина в каждой порции скотины. Ха-ха-ха.

Василий (расходясь). Ну, хватит закусывать. Пойдем на процедуры. На танцы!..Ой!

Игнат. Что с тобой?

Василий. Ой... желудок схватило...

Игнат. Не падай, Василь, не падай. Ну вот, упал. Нина, вызывай «скорую». Ну, Оля, Оля. В общем, обе вызывайте «скорую». Повезем на ней Василя на танцы. Там отдышится. Какого парня подселили!

Захват Зеленого Змия

*Отчет руководителя
группы захвата Зеленого Змия Председателю
городского общества трезвости на совещании*

Уважаемый Председатель городского общества трезвости! Докладываю о ходе выполнения Вашего распоряжения по частичной деморализации Зеленого Змия и по полной ликвидации его в будущем.

По существу дела нами установлено, что Змий Горынович Зеленый родился задолго до нашей эры и продолжает существовать в наши дни. Попытки сфотографировать его, чтобы приобщить к делу фото в фас и профиль, окончились неудачно — пленка засвечивается. Поэтому привожу словесный портрет. Красив, здоров и обаятелен. Рост — средний. Широкоплеч, волосы — зеленые, глаза — мутные, в глазах: искринка, хитринка, лукавинка — в правом; уверенность, наглость, нахрапистость — в левом. Поет, танцует, изъясняется на всех языках, особенно красноречив — на русском устном.

Борьбу за деморализацию Змия наша группа начала с ограничения доступа трудящихся к его чарам. Но почему-то желание припасть к этим чарам пропало не у всех. Например, одного трудящегося привела к магазину жестокая нужда за два часа до открытия. Его трясло и колотило, как отбойный молоток. За время ожидания он вошел в землю по шею. Он мог просить насквозь мантию Земли, если бы не открыли магазин. Два стакана портвейна «Кавказ» приостановили его погружение в наши недра, богатые полезными ископаемыми. Выдергивать товарища пришлось ковшем экскаватора за выступающие над землей части тела.

Правда, ограничение ударило по здоровью официантов в ресторанах. Сейчас за каждой официанткой по

залу тянется хвост в 15—20 человек, как за знаменитой певицей. Люди требуют, а иногда и просят. Да не автограф, а — на вынос! Ошалевшие официантки не знают, куда деваться. С одной стороны — толпа с протянутыми руками, с другой — двое в штатском с зоркими глазами. Бедные официантки падают в обморок от жутких внутренних противоречий.

Очень беспокоит и армия автолюбителей на машинах с багажниками, забитыми водкой. Товарищ Председатель! Спекулянт на машине от продажи водки за ночь выручает еще на одну машину! Мы его ловим, конфискуем машину, отправляем ее в комиссионный магазин, а он приходит туда и снова ее покупает. Причем оформляет машину уже не на себя, а на соседа. Мы ловим торговца во второй раз, но конфисковать машину не можем. Она — соседа. Идем к соседу и говорим, зачем дал машину спекулянту? А сосед, пряча за спиной самогонный аппарат, отвечает:

— Моя вещь, кому хочу — тому даю.

И вот тогда мы решили применить физическую силу. Зеленый Змий был схвачен на загородной даче во время уик-энда и усыплен уколom в левую ягодицу. Сотрудники института трезвости, резвости и оптимизма (НИИ ТРИО)

вшили в другую ягодицу Змия специальную ампулу, исключаящую употребление алкоголя. По расчетам сотрудников НИИ ТРИО, химический состав ампулы должен был превратить Зеленого Змия в Крокодила Гену. Для него была специально приготовлена гармошка (ГОСТ 04-24-12), по качеству звучания превышающая мировые стандарты. Когда Змий проснулся и ему вручили гармошку, он действительно запел грустную песню про день рождения и пошел по тротуару. Для сотрудников НИИ ТРИО начали светить три кандидатские и четыре докторские. Но Зеленый Змий, дойдя до конца квартала, неожиданно выбросил гармошку в газон и убежал в неизвестном направлении. Поэтому одна кандидатская отпала.

Товарищ Председатель! Видя, что наш НИИ ТРИО не может справиться с поставленной задачей, хотя защитились на этом деле 18 человек, я решил следующую операцию разработать сам. Я послал Зеленому Змию повестку и обязал его явиться в группу захвата. С вещами.

Следовало принять радикальные меры и заспиртовать Змия в стеклянной бочке, чтобы потом выставить его на обозрение в кунсткамере как самое уродливое явление нашей жизни.

Змий пришел, охотно согласился стать экспонатом и даже сам прыгнул в бочку со спиртом. Он заспиртовался на наших глазах и скрутился калачиком на дне бочки. Бочку мы безвозмездно под расписку директора подарили в кунсткамеру.

На следующий день группа журналистов прорвалась в помещение и обнаружила там следы дьявольского разбоя. Бочка из-под Змия была пуста как от Змия, так и от спирта. Также испарился спирт и из емкости с другими экспонатами. В частности, из банки с двумя младенцами 1705 года рождения. Младенцы лежали на сухом дне совершенно расспиртованные. Внезапно они выскочили из банки и стали выражаться нашими словами. Сотрудники кунсткамеры до сих пор не могут уgomонить разбушевавшихся младенцев. Эти бестии пожирают личные вещи сотрудников — мозольную жидкость, клей, олифу

нефильтрованную. А также вынюхивают бензин из бензобаков автотранспорта кунсткамеры.

Сам Змий ушел в неизвестном направлении. Собака следа не берет. Чихает.

Захват его осложняется еще и тем, что он не определен четко во времени и в пространстве. Только мы поймем Змию в одном месте, как нам сообщают, что он орудует в другом. Такое впечатление, что его много.

Осложнилась и лично моя личная жизнь. Сейчас, чтобы попить чаю с сахаром, я сначала покупаю брагу у соседки и выпариваю из нее сахар.

Ягоды на зиму приходится не засахаривать, а солить. Лично я засолил три ведра клубники.

И я начинаю опасаться, что в таких условиях скорее я запыю, чем народ бросит.

Учитывая вышесказанное, прошу разъяснить нам, с чем бороться сейчас: с Зеленым Змием или с последствиями от борьбы с ним?

Пыхти, моя родимая

Ты моя любимая. Ты моя ненаглядная. Нежная ты моя и желанная, баночка моя трехлитровая. Стоишь ты, моя дорогая, в углу и пыхтишь себе в перчаточку. Желтенькая перчаточка резиновая раздувается, и газики из баночки выходят через пальчик указательный в атмосферу. Пыхти, моя родимая.

Желанная ты моя и дорогая. Дорогая ты моя, недешевая. Сахар — по 90 копеек, дрожжи — по три рубля, рис — шлифованный... Ах ты, моя дорогая... А все равно дешевле. Пыхти, моя родимая,-

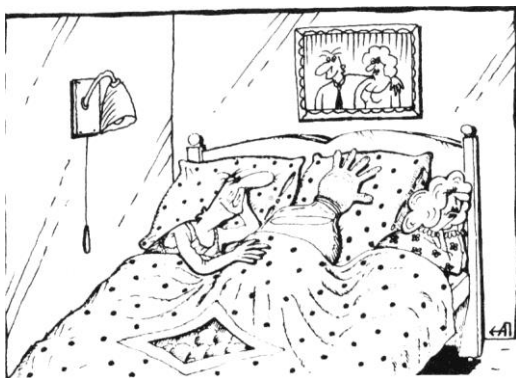
Так и хочется схватить тебя, к груди прижать, щекой небритой об тебя потереться и поцеловать ручку твою

резиновую в пальчик указательный. И вынюхать газики твои ядрененькие. Пыхти, моя родимая.

Ах ты, дите ты мое долгожданное. Это же сколько хлопот надо — выходить тебя да вынянчить, довести тебя до совершеннолетия. Это же в магазине надо потопиться да купить тебя, дитя недоношенную, в виде сока виноградного. Ить сколько нашего брата, мужичка, за соком-то сейчас стоит. А и детишкам хватает. Вот сколько соку-то понаделали, дай им бог здоровьца. Ить смотреть приятно да радостно, как мужики трехлитровые банки с соком несут. Как поросенок — под мышками. А уходу за этими поросятами, как за малыми ребятами. Пыхти, моя родимая.

А терпенье-то какое надо иметь нечеловеческое — дожидаться, когда ты созреешь. Ить тянет к тебе каждый день. Каждую минутку только о тебе и думаю, пузатенькая ты моя. А ночью только ты мне и снишься. Будто дядя Коля прокрался в дом и выхлебал тебя всю до дна вместе с гущей. В поту холодном от ревности вскакиваю, проверяю тебя да одеялками укутываю. Пыхти, моя родимая.

А вчера ночью пригрезилось, будто сын мой Аркашка тебя из одеялка распеленал и принохивается. Сопляк такой, в седьмом классе учится. Вскочил я, как ужаленный, глядь, а он и впрямь отхлебнул из баночки. Выпорол я его, паразита, за такие дела. Ить сколько раз учил

его: не созреет — не пей, брюхо заболит. Пыхти, моя родимая.

Это ж сколько врагов у моей колобродники! Дядя Коля, сын Аркашка ну и, конечно, Марусенька моя, супруга сизокрылая. Сколько раз она хотела уничтожить тебя, моя пузатенькая. Это ж в каких битвах я тебя отстоял и спас, моя родимая. Вспомни, моя дорогая, как Марусенька наша кочергой тебя из угла выцарапывала, била тебя по щечкам стеклянным, ревновала меня к тебе. А я сказал:

— Марусенька, бей меня, а ее не трожь. Не виноваты мы перед тобой, любовь промеж нами.

И Марусенька меня била. Ой, как она меня била! А тебя не трогала. Спас я тебя от неминуемой гибели. Пыхти, моя родимая.

И вот сегодня — последний наш вечер разлуки. Завтра — срок. Завтра соединимся мы с тобой безраздельно, сольемся воедино, и никакой враг нам не страшен будет. Завтра, моя ненаглядная. Завтра, моя любимая. Потерпи одну ноченьку. А сейчас спи. Любимая, спи, спи, спи.

Вздремнул

Вася Васильев спал ровно пять лет. Тихо спал, не дергался. Пять лет назад перед сном он спросил жену:

— Зина, у нас есть талоны на водку?

— Есть, а что толку? Все равно не отоваривают. Нечем.

— Дак тогда какой смысл вообще на улицу выходить?

И завалился спать.

Зинаида обрадовалась, когда он не проснулся на следующий день. И через неделю. И через год. Ну как хорошо: есть не просит, пить не просит, и хоронить не надо. Спит себе, тепленький, розовенький. Правда, по

осени ворочается почему-то. Зинаида ухаживала за ним, за спящим, как могла. Весной, когда мыла окна, проти-рала и ему этой тряпочкой лысину и лицо. Он улыбался во сне. А во время уборки, раз в месяц, обязательно проходила по нему веничком. На зиму она не забывала укрывать его одеялом. А к лету обязательно одеяло снимала и не укрывала ничем. Потому что лег он спать, как всегда, в одежде.

На третий год сна Василия она все-таки дала согла-сие на сожителство Ивану. Правда, тот просил чуть больше — руку и сердце. Но Зинаида твердо отрезала:

— Это как же при живом-то муже?!

— Да он же спит.

— А вдруг проснется? Как я могу замуж идти, если муж вздремнул немного.

Первая внебрачная ночь Зинаиды с Иваном была кошмарной. Дело в том, что Василий и Зинаида жили в однокомнатной квартире. И в самый ответственный момент Василий вдруг встал с постели и с закрытыми глазами сходил в туалет. Потом попил рассолу из банки и снова залег.

— А еще замуж звал,— язвительно сказала на сле-дующий день Зинаида Ивану,— в любовники даже не годишься.

— Дак чо он ходит-то? — только и мог ответить Иван.

Василий проснулся через пять лет под вечер.

— Зина, сколько времени? — был первый его вопрос.

— Без пятнадцати семь.

— Утра или вечера?

— Вечера.

Василий вскочил и бросился к выходу.

— Ты куда?

— В магазин, надо успеть до закрытия за бутылкой. Давай быстрее талон.

— Да нет никаких талонов.

— Чо, опять не выдали? — он резко сунул руку в карман брюк и вынул мятую пятерку,— Видишь, день-ги есть, я вчера заначил. Давай быстрее талон.

— Выкинь эти деньги.

— Ты чо, Зина, последнюю пятерку — выкинь? Да у меня башка трещит после вчерашнего. Не проспался...

Зинаида достала из-под скатерти с комода талон пятилетней давности, и Василий исчез за дверью.

Прижав к груди одной рукой талон, а другой пятерку, Василий выскочил из подъезда и...

...Остолбенел!

За одну ночь — и так все изменилось! Вместо пашлычной — казино, вместо булочной — банк, вместо баб — дамы, вместо мужиков...

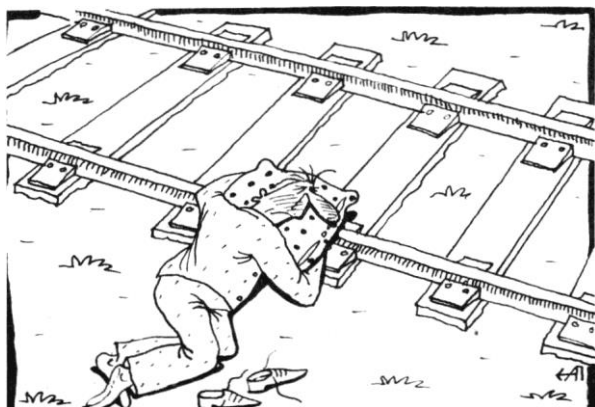
— Эй, мужик, мужик, а чо тут такое сегодня происходит? Кино, что ли, снимают?

— Я господин, а не мужик, — ответил мужик.

Ага, значит, вместо мужиков господа. На домах — реклама и зеркальные стекла. Подбегая к винному, Василий заподозрил неладное. На улице не то что очереди — ни одного человека не было.

«Закрыли, не успел».

Но дверь была широко распахнута, а в витринах сверкали этикетками и пробками тысячи бутылок, и вроде все со спиртным. Василий с большим трудом отыскал глазами «Московскую». Но его сильно испугал ценник: «6 т. р.».

— Это шесть талонов за пузырь! — ужаснулся он,—
За ночь такую подлянку устроили?

Но к кассирше подошел уверенно, решил уговорить.

Молодая девушка долго смотрела на Василия, потом на талон, потом на старую пятерку и... отбила чек. Василий схватил заветную бутылку и бросился за пивную палатку к ребятам.

Ребята почему-то сильно постарели за ночь. Первым его увидел Николай:

— О, Василий, ты где был столько лет, не в Америке?..

...После первой кружки Василий узнал, что, не выходя из постели, он перешел к капитализму. После второй — что товару, как в Париже, а талонов давно нет. После третьей он не поверил и налил четвертую.

Домой Василий вернулся бледный и трезвый.

— Ты почему меня не разбудила? — спросил он Зинаиду строго.

— Будила. Не смогла.

— Крикнула бы в ухо, мол, талоны отменили, водки — залейся. Я бы и проснулся.

— Не догадалась.

— А как ты без меня? Столько лет.

— Да ничего. Иван сватался, руку и сердце просил.

— Ну, а ты что?

— Отказала. Они у меня заняты.

— А остальное?

— А остальное — спать надо меньше...

Первое время после пробуждения Василий еще резко срывался со стула без пятнадцати семь. Но потом привык. С завода уволился, пить бросил. А зачем пить, когда всего навалом? Азарта нету. Занялся коммерцией.

А Зинаиду уложил спать. На пару лет. Как? А очень просто. Крикнул, как Кашпировский: «Спать!» И шепнул установку: «На два года».

...Проснулась Зинаида, как обычно, рано утром. Встала, по привычке подошла к окну взглянуть на кольцевую дорогу и обомлела. Ее взгляд уперся прямо в рубиновую звезду Кремля. Она отшатнулась от окна и

повернулась к двери. На пороге комнаты стоял Василий в ослепительно белом костюме с огромным букетом алых роз.

— С добрым утром тебя, Зина. Как тебе наша новая квартира?!

Мягко прозвонил телефон. Зинаида робко взяла трубку и услышала приятный мужской голос.

— Здравствуйте, Зинаида Петровна. Не мог бы Василий Васильевич ответить Юрию Михайловичу?

— Скажи, меня нет, пусть звонит на работу,— шепнул Василий.

Когда Зинаида положила трубку, он открыл бутылку шампанского и, подняв бокал, сказал:

— Я не пил два года...

— Ну дай я хоть в ванную схожу!..

Когда Зинаида в новом халате вернулась из ванной джакузи, он продолжил:

—... И два года не спал. Ни минуты. Начал я дело с того, что побил морду Ивану. А дальше пошло как по маслу: газетный лоток — водочный киоск — оптовая торговля — политика.

— И кто ты сейчас, если не секрет?

— Не секрет. А большая тайна. Во мне вскрылись такие резервы, каких Родина-мать даже не видывала. Давай-ка выпьем за нашу новую жизнь.

Хрустальный звон бокалов вылетел в открытое окно и растворился над Москвой-рекой.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Театр

Предположим, ты захотел познакомиться с девушкой. С какой — пока неизвестно. Известно одно — с какой-то девушкой. Где с ней знакомиться? Лучше всего в театре. Если не познакомишься, согласишься спектакль. Какой спектакль, пока неизвестно. Известно одно — какой-то спектакль.

Вот приходишь ты в театр и хочешь узнать, кто играет. Спрашиваешь у буфетчицы:

— Шампанское сегодня играет?

Если да, то спектакль может быть хорошим. И девушка тоже.

Теперь так. Ты уже сидишь на последнем ряду за колонной, а героиня на сцене плачет, убивается, у нее горе. Но ты об этом ничего не знаешь. Перед тобой — колонна. А по всем признакам героиня плачет, убивается, у нее горе. Как узнать, что творится на сцене? Посмотри на соседку справа. Возможно, эта та девушка, с которой ты хочешь познакомиться. У нее бинокль — ей все видно, слуховой аппарат — ей все слышно. И еще у нее лицо — по нему определяется, что творится на сцене. Вот соседка плачет, убивается. Значит, на сцене у героини что? Горе.

Теперь так. Ты сидишь там же, за колонной, а на сцене героиня смеется, танцует, целуется. А потом к ней приходит мужчина. Ты об этом ничего не знаешь, но догадываешься. По внешним признакам. Как узнать, что творится на сцене? Опять смотришь на соседку, у нее — лицо. Оно плачет, убивается. Значит, на сцене у героини что? Счастье. Соседка тоже так бы хотела.

Теперь так. На сцене героиня не плачет и не целуется. У нее — мужчина. А у тебя — колонна. Как узнать, что творится на сцене? Строишь опять на соседку. Она убрала бинокль, отключила слуховой аппарат и удивленно смотрит на тебя. Как узнать, что творится с соседкой?

Теперь так, на сцену выходит юный влюбленный типа Ромео. Вокруг головы у него кудри, а на макушке — пусто. В партере тихо. Снизу не видно макушки. А весь балкон смеется-заливается — сверху видно, что блестит. Соседка смотрит на тебя, а у тебя перед тобой твоя колонна. Как узнать, что творится с Ромео?

Теперь так. Все плачут-убиваются, и только в боковых ложах смеются-заливаются. Из боковых видно, что творится за кулисами. Соседка смотрит на тебя, тихо берет тебя за руку, ты строишь на колонну, а на сцене идет какой-то спектакль. Как узнать, что творится за кулисами?

Теперь так. Все встали и пошли в буфет. Ты угощаешь соседку шампанским, пересчитываешь сдачу и недосчитываешься. Как узнать, что творится с буфетчицей?

Теперь так. Внутри играет шампанское, снаружи — артисты, буфетчица подсчитывает прибыль, соседка

строит планы на будущее, а ты смотришь в соседкин бинокль на свою колонну. И скучаешь. Как узнать, что спектакль интересный?

Теперь так. Билет, плюс шампанское, плюс соседку до дома на такси, плюс себя до дома на метро. Как узнать, что творится в кармане?

Теперь так. Спектакль ты посмотрел, но больше запомнил колонну. С девушкой ты познакомился, но забыл, как ее зовут. Как узнать, что творится на сцене, а что в действительности?

Ночное шоу

Часть I

— Легко ли быть молодым? — спросила билетерша Петровна деда Кузьмича.

— Да нелегко в восемьдесят-то лет. Но можно! — ответил Кузьмич, предъявляя билет на ночное шоу.

— И чего тебя тащит к молодежи?

— Влекет, Петровна, сильно влекет. Я поглядеть хочу. А глядеть-то я еще ой как могу!

В селе Обабково разворачивалось ночное шоу. Городской кооператив «Досуг» приобщал село к новой жизни.

Деревню лихорадило от сборов и приготовлений. На улице Силосоуборочной, в доме № 2 родители хлопотали вокруг сына. Отличник боевой и политической подготовки Иван Епифанов вчера дембельнулся на родину. Родину он не узнал: панки, рокеры, металлисты, ночные шоу — обалдеть!

— Мам, где я? — спросил Иван, как только приехал.

— Ты на родине, — ответила мама.

Когда Иван сказал родителям, что собирается на ночное шоу, отец обнял его и спросил:

— Патроны есть?

А мать добавила:

— Ты береги там себя, сынок. Сейчас я тебя соберу.

И она, смахнув слезу, принялась складывать в рюкзак яйца, лук зеленый, картошку в мундирах.

Иван вздохнул. Честно говоря, он не знал, что больше потребуется в ночном: патроны или закуска. Ясность внес друг детства, Илюша Дальнорский, не служивший в армии по причине близорукости.

Он с порога сказал:

— Ночное шоу — это увеселительное мероприятие, направленное на досуг молодежи: дискотека, видеокафе, рок-ансамбль и море девушек.

— А девушек кооператив, что ли, привез? — спросил отец.

— Нет, девушки все свои, — ответил Илья.

— Что-то я у нас, кроме бабки Матрены, девушек не знаю, — почесал за ухом отец.

— На праздник много приехало, — уточнил Илья.

— Ну, если что приехало...

В доме № 4 по улице Перегнойной возле зеркала сидела Зина Зубоскалова — молодая и зовущая, как стройки БАМа.

Она лениво гладила себя, то по немецкой комбинации на талии, то по покатоному плечу. По ее лицу было видно, что она довольна сравнением. Более гладкого предмета, чем она сама, в мире не существует, даже среди импортных.

По кухне и по комнате кругами бегала встревоженная мать, старушка в фартучке, и приговаривала:

— Ой, что бу-и-ит, что бу-и-ит...

— Да что бу-и-ит? — передразнила ее Зинаида.

— Да то и будит, что с деревенскими в городе быва-ит... Дался он тебе, этот город. Вон Маринка после школы никуда не поехала.

Маринка сидела тут же, поджидала свою подругу. Она действительно после школы пошла работать на ферму, где и делала перестройку тихо, без лозунгов, под раздольную коровью песню.

Иван с Ильей подошли к Дворцу культуры, когда ночное шоу уже мощно набирало свои обороты. У рекламной афиши перед входом стоял дед Кузьмич. На афише красовалась надпись: «Всего за 10 рублей вы не уснете всю ночь!»

Дед всем комментировал надпись:

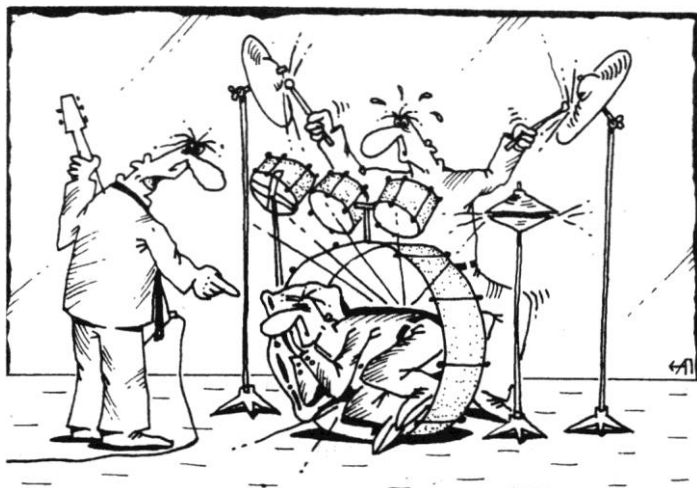
— Да если б мне дали 10 рублей, я не то что не спать, а на голове ходить буду. Если на ноги удачно встану.

В фойе Дворца ходуном ходила дискотека. Иван от неожиданности привычным движением поправил на груди несуществующий автомат Калашникова.

Освоившись в шуме и грохоте, Иван с Ильей встали в сторонке и принялись изучать обстановку. И в это время в зал вошла Она. Она появилась в дверном проеме, как богиня любви в позолоченной раме, вся декорированная и экзальтированная.

— Кто это? — остолбенело спросил Иван у танцующего с семилетней племянницей деда Кузьмича.

— А-а, это Зинка Зубоскалова. Сейчас в городе живет, шибко модная стала. Ишь, как обнагилась... Я помню, раньше бывало, дружишь с девушкой, так ее комсомоль-

ским значком всю руку себе поцарапаешь. А тут, гляди-ко, никаких преград.

И дед исчез в гуще танцующих.

Зина с Мариной прошла в зал и лениво скользнула вокруг глазами. Неожиданно она встретилась взглядом с Иваном. Ивана, словно током от Братской ГЭС, дернуло. Да и Зина вздрогнула, как одинокий душман под дулом автомата. Словом, в этот миг в селе Обабково возникла любовь с первого взгляда.

Первой пришла в себя Зинаида. Она пригласила Ивана на танец и, уверенно прижав к себе, повела его в изумительное путешествие по неизведанной стране под именем Любовь. У Ивана бешено колотилось сердце. Сердце Зинаиды билось ровно; стабильно, без перебоев работали и другие внутренние органы.

В вихре налетевших чувств и водовороте подступивших предчувствий Иван не помнил, сколько они танцевали, о чем говорили, он даже не заметил, как Илья передал ему какой-то ключ и они очутились вдвоем с Зинаидой в примерной комнате.

С пылом дембельнувшего солдата Иван принялся наносить Зинаиде телесные поцелуи легкой и средней тяжести. Голос дивной красавицы прозвучал в этой обстановке, как гром среди ясного потолка:

— Ваня, а деньги я привыкла вперед брать.

Иван, набравший бешеную инерцию чувств, не мог сразу остановиться, поэтому целовал Зинаиду еще минут пять. Наконец помутневшие глаза его прояснились и он прохрипел:

— Какие деньги?

— Валюты у тебя все равно нет, так что давай советские — 150 рублей.

Иван сел на диван строго вертикально и потряс головой. В школе они этого не проходили. В армии — тоже. Он автоматически вынул из кармана горсть мелочи и мятых бумажек и пересчитал на туалетном столике. Денег было 17 рублей 3 копейки и две пуговицы.

Зинаида хихикнула от малости имеющейся суммы.

Разгоряченный дембель Иван Епифанов испытывал

те сильные чувства, которые обычный человек испытывает у прилавка винного магазина, когда не хватает.

Зинаида уловила ход мыслей молодого человека и молвила:

— Цены устанавливаются не здесь, а в Москве. И мы на местах не можем отменять решения центра.

Иван понял, что дело любви и дружбы успело встать на прочную государственно-экономическую основу. Поэтому спросил с надеждой:

— А льгот для отдельных категорий работников у вас не предусмотрено?

— Предусмотрено,— ответила Зина,— наш министр легкого поведения определяет 30-процентную скидку студентам и студентам-заочникам в период с 1 ноября по 1 мая, а также инвалидам и участникам войны круглогодично при наличии удостоверения.

Иван предъявил удостоверение. Зинаида сверила фотографию с владельцем и сказала:

— Тебе положена скидка в 50 рублей. Остается столярник.

Иван прослезился от счастья. Все-таки большое дело — бюрократический порядок и бумажная дисциплина. Любовь приблизилась ровно на 50 рублей. Появилась хоть какая-то надежда.

К Ивану вернулась уверенность. Он начал действовать смело, решительно и умело.

— Зиночка,— сказал ласково Иван,— сиди здесь, жди меня. Я вернусь.

Он сгрэб свои деньги со столика и выскочил из примерной.

Часть II

Краткое содержание первой части.

Маленькое, но гордое село Обабково за годы перестройки резко выросло, окрепло и изменилось. Накануне праздника в село приезжает городской кооператив «Досуг» и разворачивает ночное шоу во Дворце культуры. На мероприятие приходит свежесдебомобилизованный сол-

дат Иван Епифанов и влюбляется там в Зину Зубоскалову. Волей судьбы молодые влюбленные оказываются наедине. Порыв любви Ивана Зина останавливает словами: «Деньги вперед». И называет круглую сумму. Ошарашенный Иван кидается занимать недостающие деньги у друзей. Зина остается одна в томлении и ожидании.

Дворец сотрясился от грохота рок-ансамбля. Самодеятельные музыканты заколачивали зрителям музыку в селезенку, а тексты — в лоб.

В малом зале работала дискуссионная трибуна и свободный микрофон. Оратор-бюрократ кричал с трибуны:

— Долой бюрократов!

А публика, не подозревая о кошмарной двойной игре, вторила:

— Долой!

Иван протискивался через гущу мероприятий, как через джунгли. Ильи нигде не было. Наконец Иван заметил друга в коридоре курилки. Он бросился туда, но на его пути встала художница-моменталистка с совершенно диким нездешним взглядом.

— Я буду писать с вас портрэт,— сказала она твердо и дьявольским жестом бросила Ивана в кресло.

Иван хотел встать с кресла, но два дюжих ассистента художницы положили ему свои волосатые руки на плечи. Вскоре с портрета на Ивана глянул Иван с огромными бешеными глазами. В них однозначно читался вопрос: «Где взять деньги?» А когда художница сказала, с вас десять рублей, сходство Ивана с портретом еще больше увеличилось.

Конечно, в курилке Ильи уже не было. Иван заглянул в красный уголок. Здесь проходила встреча населения с писателем-юмористом. Иван прошел по залу, вглядываясь в заснувшие лица зрителей. Тишину нарушал лишь голос писателя-юмориста, читавшего свой рассказ, и легкий храп собравшихся. Писатель во время чтения иногда хихикал, иногда смеялся, а в конце рассказа захохотал так, что упал на пол и укатился под рояль.

Ильи нигде не было. Иван пошел в сторону видеосалона по коридору, где и был схвачен пятью фотографами-кооператорами. Они ловко общелкали его с ног до головы, забрали последние деньги и сказали: «Фото ждите по адресу». Адреса, правда, не взяли.

В видеосалоне Иван увидел деда Кузьмича. Здесь крутили фильм ужасов. На экране людоеды аппетитно пожирали друг друга. Основные зрители — дети забрались от страха под стулья и смотрели фильм, закрыв лицо ладошками, время от времени раздвигая пальцы. Дед Кузьмич так же от страха замаскировался под лопух, воткнув в бороду две репейные шишки. Сходство деда с сорняком было потрясающим, людоеды его ни за что бы не обнаружили.

Иван тронул деда за плечо, тот от неожиданности подпрыгнул, с воплями кинулся к дверям, столкнулся там с входившим Ильей, и оба повалились на пол.

В курилке Иван объяснил Илье ситуацию. Ухо деда Кузьмича раскалялось по мере рассказа сначала докрасна, потом добела, и если бы дед не прижал его рукой, оно бы отскочило.

Поскольку сначала нарисованный, а потом и сфотографированный Иван остался совсем без денег, то требовалось ровно сто рублей.

Дед Кузьмич сказал шепотом:

— Я могу дать 50 рублей.

— 50 — это на полдела, — сказал Илья.

— А на дело меня и не хватит, — сказал дед, — я просто в долю хочу.

Иван дернул деда за бороду и привел его мысли в порядок. После выцарапывания из всех карманов деда и Ильи набралось 99 рублей, 93 копейки и полпачки махорки.

— Семь копеек не хватает, — заметил Илья с немецкой педантичностью.

Дед подхватил:

— А она, собака, возьмет и на семь копеек не работает. Не-ет, в этом деле каждая купеечка важна, особенно последняя.

И, помолчав, добавил:

— Уж коли влюбился на сто рублей, дак сто и надо.

Семь копеек заняли у первого появившегося в курилке. Иван, зажав деньги в кулак, шагнул в неизвестность. А дед Кузьмич сказал ему вслед:

— Это сколько же я за свою жизнь на своей бабке сэкономил!

Иван осторожно постучался в дверь гримерной.

— Войдите,—ответил спокойный женский голос.

Иван шагнул через порог. Перед ним стояла все та же красавица Зина, только одета она была в школьную форму, а вместо современной прически на ее голове торчали две задорные косички с бантиками. Иван стоял перед ней со сложенными в горсть руками, полными денег.

Зина вынула из сумочки какую-то бумажку и стала читать вслух:

«Здравствуй, мой далекий солдатик Ваня. Не писала тебе две недели, потому что поступила на подготовительные курсы...»

От неожиданности у Ивана подкосились колени, и он встал на них, как обелиск.

— Так это ты мне писала? И подписывалась «твоя незнакомая девушка»?

— Да...

— А как же ты дошла до... такой жизни?

— Я не доходила, это ты дошел,— Зина показала на деньги в горстях Ивана.

Руки Ивана разжались, скомканые купюры запорхали в воздухе, как снежинки, а мелочь весело раскатилась по полу...

— Эй, Никифор,— стучал Иван в ставень дома председателя сельсовета,— вставай, свадьба будет.

Никифор, кряхтя, слазил с печи и ворчал:

— Опять свадьба. Вот повадились по ночам-то жениться. Сколько помню, ни одни еще днем не списывались.

—А ты себя вспомни,— сказала с полатей сонным голосом Пелагея,— вот времечко было...

—Было,— пробурчал Никифор, доставая из-за иконы книгу записей гражданского состояния.

Ночное шоу плавно переходило в раздольную деревенскую свадьбу.

Алименты

при луне

Эротическая диалогия

ЧАСТЬ I

Бойкие девки

Ой, девки бойки пошли нынче, ой, бойки. Такие бойкущие девки. Да от нее, от такой-то бойкой, разве убежишь? А когда уже не убежал, оказывается, она ласковая. Ну, о чем тут думать будешь, когда уже Чувствуешь, что она такая ласковая? Конечно, не об алиментах. А зря! В любой ситуации надо о них думать, в любой. Надо как-то нам, мужикам, от алиментов предохраняться.

А то что получается? Только ты утром от нее ушел, а к вечеру тебе уже повестка в суд на алименты.

В суде уже она вся в слезах, зареванная сидит, а на коленях у нее ребеночек соску подергивает. И она уже говорит:

— Вот, Коленька, знакомься, это наш совместный ребеночек, Вовочка.

Вопрос, как он мог получиться за один день, сразу отпадает. Потому что такая она небойкая сидит, убитая горем и тобой, негодяем, обиженная, что шапка сама с головы снимается и в руки падает.

А по бокам от судьи две народные заседательницы рыдают, разделяют чужое женское горе. И исподлобья

на тебя, на подлеца, так и поглядывают. Так смотрят, что чего-то Вовочку-соплячка хочется тут же усыновить и под алиментами подписаться. Мол, да, да, да, наши отношения с этой милой женщиной, простите, не знаю, как ее зовут, дошли до постельных, к я согласен и жениться, и усыновить, и подписаться.

Зашел в суд холостым человеком, вышел многодетным. А она из суда вышла — опять бойкой стала. Говорит, ну все, Коленька, до свидания, дома нас с Вовочкой и с алиментами папка его родной ждет.

Ой, бойкущи девки. Приезжает к нам инопланетянин. Наша бойкая девка его сразу сцапала, и он от нее понес. У этих инопланетян, значит, мужики несут, причем несут очень быстро. Понес он от нее, понес и уже на другой день принес... ребеночка... Так наша бойкая девка тут же на него на алименты подала. Суд, конечно, разобрался в ситуации. Раз мужик — должен платить. И сейчас инопланетянин ребеночка воспитывает. А наша девка от него алименты получает.

Ну чего им таким бойким не жить? Причем бойкие-то они начинаются с седьмого класса. Ну, одна на геометрии двойку получила и после урока двойню родила.

— Кто отец?! — кричит в учительской завуч.

Мамашка-семиклассница ревет: нет у нас отца, мы с мамой живем.

— Ну, с мальчиком ты дружила?

— Дружила.

— С каким? — кричит басом завуч.

— С Петькой из параллельного.

Завуч, волнуясь и путаясь, кричит за дверь:

— В учительскую Петьку из перпендикулярного!

Заходит Петька, носом сопит. Завуч спрашивает:

— Ты отец детей, сопляк такой отец детей?

— Я, — сопит Петька. — Но у нас с ней только разик было. Поэтому одного-то отец — я, а другого — не знаю кто.

Завуч на него пальцем показывает.

— Вы посмотрите на него — отец. Тьфу. Вызовите мне отца этого отца.

Приходит отец отца. По глазам видно, что он уже обременен алиментами.

Завуч ему с порога:

— Вы во сколько мест платите алименты?

— В два, — топчется мужичок.

— Будете еще — в одно, но за двоих.

Ой, бойкущие девки, ой, бойкущие.

Нет, про Наташу Ростову надо гораздо раньше изучать. Смещать надо школьную программу в сторону садика. Первый бал Наташи Ростовой. Звон шпор, музыка, сиянье, маменька сзади волнуется, переживает — пригласят не пригласят.

А наша бойка девка читает, читает про это и ничего понять не может. У нее первый бал был лет пять назад в подвале двенадцатизэтажки. Там пацаны хомяков разогнали, прорвавшую канализацию заткнули, ящик в центре установили и два часа подряд все курили, курили и нюхали. И потом, кто такой князь Балконский, ну никак нашей бойкой девке непонятно. Потому что

у нее князь так князь, пацан из соседнего двора Андрюха Конский, недавно освобожден. Хороший парнишка. Ему в наследство от бати шесть пачек «Севера» перешло еще по старым ценам. Ну, бал есть бал, потанцевали немного в подвале. Андрюха Конский такой брейк двинул — все с него так тащились, так тащились. Ну, бал закончился в районе отделения милиции. В общем, есть что вспомнить. Бал сильно понравился.

Ну, а потом у нашей бойкой девки начались там приемы, визиты, выезды за город. В общем, светская жизнь, водоворот симпатный. И как итог, на Андрюху Конского подали на алименты сразу трое. Хотя он берет на себя только двоих. То есть сейчас парень трудится на заводе, твердо стоит на ногах и ждет не дожидается повестки в армию.

Ой, до чего бойкущи девки. Их бы тоже, что ли, в армию приспособливать? Чтобы старшина там с ними занимался боевой подготовкой. А то уж шибко бойкие.

ЧАСТЬ II

Робкие парни

А парни-то какие робкие пошли, ой, какие робкущие парни. Только у них любовь с девкой произошла, а он уже по сторонам с опаской озирается. И переживает, чуть не плачет. Она его успокаивает:

— Ты чего, милый?

Он голову от подушки рывком поднимает и говорит:

— А ты на алименты не подашь?

Она брезгливо на него смотрит и гордо уходит. Есть еще такие девки. Гордые. Немного, но есть. Я сам одну видел. Издалека.

А перед уходом она говорит:

— Не надо мне от тебя ничего.

И хлопает дверью. Гордо. С этой стороны. Потому что если с той, то он, этот негодяй, может потом не открыть. А если с этой, то удобней возвращаться. И она возвращается:

— Ладно, не подам. Ведь ты же на мне женишься.

А он — на вдохе:

— Как жениюсь?!

— Ах, не женишься?! Тогда я уйду. И не надо мне от тебя ничего.

И снова уходит. Гордо. Есть, есть такие гордые. А этот за ней идет по следу. Скрывается за мусорными контейнерами и семенит перебежками. И с черешни в бинокль через окно наблюдает сцену свидания своей возлюбленной с ее мамашей.

Возлюбленная говорит там в квартире своей мамаше, гордо так:

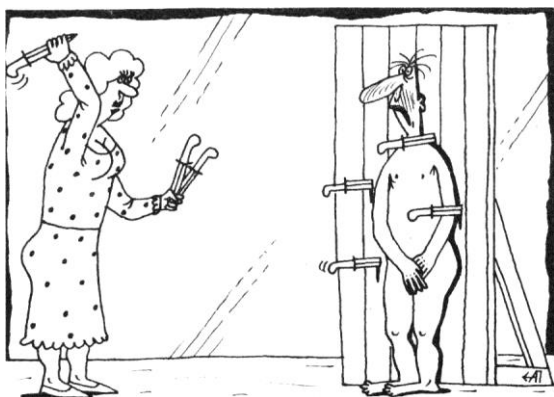
— Ничего мне от него не надо.

Парень этот черешнями закусывает и гадает на веточке: подадут — не подадут, подадут — не подадут. А мамаша руки в боки и громким голосом дочь поучает:

— Чего?! Я тебе покажу — не надо. Да я из него все соки высосу. Он у меня голодранцем пойдет по Демьяна Бедного. Он у меня всю жизнь на алименты работать будет.

А робкий парнишка как только понял, что подадут, с дерева — прыг и побежал. Так побежал, что обнаружили только на Сахалине. Обнаружили его и спрашивают:

— А что, собственно, вы тут делаете?

— Да я, собственно, ничего не делаю. Работаю бульдозеристом. Вот я, а вот бульдозер.

— А почему вы алименты не шлете?

— А что, уже пора? И есть кому?

— Да уже давно пора есть кому.

И робкий парнишка тут же клянется, мол, долг выплачу и дальше платить буду. Регулярно.

Пока исполнительный лист едет поездом на Север, парнишка уже летит самолетом на юг. Решил он из бульдозериста на Севере переквалифицироваться в официанта на юге. Чтоб ему деньги были те же, но алименты меньше.

А бабка, которая хотела с алиментов бульдозериста разбогатеть, со дня рождения внучки сидит и пишет. Пишет и пишет. И написала всего 536 с половиной жалоб. С половиной — потому что 537-ю она сейчас дописывает. И в каждой она пишет, что поначалу все шло хорошо, и бульдозериста удалось окрутить. Что, по первоначальным подсчетам, алименты с него должны были идти в размере 250 в месяц, что на прокорм малышки хватало бы. Но на деле оказалось, что вместо 250 с Севера сейчас почему-то пошли 25 с юга. И пишет она, что, как назло, внучка растет в папашу-бульдозериста, то есть такая же крупная и прожорливая. И опять же, как назло, дочка после рождения внучки сказала гордо: «Ничего мне не надо» — и тоже исчезла. И сейчас, мол, я, как бабка, сижу с внучкой и не получаю алименты, а наоборот — плачу их дочке, потому что она сильно просит и все из разных мест. И что в таких условиях у меня, как у бабки, остался всего один шаг до панели. Потому что я читала, что только там люди прилично зарабатывают.

После таких жалоб соответствующие органы бросаются к бывшему бульдозеристу и говорят, как вам не стыдно работать официантом, ведь вы же бульдозерист, в хорошем смысле этого слова.

А он отвечает, почему мне должно быть стыдно, если я — официант и тоже в этом же смысле? Что не противоречит Конституции. И еще он добавляет, что если вы

будете ко мне приставать, то я вообще женюсь на многодетной узбечке и всех усыновлю. И пусть всем будет хуже.

Органы его успокаивают и пишут бабке, что сейчас все в порядке, ответчик работает и алименты шлет. О чем бабка и сама знает.

А за эти какие-то 15 лет внушка незаметно подрастает, встречается с робким парнем и становится бойкой девкой.

Мяу!

Какая кошка не мечтает выйти замуж. Мурка мечтала об этом с детства. Замуж не вышла, но котят родила. Пять штук. Эта ночь, конечно, была хлопотной. Рожать не делать. Утром усталая Мурка вышла из подъезда на улицу. Народу во дворе было много. Из-под кустов и из подвалов разбредались по домам уставшие коты и кошки. Пожилая Матильда покачала головой:

— Вот молодежь! Что хотят, то и делают. А хотят многого,— Потом спросила у Мурки: — А у тебя как дела?

— Родила,— ответила Мурка.

— Бывает,— сказала Матильда и поймала пролетающую стрекозу. Попробовала на зуб и сплюнула,— И как они ее едят? Вот в наше время была стрекозятина.

Потом спросила:

— А мужик-то есть у тебя?

— Да есть один,— ответила Мурка,— найти бы только.

Из подвала вышел кот Рыжик, весь в золе и паутине.

Ночь и для него была нелегкой. Чердак, подвал, конкуренция. Увидев Мурку, он хотел юркнуть обратно в подвал, но Мурка пригвоздила его фразой:

— Мяу!

Увидев, что Мурка постройнела за ночь, Рыжик совсем взгруснул. «Сейчас начнется»,— подумал он.

— Куда же ты! — сказала Мурка. — А говорил, любишь.

— Мда-а, — сладко потянулся Рыжик, — интересная штука жизнь: молодость, любовь, материнство.

— И отцовство, — подсказала Мурка.

— Чье отцовство? — прикинулся Рыжик.

— Твое.

— А-а, вон ты в каком смысле. Ну, это как сказать. Пойдем, глянем на потомство.

Дверь открыла хозяйка Мурки. Она хотела запустить в Рыжика тапком, но сжалилась. И запустила сапогом.

«Ох, и злющая будет теща», — подумал Рыжик.

Почесывая больное место, Рыжик внимательно оглядел своих детей.

— А чего они все разные? — возмутился он. — Только один всего и рыжий.

— Генетика, — настоженно улыбнулась Мурка, — в бабушек, в дедушек...

— Ты про генетику теще расскажи, а мне не надо. Вот одного признаю, мой. Не откажусь. На пару мышей в месяц можешь рассчитывать, — И Рыжик ушел по-английски — в форточку.

«Как жить?» — подумала Мурка и стала перебирать в памяти вероятных отцов своих детей.

Тогда, в марте, пришлось крутиться как белке в колесе. «Всех и не упомнишь», — вздохнула она.

Был Пушок. Но, говорят, подался на Север. Был Мурзик. Но он чуть не погиб под детским велосипедом. Какие алименты с пенсии? Был Пупсик. Сидит за драку на чердаке. Кто же еще? Да нет, не может быть, чтоб больше никого.

А, да, был Эдуард. Шикарный кот в жилетке. Но у него хозяин — зверь. Утопит вместе с котятами.

Кто же еще? А, совсем забыла. Был же еще Серега. Сергей. Все его звали Серый. Это был всем котам парень!

Они познакомились на роскошной помойке возле одного руководящего учреждения. Не помойка, а вкуснятина. Серый никого не подпускал. А Мурку пригласил. Он угощал ее копченой колбасой, икрой и такой

невиданной рыбой, что Мурка полюбила его раз и навсегда. Мурка смотрела на небоскреб учреждения и думала: «Если они это выбрасывают, то что же они едят?» Мимо сновали большие черные лимузины, и Серый сказал:

— Счастье — это умереть под их колесами.

Мурке не хотелось такого счастья. И она предложила:

— Давай куда-нибудь ходим.

И они пошли в подвал. Там выступал клуб самодеятельной кошачьей песни. Как они пели! На восемнадцать голосов. Потом выступали рокеры. А запевал один гладкошерстный кот на чистом сиамском языке.

Публика была предельно экстравагантна. Но Серый выглядел лучше всех. Его шкура имела серый цвет с белыми пятнами. Еще в молодости какая-то бабка плеснула на него ведро негашеной извести. После этого он стал законодателем мод в городе.

Потом Серый вошел в инцидент с огромным сибирским котом. Тот слишком внимательно понюхал Мурку. И Серый сказал коротко:

— Пойдем выйдем.

Серый так отделал сибирского, что тот стал кричать:

— Зачем же так сильно?

На что Серый отвечал:

— Сердцу не прикажешь.

Когда сибирский кот убежал, Серый с пылу и с жару потребовал:

— Дайте мне уссурийского тигра! Я разорву его в клочья.

И Мурка поверила. В таком состоянии разорвет.

Потом на личном чердаке Серого Мурка пробовала валерьянку и авиационный бензин. И так тащилась, так тащилась, что больше ничего не запомнила. Правда, один штришок ей припомнился. Серый после валерьянки сказал ей, что его приглашает в свою труппу сам клоун Куклачев. Мурка встрепенулась. Ведь это — гастроли, чеки, иены и множество фунтов стерлингов. Вот кого надо обложить алиментами! Серый, только Серый достоин называться отцом ее детей.

...Мурка второпях покормила детей грудью и бросилась за письменный стол. В Москве, в подвале прокуратуры, жила ее родная тетка. И Мурка написала ей гневное письмо матери-одиночки. Она просила тетку найти Серого у Куклачева и пригрозить коту прокуратурой. А если Серый откажется от детей, пусть на них шлет алименты сам Куклачев.

Кот Серый оказался порядочным человеком. От него вскоре пришла телеграмма: «Вышел из Москвы пешком рейсом первым. Жди по месту жительства. Твой Серый».

Мурка засуетилась по хозяйству. Да и как не засуетишься, когда только двое из пяти детей смахивали на Серого. А Рыжий, Черный и Белый не смахивали. Мурка быстро рассортировала потомство. Компрометирующих ее честь она спрятала в ванной.

Рейс первый, которым шел пешком Серый, прибыл без задержек. Серый с порога бросился к корзине

с двумя серыми котятами, обнюхал их и смахнул лапкой слезу счастья.

Хозяйка Мурки замахнулась сапогом на Серого, но, увидев, в каком он душевном состоянии, надела сапог на ногу и ушла на улицу. Дети Серому в целом понравились. Два серых сына. Правда, на следующий день из ванной вылезли Рыжий, Белый и Черный — три сестры. Скрипя зубами. Серый тут же не только усыновил их, но даже удочерил.

Началась счастливая семейная жизнь.

Но как только пришел месяц март, Мурка стала раздражительной и рассеянной.

Поздно вечером, когда Серый спал в окружении пятерых детей, Мурка наспех привела себя в порядок методом вылизывания. Потом она подошла к своей счастливой семье, глубоко вздохнула и прошептала:

— Ну какого черта мне еще надо!

И тихонько исчезла в форточку.

После свадьбы

Женился я по любви. Ни жену, ни меня приданое не отягощало. До свадьбы жили мы с ней примерно в равных экономических условиях: у ее родителей квартира, и у моих родителей — квартира; у нее образование, и у меня — образование; у нее не было мужа, и у меня не было жены. И вообще многое в нашем раздельном быту совпадало.

Познакомились мы с ней на почве искусства и на этой же почве, возле филармонии, стали назначать последующие свидания. Количество встреч перешло в качество, и мы зарегистрировали брак.

На свадьбе равновесие материальных сил сохранялось, после свадьбы тоже. Любовь усиливалась, взаимо-

понимание росло. Но в самый разгар обоюдного чувства ее родители ударили по любви неосторожной покупкой — приобрели автомобиль «Волга». Теперь получалось: Ольга с «Волгой», а Владик — с окладиком. Это я Владик.

Я напруг силы и продолжал любить Ольгу. Но через полгода ее родители купили дачу. Мой приятель сказал:

— Ну, ты хитер, старик! И как только заранее разведал про кредитоспособность тещи? Ведь твоя Ольга единственная наследница.

Я по-прежнему крепился. По утрам смотрел на спящую жену, как на цветок, но иногда этот цветок в мыслях переносился на дачную грядку, возле которой стояла белая «Волга».

Окончательно меня свалило последнее событие. Тесть с тещей смогли обменять свою свердловскую квартиру на домик в Крыму у моря. И — все. Я разлюбил. Я забыл свою старую бескорыстную любовь, зато новая сжимает мне горло.

Сейчас я люблю жену по расчету.

Возвращайся
Плач-романс
начинающего инженера с окладом 120 р.

Говорят, когда у человека горе, он поэтом становится. Я чувствую, тоже поэтом становлюсь. Значит, какое-то горе у меня есть. Сегодня с утра вспоминал, вспоминал и вспомнил, от меня жена, оказывается, уехала, к своей маме, значит — горе. А раз горе — надо стишок написать. С утра сел, написал. Хочу с вами поделиться. Стихотворение почему-то получилось в прозе. Называется «Возвращайся».

Зачем ты опять уехала к маме? Возвращайся ко мне, я сделаю тебя счастливой. Я подарю тебе сберкнижку. Я положил бы на нее миллион, но там только рубль. Зато он последний.

Возвращайся. Я подарю тебе добротное платье. Ты будешь блистать в нем на производстве.

Возвращайся. Я поведу тебя в ресторан, где много музыки, шампанского, добрых и веселых людей. Мы стоим там возле двери и сходим в кино.

Возвращайся. Я повезу тебя в круиз. Мы сядем в белоснежный теплоход и незаметно возьмем курс. А потом незаметно приедем обратно. Только бы дотянуть до аванса.

Возвращайся. Я куплю тебе интересную книгу и килограмм колбасы. Ты сможешь всю ночь читать лежа и есть лежа колбасу. А я буду любоваться тобой и спрашивать, что там пишут новенького?

Возвращайся. Я осеребрю, озолочу, обрильянчу тебя хлопчатобумажными чулками. В них будет так тепло, что ты забудешь про все украшения.

Возвращайся. Я воспитаю в себе настоящего кормильца семьи, покормлю его и выпущу на работу. Пусть тоже зарабатывает на хлеб, как и я.

Возвращайся. Я на три дня лишу тебя воды и пищи. А потом на сэкономленные средства куплю пива и креветок. Когда ты сядешь за стол, ты познаешь со мной счастье.

Возвращайся. Нас ждут встречи с интересными людьми. Мы будем ходить в гости к соседям, а они к нам. Мы будем просить у них займы, а они — у нас. А потом мы вместе зайдем у кого-нибудь. Это и будет счастье.

Возвращайся. Я устрою нашу дочь в детский садик. У тебя появится немного свободного времени. И ты сможешь наконец сесть за шитье и мытье.

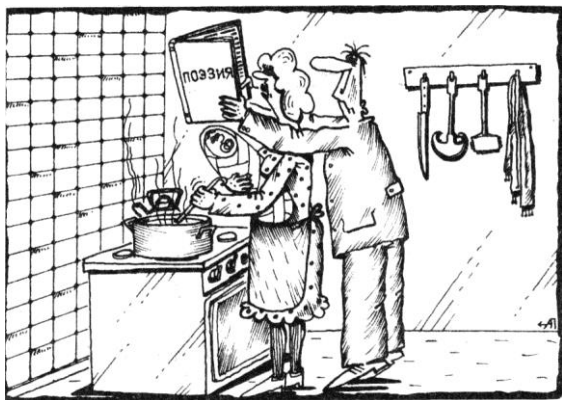
Возвращайся. Я буду помогать тебе по хозяйству, участвовать в воспитании детей и ходить по магазинам. Только мне придется бросить работу.

Возвращайся. Я буду следить за собой и ухаживать за тобой. Буду дарить тебе подарки. Только тебе придется устроиться на две работы.

Я займу пять рублей и отобью тебе телеграмму с такими словами: «Возвращайся, я сделаю тебя счастливой». Сэкономлю на предлогах и запятых и куплю тебе сапоги. Ведь тебе же нужны платье и шапка.

Возвращайся. Я сам заварю тебе чай и накормлю тебя вареньем. Мы будем сидеть на кухне, пить чай и мечтать, как ты уедешь от меня обратно к маме и все опять сможет прокормиться.

Возвращайся. Я сделаю тебя счастливой. А если ты не приедешь, я не буду платить за электричество и приеду сам. И буду делать тебя счастливой по месту жительства.

Дружная семья

— Почему ты все еще не покормила ребенка? Ведь ты же мать.

— А ты отец.

— И почему у нас такой беспорядок? Ведь ты же хозяйка.

— А ты хозяин.

— И почему рубашка у меня не поглажена? Ведь ты же женщина.

— А ты мужчина.

— И почему до сих пор не готов ужин? Ведь у тебя есть муж, ребенок.

— А у тебя — жена, ребенок. И вообще, из чего я буду готовить? Ты не купил продукты. Ведь ты же мужчина.

— А ты женщина.

— И почему гардина у нас держится не на четырех, а на одном гвозде? Ведь ты же хозяин.

— А ты хозяйка.

— И почему наш сын во дворе только дерется и еще раз дерется? А не играет на скрипке. Почему? Ведь ты же отец.

— А ты мать.

— Ты думаешь, он сидит в своей комнате и делает уроки? Как бы не так. Он делает не уроки. А уроки он не делает. Эй, Вова, сейчас же садись за уроки. Ведь ты же школьник.

(Из-за двери): — А ты продавец.

— Ты видишь, он огрызается. И обзывает меня продавцом.

— А ты и есть продавец. Ты самый настоящий продавец.

— Я работница торговли. И не смей меня обзывать... А сам-то, сам-то. Ты же инженер. Самый настоящий, ярко выраженный, ничем не прикрытый инженер. Ха-ха-ха. Инженер, инженер, инженер.

— Я не инженер. Я старший инженер. И экономист. Я старший экономист. Понимаешь, старший, я — старший. А ты продавец. Младший. Вот такой, маленький. А я — старший. Вот такой, большой.

— Ты старший? Да хоть главный, все равно инженер. А я — продавец. Пусть младший, все равно продавец. Я работница торговли! Я принц, а ты — нищий.

(Из-за двери): — Ты, мать, продавец. А ты, отец, инженер. И не спорьте.

— Ты видишь, он огрызается. Скажи ему что-нибудь. По-мужски.

— Вова! Сейчас же перестань огрызаться. Ведь ты же пионер. Всем ребятам пример.

(Из-за двери): — А ты член профсоюза.

— Я кому говорю, перестань сейчас же. Как отец говорю.

(Из-за двери): — Не перестану. Как сын говорю. Инженер, инженер, инженер. С продавцом, с продавцом, с продавцом.

— Вот видишь. Это твой сын.

— А твое воспитание.

— А сын твой.

— А воспитание твое.

— Ведь ты же мужчина.

— А ты женщина.

— А ты отец.

— А ты мать.

— Ты муж мне или не муж?

— А ты жена мне или... кто?

— Тогда разведемся.

— Хорошо. Прекрасно. (Кричит за дверь.) Вова, мы уходим с тобой от мамы. Она нам надоела.

(Кричит за дверь): — Вова, мы останемся. Это папа нам надоел. Мы его выгоняем. Навсегда.

(Из-за двери): — Расходитесь на все четыре стороны. Я остаюсь здесь.

— Он нас выгоняет. До чего ты довел ребенка. Ведь ты отец.

— Я отец. А ты мать.

— Я мать...

— А я отец...

— Так ты отец?

— Я?.. Отец. Конечно, я отец. Я же отец, черт возьми. Или не отец? Я его сейчас буду воспитывать, я за него возьмусь наконец.

— Правильно, возмись за него. А я его покормлю, приласкаю. Ладно? А ты шлепни. Ладно?

— Ладно. Только я сначала гардину прибью. А то болтается на одном гвозде. Я же хозяин, в конце концов.

— А я хозяйка. Рубашку тебе поглажу. Ладно?

— Ладно. А потом я за продуктами схожу. Я мужчина.

— А я женщина. Наведу порядок в квартире. Ладно?

— Ладно. А что, правда, я для тебя всего лишь инженер?

— Ну что ты. Ты — старший инженер. Самый старший инженер в мире. А я правда для тебя продавец?

— Ну что ты? Ты самая лучшая работница торговли. Ты отличница торговли. Ты мой торговенький работник. Ты принцесса торговли.

(С надеждой): — Я — принцесса?

— Да. Ты принцесса торгового зала. Ты лицо торговли. Причем красивое.

— А ты... а ты... звезда.

(С надеждой): — Я звезда?

— Конечно, ты звезда. Ты старшая звезда завода. Без тебя все сгорит.

— А Вовка наш кто?

— Вовка гений. Он вундеркинд.

— Да, да. Пусть он не играет на скрипке, зато как он играет на нервах!

— Конечно! У него сильный характер.

— И огромная воля... к победе. Он победит.

— Кого?

— Партнера. По рингу. Когда вырастет.

— Надо его похвалить.

— Обязательно надо похвалить. А за что?

— Не за что. Но похвалить надо. Их надо хвалить.

— А мы придумаем и похвалим. Вова, мы идем тебя хвалить.

Елка для Толика

Толик, отойди от елки. Мы ее не для себя ставим. А для тебя. Зачем ты взял игрушку? Ты ее разобьешь, и я тебя накажу. Ну вот. Разбил. Иди в угол. Стой там и не оглядывайся. Новый год — это радость. А ты ее испортил. Почему ты вышел из угла? Зачем ты оборвал иголку с елки? Что две? Еще две иголки осталось? Так что это будет за елка с двумя иглоками? Ведь на ней было три. Мама, принеси ремень, я буду спасать елку от Толика. Вот так. Толик, встань в угол и смотри на ремень, вернее, на елку. Ты видишь, какая она красавица? Не видишь? А что ты видишь? Правильно. Ремень надо не только видеть, но и понимать. Вот так. Ну, ладно, выйди из угла, только не подходи к елке. Она еще не готова. А будет готова — вообще не подходи. Тебя дер-

нет током. Мы все сгорим. Толик, выйди вообще из комнаты. Будешь смотреть на елку- из коридора. Там безопасней. Теперь скажи, что такое Новый год? Правильно, праздник. А праздник — это всегда что? Ну? Нет, не ремень. Праздник — это радость, веселье. Радуйся, веселись. Где? В коридоре. В комнате нельзя, там елка. Посмотри мне в глаза. Вот так. Скажи честно, ты веселый? Только честно. Нет? Сейчас тебя развеселят. Сегодня к нам придет Дед Мороз Красный Нос и Снегурочка Красный Глаз. Только ты их не бойся. Они хорошие, с моей работы, у них профсоюзное поручение. Они ходят по квартирам. Что ты сказал, Толик? Ходят по квартирам и уносят подарки? Уносят вещи? Нет. Они приносят вещи, приносят подарки. Тебе принесут апельсины и игрушку. Какую? Мать, какую игрушку принесет Дед Мороз? Вот. Принесет пистолетик за 3 рубля 15 копеек. Значит, Толик, мы договорились, ты в комнату не заходишь, там елка. И не три глаза. Спать еще рано. Всего одиннадцать. Дед Мороз все равно придет. Хоть в час ночи. Он обещал, он обязан прийти. У него поручение. Вот, кстати, и он. Слышишь, скребется за дверью? Толик, не бойся. Это Дед Мороз. Ему очень трудно

идти, он старенький. Да. Поэтому Снегурочка ему помогает. Дед Мороз, пожалуйста на кухню, за стол. Толик, не мешай. Тебе пора спать. А, пистолетик. На пистолетик, иди спать. Вот так. Ложись, спи. К елке не подходи. В этой комнате можно только спать. Все, спи. Стихотворение? Расскажи про себя и спи. Все. Видишь, и Снегурочка уснула. Спи. А мы с Дедом Морозом посидим на кухне... С Новым годом, Дед Мороз! Как это не можешь? Ничего не знаю, пей до дна. На то ты и Дед Мороз, Геннадий... Что там грохнулось в комнате? Толик, зачем ты уронил наряженную елку? Не хочешь Нового года? Это безобразие. Его надо хотеть. Он самый веселый праздник. Ты не любишь праздник? А Деда Мороза? Ну, покажи, как ты любишь Деда Мороза... Ай, Толик!.. Дед Мороз, Геннадий, ты жив?.. Толик, отдай посох, ты можешь им задеть Деда Мороза еще раз. Куда ты, Толик? В садик еще рано, еще ночь. Мать, иди лови Толика!

Ты не ласков со мной

- Здравствуй, жена. Меня потеряли?
- Не очень.
- А ты меня ожидала?
- Не очень.
- Все-таки хорошо дома, но непонятно. Непонятно, над чем работать, с чем бороться.
- Тебе бы только с чем-то бороться. Превращаешь семью в производственное подразделение.
- Катя, не ругайся. Я — с собрания. Нам там все объяснили.
- Я не ругаюсь. Это сосед поет.
- Пусть поет. Сейчас не это главное. Главное, поднять семейную дисциплину. Не должна она отставать от

производственной. Кстати, ты мое возвращение домой отметила?

— Где?

— В книге приходов-уходов из дома — домой.

— Нет еще.

— Обязательно отметь. Кстати, ты сама во сколько пришла?

— В шесть.

— А отметила в книге?

— Отметила.

— Дай проверю. Почему ты поставила в семь?

— Ну, какая разница?

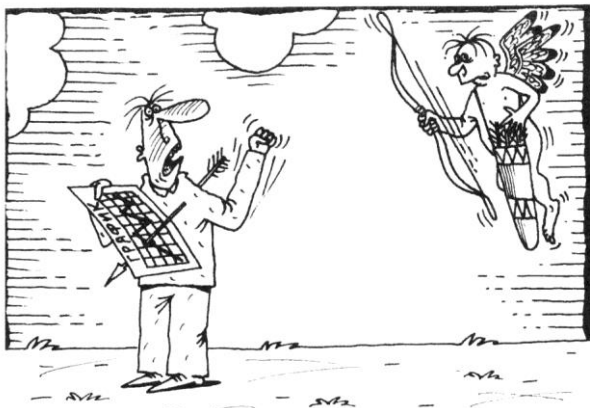
— Катя, ты недопонимаешь. Это очень важно. Как же иначе я буду тебя контролировать? Как мы будем улучшать семейные отношения? Значит, ставим — в шесть. А сейчас восемь. Какую работу ты провела за 2 часа?

— Приготовила ужин.

— Катя, ты молодец. Дай чистую бумагу и карандаш, я выпишу тебе благодарность. Кстати, где твоя вчерашняя благодарность?

— Я ее потеряла.

— Это нехорошо... Ну, ладно, выпишу тебе дубликат. Вот тебе благодарность, и получи поощрение в виде

поцелуя. Дай чмокну. Это первый поцелуй, запланированный на вечер.

— Пантелей, ты не ласков со мной.

— Ты обижаешь меня, Катя. Вчера я израсходовал на тебя четыре ласки. У меня вот тут зафиксировано. Вот тут, в папке. Видишь? Четыре ласки. Это на две ласки больше, чем за тот же период прошлого года.

— Я не хочу запланированные ласки. Я хочу порывы.

— Ты что, Катя?! Какие порывы? Кто тебя научил? Из-за этих порывов гибнут целые семьи. Где у нас план работы на сегодняшний вечер?.. Который мы вчера утвердили. Так, вот он. Пункт первый: приход с работы — есть, поцелуй — есть. Да, я должен объявить тебе выговор.

— За что?

— Анонимка на тебя получена. Мной.

— А что в анонимке?

— Могу зачитать. Сейчас, из папки достану... Слушай.

«На протяжении трех лет я имею честь работать с вашей женой в одном учреждении. Все это время я наблюдаю за ее поведением и замечая в нем отрицательные моменты. Мной отмечены факты злоупотребления вашей женой своей фигурой, лицом, голосом и, что самое опасное,— своими ножками. Она ходит, улыбается, говорит, и это беспокоит и тревожит мужскую половину. Примите меры. Старший доброжелатель управления».

— Значит, будет скандал?

— Или два, но завтра.

— Из-за того, что у меня есть лицо, руки, ноги?

— Нет, это мелочи, хотя действительно, они у тебя есть. Просто назавтра у нас запланирован скандал. Рядовой, текущий скандал без рукоприкладства. Мы не будем ругаться из-за мелочей, а поскандалим о чем-нибудь большом и хорошем.

— Например, о том, что ты не помогаешь мне физически.

— Давай внесем в план, буду помогать.

— Иди постирай.

— Это умственно. Физически — наколоть дров, принести воды.

— У нас квартира со всеми удобствами.

— Значит, физически тебе помогает государство.

— Нет, мама была права. Она говорила, что заводить и держать мужа — это не каждой по силам.

— А как же? Даже корове и то надо настроение создать, чтобы она молока больше давала.

— А от тебя какое молоко? Для чего я тебя держу?

— Бескорыстно, да?

— Безвозмездно, да! Даже если тебя сдать, за тебя талон на книгу не дадут.

— Катя, мне плохо. Назревает незапланированный скандал. Срывается завтрашнее мероприятие. Дай мне воды из-под крана.

— А из-под чайника не хочешь?

— Давай из-под чайника.

— Сам сходи на кухню.

— Катя, я схожу, но ты нарушаешь дисциплину. Ты хотела затеять сегодня завтрашний скандал... А сегодня? Ты же не выполнила важное мероприятие, не провела беседу с котом Васькой на воспитательную тему. Где он? Он опять ушел на двор и шляется по подъездам. Его воспитывает улица. Что из него будет? Ведь ему еще нет двух лет, а он уже не ночует дома. Ты думала об этом? Вот чем чревато невыполнение намеченного плана.

— Мне надоела такая семейная жизнь. Планируй на работе, а дома — не смей. Я уйду от тебя.

— Нет, Катя, не уходи. Мы больше не будем планировать. Я обещаю тебе. Только как же укреплять семью? Ну, ладно, дай я тебя поцелую. Подожди, галочку поставлю. Так, есть второй поцелуй. Успокойся, Катя, я не буду планировать, мы будем жить хорошо. Сегодня такой чудесный вечер... И впереди у нас еще целый поцелуй. По плану.

В Москву! В столицу!

— Тамара, царица моя, я к тебе приехал, вот он я, муж твой законный, вернулся. Почему ты не рада? (Прислушивается к шагам на кухне.) Тамара, кто это чеканит шаг на кухне в моих тапочках?

— Это мой муж.

— Как тебе не стыдно при живом муже выходить замуж?

— Какой ты мне муж, если мы с тобой развелись?

— Мы же фиктивно развелись, Тамара. Чтобы я фиктивно женился и прописался у нее. Чтобы в Москве. И чтобы потом разменялся жилплощадью, развелся с ней, снова женился на тебе и прописал вас с дочерью. Чтобы в Москве, Тамара. А не в Томской области Красноярского края.

— Но ты же со мной развелся?

— Фиктивно — да.

— И на ней женился?

— Фиктивно — да.

— И у нее прописался в Москве?

— Фиктивно — да.

— И сын у вас родился?

— Фиктивно — да. То есть нет, он просто родился. Случайно. Но это ничего. Не значит. Ведь я уже с ней развелся. Теперь нам надо пожениться с тобой.

— А куда я дену мужа?

— Какого мужа?

— Который на кухне в твоих тапочках.

— Разведись с ним, Тамара. Он нам не муж. Он, подлец, воспользовался ситуацией, пока я пробивался в Москву.

— А куда я дену сына?

— У нас нет сына, Тамара, у нас дочь. А сын у меня в Москве. Появился. Случайно.

— Да, у нас с тобой дочь, а у нас с ним — сын.

— С кем с ним?

— Который на кухне.

— И у тебя сын появился?

— И у меня сын появился.

— И у меня сын. Появился. Случайно. Значит, у нас с тобой появилось по сыну. Во время фиктивного развода. Но теперь, Тамара, объясни ты этому на кухне, что развод у нас с тобой фиктивный. Мы состоим в браке. Фактически. А ваш брак с ним недействительный. Он фиктивный. У вас не имел права появляться сын. Это противозаконно.

— Ты сам этого хотел.

— Я хотел в Москву, а этого не хотел. Я жертва.

— Тебе придется платить алименты на дочь. Я уже подала заявление.

— Ты вторая, Тамара. Первой подала та, фиктивная. Значит, у меня всего будет два алимента. И еще мне негде жить.

— Но ты же хотел разменять ту квартиру.

— Та квартира тоже фиктивная, ее нельзя менять. Пропали денежки. Нас обманули, Тамара, это жулики, проходимцы. Мы больше не москвичи, Тамара.

— Это ты не москвич, а я москвичка. Мы уезжаем завтра с мужем домой, в столицу.

— С каким? Что на кухне?

— Да. У нас там квартира забронирована. Он приезжал к нам в леспромхоз героически трудиться. О нем писали газеты. Оставил столицу и приехал в глушь. Вот так. И вообще, я советую лично вам идти в общежитие

леспромхоза, пока комендант еще там. До свидания, товарищ. (Уходит.)

— Так вот кто, оказывается, герой. Ее муж. Уехал из Москвы в тайгу. Ловко. Там выписался, тут прописался, квартиру не забыл забронировать. В газете о нем писали. Я согласен, пусть он герой. А о нас, безымянных героях, кто напишет? В тайгу-то легче попасть, чем в столицу. Сколько нас в Москву рвалось не прорвалось. И сколько рвется не прорвется. О нас надо писать, об истинных героях. Об отчаянных и смелых, безумных и храбрых, о тех, кто рвется в Москву.

Хоть разорвись!

Завидую я мужчинам. Ну что ему? Все просто.

Я с прической полчаса вожусь у зеркала, а он пыль тряпочкой стер с лысины и — на работу. Как домой приходит, так кричит с порога:

— Жрать!

Я говорю:

— А интеллигентней нельзя?

Он говорит:

— Можно. Дорогая, во мне каждая клеточка поет — жра-а-ть!

После еды говорит:

— Дай пепельницу!

А в это время дочь кричит — где сапог, а сын — где валенок. Хоть разорвись! И вот несу я им: в одной руке сапог, в другой валенок, а на голове — пепельница.

Он говорит:

— Плохо, что ты раздвояться не умеешь. Так неудобно — ждать приходится.

И вот однажды утром чувствую я: что-то со мной

не то. С одной стороны, вроде бы я еще лежу, досыпаю, а с другой — вроде бы уже пошла на кухню. На следующий день те же ощущения: первая Я делаю уборку в квартире, а вторая Я лежу читаю журнал.

Приходит муж с работы, с запашком, не без этого, а мы обе ему открываем. Он смотрит на нас и говорит:

— Маша, тебя — двое.

Головой помотал, рукой помахал у глаз и сказал:

— А ну вас.

И — на диван.

Ну, а я себе другой отдельную комнату выделила. В самом деле, не выбрасывать же себя на улицу. Постелила себе там на диване, читаю, музыку слушаю. А Я первая на свое место легла. И заснула как убитая.

Утром он проснулся и осторожно так спрашивает:

— А где ты другая?

Я отвечаю ему:

— Она в парикмахерскую пошла.

Он вскочил, умылся, оделся, позавтракал, и тут приходит Я другая. С прической, все как положено. Проходит на кухню и начинает не спеша пить кофе и газету читать. А Я первая — на работу.

Вечером он приходит как стеклышко и спрашивает настороженно:

— А где ты другая?

Я в халате на кухне управляюсь и отвечаю:

— Она в ванной моется и маску на лицо накладывает.

Он притих со мной на кухне. А Я другая привела себя в порядок и ушла из дома.

Он меня спрашивает:

— Маша, а куда это ты пошла?

Я говорю:

— Сейчас в ванную пойду, стирать.

— Нет, не ты, а ты другая.

— А другая Я пошла в театр.

Вечером он опять интересуется:

— Маша, а вот ты за себя другую что-нибудь чувствуешь?

— Конечно, чувствую. Это же я, только другая.

— Как — чувствуешь?! И чего ты там сейчас делаешь?

— Стою в курительной комнате и обсуждаю первое действие.

— Но ты же не куришь!

— Я не курю, а Я другая — курит.

— И с кем вы там обсуждаете?

— А с каким-то брюнетом. Мы еще не познакомились.

— Маша, только ты не делай глупости.

— Ну, какие глупости, я же с тобой рядом, вот она.

Он дождался, когда Я другая пришла из театра и уснул.

Утром вскакивает и опять спрашивает:

— Маша, а где ты другая?

Я говорю:

— Она к массажисту пошла.

— Зачем?

— На массаж.

— И что он тебе массирует?

— Мышцы. Чтоб моложе выглядеть. На ощупь.

Он помолчал и говорит:

— Маша, но ведь ты же там, наверное, совершенно раздетая.

— Конечно, а как же.

Он засуетился:

— Как же ты посмела перед посторонним мужчиной...

Я говорю:

— Успокойся, массажист — женщина.

Вот так пару дней он жил в жуткой тревоге. А я — наоборот. Совмещаю приятное с полезным. Я лежу, и Я стираю. И что характерно — по хозяйству шурую так здорово, ну все успеваю.

И вот сегодня вечером тот брюнет из театра пригласил меня в ресторан. Я первая — на кухню, а Я другая — в ресторан с брюнетом.

Муж приходит и опять:

— А где ты другая?

Я отвечаю:

— Сегодня она пошла в ресторан.

— Но ты же не пьешь, Маша!

— Я не пью. А Я другая — пьет. И вообще.

— Что — вообще? Неужели она еще и... танцует?

— Да, весь вечер танцует. А сейчас они к нему домой собираются.

— Маша! Не делай этого. Не надо к нему,— Тут он побледнел и закричал: — Все! Все! Собирайся, едем к нему вместе.

Приехали мы к этому брюнету, на квартиру. Муж схватил меня первую и меня другую за руки, встал на колени и сказал:

— Маши! Я люблю тебя обеих! Хозяйство — пополам.

И Я другая исчезла.

Потом тот брюнет звонил несколько раз, но я отвечала ему:

— Меня нет дома.

Наш Федя

Здравствуй, милая соперница Зина. Ты верно подметила, что мой муж Федя стал твоим мужем Федей. И ты называешь его «наш Федя». И возможно, ты права, что наш Федя — это наша забота. И хотя он сейчас больше твой, чем мой, я согласна, будем заботиться о нем вместе.

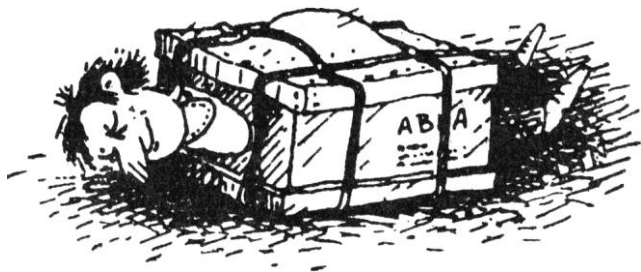
Ты спрашиваешь, что у нас можно купить для Феде. Отвечу: а что у вас можно купить для Феде? Ты спрашиваешь, как я вообще живу без Феде. Отвечу: а как ты вообще живешь с Федей? Ты спрашиваешь, как мое здоровье без Феде. Спасибо, сейчас лучше.

Ты спрашиваешь, можно ли водить Феде в театр. И если можно, то куда: в театр или в зоопарк? Отвечу: а в чем его водить в театр? Ведь не ответив на этот вопрос, в театр Феде не поведешь в трико.

Конечно, в зоопарк Феде можно водить в чем угодно. Но когда его туда водить? У кого есть Федя, у того нет времени. Ведь ты же правильно спрашиваешь, много ли было у меня забот с Федей. Напиши, много ли их у тебя. И если много, то сколько?

Ты спрашиваешь, что говорил Федя про свое образование? Он говорил: свое образование забыть не позабудь.

Он свое образование не позабыл... забыть. Ведь оно ему ни разу не понадобилось. Ты спрашиваешь, тогда

зачем ему диплом? Отвечу: он ему нужен. Диплом у него хороший, новенький. Он им почти не пользовался.

Ты спрашиваешь, почему Федя так много ест. Потому что он не работает.

Ты спрашиваешь, почему он не работает. Потому что работаешь ты. Он говорит, из двух человек должен же работать хотя бы один, в конце концов.

Ты спрашиваешь, почему Федя такой беспокойный. Значит, ему чего-то не хватает. Или чего-то перебрал. Или что-то беспокоит с утра. Федя вообще человек необыкновенный. Ведь обыкновенные — они трезвые.

Ты спрашиваешь, любит ли Федя ночевать дома. И если любит, то когда начнет. Отвечу: ночевать будет... после медового месяца.

Ты спрашиваешь, не могу ли я забрать Федю обратно. Отвечу: а не можешь ли ты оставить его у себя? Я так соскучилась, чтобы Феде не было дома.

Я рада, Зина, что тебе с Федей так необычно. Но уж если будет необычно до предела, то, я согласна, выслай Федю обратно. Лучше по почте. Авось где-нибудь затеряется.

Малышок

Как быстро растут дети! Еще вчера этому малышке был месяц, а сегодня ему месяц и один день. А что будет завтра?

Малыш в первый раз вдохнул воздух Земли. Медсестра подносит ему по инструкции кислород, подлинный кислород. Но ребенок отталкивает маску ручонкой, ему не надо подлинного кислорода, он хочет обычный воздух. Малыш уже свободолюбив. У него даже есть свое мнение, оно называется «рефлекс». Ребенок крутит головой — это поисковый рефлекс. Он — надолго. Ведь

место в жизни придется искать всю жизнь. А вот малыш уже причмокивает. Сосательный рефлекс ему понадобится до первой общепитовской котлеты. Дальше он будет пользоваться им по обстоятельствам.

Малышок поел и спит. Надо смотреть за ним, а то его обидит муха. Потом он проснулся и ест, потом поел и спит, проснулся и сказал:

— Я скоро женюсь, мама.

— Спи, спи. Ты еще маленький, тебе приснилось.

И он снова засыпает.

Он уже реагирует на бутылочку с молочком. Начинает беспорядочно дергать ручками и ножками, прерывисто дышать. Но стоит ему только поймать соску — тут же замирает, ручки и ножки остаются в неестественном положении, а потом медленно опускаются. В бутылочку идут пузыри, а в ползунки — предыдущая бутылочка. Блуждающие глазки медленно прикрываются, и он засыпает. Потом просыпается и ест, наедается и спит, просыпается и говорит:

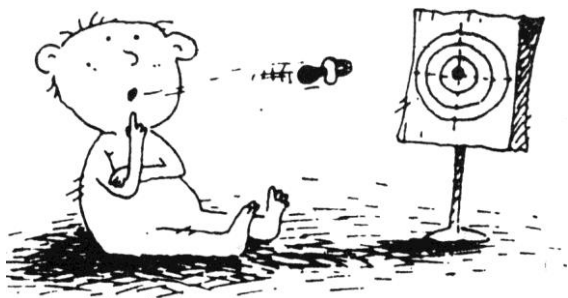
— Я развожусь, мама.

— Спи, спи, ты еще маленький, это приснилось.

Папа смотрит на него, вытянув шею, и шепчет:

— Ты посмотри, он весь в меня. На головке — залысинки, шеи нет, ножки коротенькие и кривенькие. Какая удачная копия!

— И кричит, как ты, когда тебе чего-то не хватает,— добавляет мама.

Папа думает: неужели малышу так же плохо, когда чего-то не хватает?

— Он уже все понимает,— продолжает папа.

— Совсем как ты,— говорит мама.

Но папа великодушно прощает маме все шутки. За сына он простил ей и самые тяжкие грехи: она сейчас официально не моет пол и посуду.

Мама уходит, а папа, как мадонна, смотрит на своего младенца. Папа мечтает, улыбается и хмурится. Он думает, что самое ответственное его творение — сын. Хотя и старшая дочь — творение не шуточное. Дочь — украшение, а сын — надежда. Без того и другого не проживешь...

Ребенок еще совсем мал, но уже работает по графику, как на заводе. Кормление и сон — строго по часам.

Малышок спит, но может проснуться и закричать. У него может заболеть животик. А у папы болит сердце. Оно болит за сына, за других, пусть посторонних, детишек и даже за взрослых, но не за всех. А у малыша не может еще болеть сердце за других, но может болеть животик за себя.

Сынишка в самом деле проснулся и закричал. Ему что-то не нравится, и он публично и откровенно высказывается. Если бы взрослые так же умели, то дети не знали бы, что такое молоко, которое не умеет давать сметану. Единственный недостаток в громком крике малыша — неопределенность. Неизвестно, чем конкретно он недоволен. Папе приходится применять метод проб и ошибок. Он перепеленал сына, накормил, напоил, дал соску. Потом покачал, поговорил, спел, сплясал, сыграл на баяне, сам покричал и поплакал, но ничего не помогло. Лишь когда отец замолчал и сел устало на стул, малышок уснул.

Он спал и ел, а потом пошел в садик. А потом — в школу, в институт, на работу и снова — в садик. Потому что повел туда своего сына. И этот, маленький, он тоже пройдет по всему кругу и обязательно расскажет эту историю. Но уже по-другому.

День рождения

Рассказ ребенка

У кого день рождения, тот и главный. Я вчера самый главный был. Главнее папы. И даже главнее мамы.

Я, когда проснулся, мама уже напекла пирогов и тортов. Папа у меня спросил:

— Ну кого будем приглашать на твой день рождения?

Я ему сразу сказал, никого. Папа удивился:

— Что, и Сашу не будем?

— Сашу не будем. Он ест быстрее меня.

— А Гришу?

— А Гриша сильнее меня. Он будет играть моими игрушками. А я буду расстраиваться.

Папа посмотрел на меня и ушел на кухню к маме.

Мама вышла и сказала:

— Ну, тогда давай пригласим Даню.

Это подружка моей сестры. Я сказал:

— Не надо Даню. Она подружка Олеси, и они будут играть друг с другом, а со мной не будут.

Тут в дверь позвонили, и я побежал открывать. А пока открывал, так и знал, что опять не повезет. Пришла Даня. Я ее выталкивал, выталкивал с дня рождения, но не мог вытолкать, поэтому она прорвалась на мой день рождения. Тут папа сказал:

— Как тебе не стыдно. Даня к нам в гости пришла, а ты ее не пускаешь.

А я ответил:

— А чего я ее буду пускать, если она без подарка пришла?

Даня сбегала домой и принесла подарок — книгу. Пришлось ее пустить.

Даня с Олесей стали читать эту книгу вслух, по очереди. Такая смешная книга, я так смеялся, что даже подумал, хорошо, что Даня пришла. А потом папа подарил мне машинку на батарейках и велосипедик, а мама — ботиночки и мячик. Я сначала машинкой играл. Только через пять минут батарейки кончились. Папа сказал, сели. А в магазине их нет. Тогда я сел на велосипедик и проехал круг по комнате. Но у велосипедика руль заклинило. Папа сказал, что купили не велосипедик, а гарантию к нему. Тогда я надел новые ботиночки и пнул по мячику. Ботиночки сразу треснули, а мячик лопнул. Мне стало обидно, и я заревел. Так сильно, что Олеся с Даней ушли на улицу. Но тут вбежала мама и сказала, давайте кушать торт. А я сказал, не буду кушать торт, потому что он сейчас взорвется. Но мама сказала, что торт не покупной, а она сама его делала. Тогда я попробовал. Такой вкусный торт, что хотелось быстрее под одеяло и съесть. Но под одеяло не надо было, ведь никого не было. Я так объелся тортом, что сразу стало скучно. Тогда я сбегал и пригласил Гришу с Сашей, они в нашем подъезде живут. И когда они ели торт, я так радовался, так радовался, что даже смеялся.

А когда и они объелись тортом, мы втроем начали беситься. А папа с мамой нас даже не останавливали.

Потому что у кого день рождения, тот и главный. Мы так набесились, что чуть не уснули на полу в моей комнате. Но уснуть не успели, потому что Сашу и Гришу забрали их мамы.

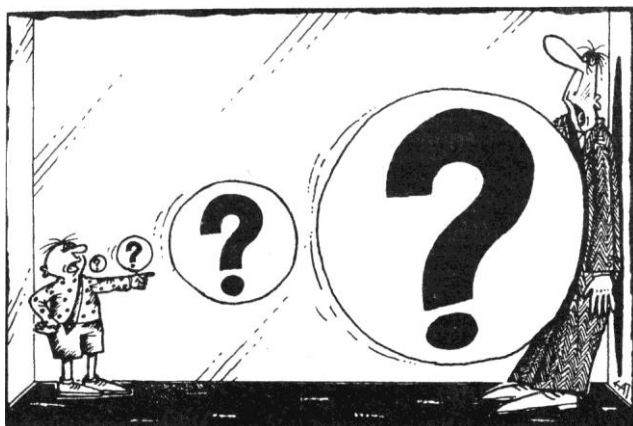
Когда я засыпал, а мама рассказывала мне сказку, я подумал, оказывается, когда есть друзья, тогда и без игрушек может быть весело.

Начинающий сатирик

Мы ехали с Толиком на поезде к бабушке. Толик сидел на моих коленях и внимательно осматривал попутчиков. На противоположном сиденье плотно друг к другу уместились четыре пассажира. Толик долго смотрел на пожилую даму с максимальным слоем косметики на лице и вдруг громко спросил:

— Почему тетенька такая старенькая?

Женщина от неожиданности подпрыгнула и вскрикнула.

Мне пришлось извиниться перед ней, а Толику я сказал:

— Ты лучше в окно смотри, там очень интересно.

Толик даже не взглянул в окно, а перевел взгляд на пожилого военного, оглядел его с ног до головы и спросил:

— Папа, это солдат?

— Офицер,— ответил я.

Толик уточнил:

— А это наш солдат, не вражеский?

— Наш,— ответил я.

— Почему у него звездочка на погоне такая маленькая?

Все посмотрели на одинокую звездочку на погоне немолодого военного, и он неестественно улыбнулся.

Я сказал Толику:

— Посмотри в окно, там лошадка пасется.

Толик взглянул и сразу обнаружил в ней изъян:

— Это плохая лошадка. Она тощая, и ножки у нее связаны.

И он вновь стал внимательно рассматривать пассажиров, вернее, пассажирку — крупную женщину атлетического телосложения. Она попыталась по-свойски улыбнуться Толику, но улыбку, как ветер, сдул очередной вопрос:

— Почему тетя такая здоровенная?

Все посмотрели на тетю, и она покраснела и съежилась так, что даже уменьшилась в размерах.

Я опять постарался отвлечь Толика:

— Посмотри, вон коровка пасется. Видишь, бабушка ее пасет.

Толик посмотрел и сразу зафиксировал недостатки:

— Коровка почему-то без рогов, а бабушка хромает.

Он вернулся к изучению большой тети и сказал:

— А я знаю, почему тетя такая здоровенная. Она кашу ела и переела.

На эти слова хихикнул сосед большой тети — маленький дядя с портфелем. Этим он привлек внимание Толика, который вонзил в него свой немигающий взгляд. Дядя поерзал под взглядом, расправил плечи и вытянул шею. Но все равно он оставался на полголовы ниже своей крупной соседки. Тогда дядя незаметно переложил портфель с коленей под себя, чтобы показаться выше.

Толик спросил:

— А почему дядя сумку под попку подложил?

Все посмотрели на дядю, и тот быстро переложил портфель обратно на колени.

Я делал отчаянные попытки отвлечь Толика:

— Смотри, смотри, вон машинка едет.

Толик посмотрел и сказал:

— Это плохая машинка, у нее фара разбита.

Он снова сосредоточился на дяде с портфелем и наконец спросил:

— А почему дядя такой маленький?

И тут же сам ответил:

— Я знаю, почему. Он в садике кашу не кушал, а складывал в кармашки.

Тут громко захохотал мой сосед с неестественно красным носом.

Толик моментально развернулся и принялся изучать его физиономию. Сосед сделал глупое лицо и панибратски показал Толику козу. Видя, что эта уловка не помогла и Толик продолжает исследовать его нос, сосед оттопырил свои уши и хрюкнул. У Толика на лице не дрогнул ни один мускул. Тогда дядя как можно дружественнее сказал, заигрывая пальчиком:

— У-тю-тю-тю, какой хороший мальчик! Как тебя зовут?

Толик ответил очень серьезно:

— Дядя, почему у тебя нос такой красный?

На этот раз засмеялся сосед красноносого дяди — пассажир с обаятельной лысиной во всю голову. Толик быстро соскочил с моих колен и подошел к нему вплотную, лицом к лицу. Он прищурился и начал осматри-

вать голову пассажира со всех сторон. Лысый сосед по-серьезнел и сказал, заикаясь:

— Мальчик, мальчик, ты чего? Беги, гуляй.

Он суетливо нашарил на сиденье шляпу, натянул на голову и затих под немигающим взглядом Толика.

Все остальные замерли в предвкушении очередного вопроса Толика.

Но человек в шляпе, пытаясь уйти от вопроса, сказал:

— Пожалуй, пойду в коридор, проветрюсь.

Большая тетя остановила его решительным жестом:

— Не стоит. Лучше мы здесь окно откроем.

И она открыла окно.

Толик стоял и смотрел в упор на человека в шляпе. Тот не выдержал взгляда и опять сказал:

— Все-таки я пойду выйду.

На это большая тетя категорически возразила:

— Нет уж. Посидите, пожалуйста. Вы тут один неопрошенным остались. Пусть мальчик узнает, почему, например, вы надели шляпу.

— А я знаю! — весело крикнул Толик, — Дядя надел шляпу, чтобы у него вторая попка не замерзла!

Я поднялся и сказал:

— Хватит, Толик, пошли в коридор.

Через пять минут из купе выглянула большая тетя и сказала:

— Мы тут посоветовались и решили пригласить вас обратно. Нам уже терять нечего.

Мы вернулись в купе. Как только Толик устроился у меня на коленях, он громко объявил:

— А вчера наша мама нашла в холодильнике деньги. Их папа туда спрятал.

Я понял, что вся наша личная жизнь сейчас выплывет наружу, поэтому дернулся к выходу.

Но меня не отпустили.

Как жить, скажите?!

Вот я и в детском садике. Правда, зачислили меня лишь в среднюю группу, хотя могли бы и в старшую. Это недоработка отца. Ведь мог же он как-то договориться с заведующей, что-то пообещать, в конце концов подключить моего дядю — его брата. Так нет, говорит, куда взяли — туда взяли. Теперь мне приходится играть с мелкотней. Они меня на пять месяцев младше. Разве поговоришь с кем-нибудь из них по душам, о главном, что тревожит ум и сердце. У меня-то проблем больше, чем у взрослых. Им что? Катятся себе по накатанной тропинке к пенсии. А мне до пенсии как до луны. Вот и думаешь: как жить дальше?

Вчера принес отцу записку от воспитательницы Наташи (за глаза мы ее Натали зовем). В записке написано: «Уважаемый Егор Гордеевич! Убедительно просим достать для освежающего ремонта сада 100 кг краски».

Я это свободно прочитал, хотя мне пять лег. Читаю я с трех, хотя пишу с двух.

Отец на обратной стороне записки написал: «Уважаемая Наталья Петровна! Приношу глубокие извинения, но без фондов выделить не могу». Скажите, как мне с такой бумагой в сад идти? Позор на мою лохматую голову! Весь сад смеяться будет, включая нянечек. А пуще всех, конечно, Ленка из нашей группы. Ее отец такую

мебель для сада достал! Сплошь импорт. Я свой стульчик молотком ломал — не изломал. Потом в углу стоял. За сломанный молоток. Ну какой же я соискатель на дамское сердце буду после такого позора с отцом?

А Ленка эта, ох, сложная натура, хотя и не поэтическая. Просто сложная. Играет во все наши мужские игры. То ей легковой автомобиль подавай, то милиционером представится и задерживает всех мальчиков за хулиганство, то говорит, что, мол, директор она и кричит: «Всех уволю!» В дом начнем с ней играть, она меня к плите ставит, а сама на работу уходит. Приходит с работы навеселе и гонит меня в магазин. Получку приносит хорошую, но отдает не все. А когда к нам гости в дом приходят и мы начинаем играть в застолье, тут она вообще на высоте. Когда все гости под стол свалятся, Ленка крикнет, песню споет и только потом спать ложится. Нравится она мне такая. Что-то дьявольски привлекательное в ней есть.

Однако с таким отцом, как у меня, она вряд ли оставит свой выбор на мне. Я ведь себя ребенком второго сорта чувствую. Отец все может достать, все может выписать, по — ни в какую. Только по фондам.

И вот решил я с ним беседу провести. Повоспитывать слегка. Пригласил отца к себе в детскую и говорю:

— Какой же от тебя толк, если все от фондов зависит? Я не знаю, кто такие фонды, но я знаю, что ты и без них все можешь. А не хочешь.

— Фонды — это не люди, а лимиты государственных, — серьезно отвечает отец.

— А если не люди, то зачем на них внимание обращать? Ты посмотри, батя, вокруг. Взять хотя бы нашу среднюю группу. Светка вообще недоросль, ее место за пределами нашего садика, однако она в средней группе. Уважаемый человек. Ее Натали боится. Почему? Потому что она на «Волге» с отцом в садик приезжает. А Зинку даже воспитатели из других групп любят и лелеют. Потому что мама ее — магазинная фея. Что хочешь достанет. У Вероники старший брат на мясокомбинате кого-то забивает. Гений! Через проходную не только язык говяжий, а всю корову под уздцы может вывести.

Отец отвечает:

— Понимаешь, Данилка (чувствуете, имя? Не Льюис, не Гарри, а Данилка), ты же самостоятельный человек. Тебе пять лет, а значит, ты должен знать, что человека в обществе ценят не за заслуги отца, а за его собственные. Развивай в себе ум, доброту, честность, и будешь уважаемым человеком в своей средней группе, а может быть, и во всем садике.

— Да что ты, батя? Пока я с умом да честностью буду носиться, те же Зинка, Светка и Вероника карьеру сделают, спецшколы позаканчивают и устроятся в магазины да столовые. А я бумажки буду в конторе перебирать. Нет, отец, не тому ты меня учишь.

Отец посмотрел внимательно, снял ремень и аккуратно меня высек. Я бы сказал — чисто символически. Но я все-таки сильно возмутился.

— А еще доброте меня учишь!

— Вот я и учу тебя доброте.

— А сегодня День защиты детей!

— Вот я и защищаю тебя от пакостных мыслей.

Когда отец закончил, я надел штаны и пожал ему руку. Крепко, по-мужски.

— Спасибо, батя, я все понял. Все-таки не зря я с тобой провел беседу.

Верю!

Верю! Верю! Верю!

Я, как родился, сразу во все поверил. В акушерку поверил, в медицину, в светлое будущее, в соску. Правда, потом мама сказала, в соску зря поверил. Туго было с сосками. Пальчик сосал. Но в соску верил!

Потом в садик пошел — в воспитательницу сразу поверил. Стихи учил: «за солнце, воздух и за зной спасибо партии родной!»

Правда, не знал, кто он такой есть — «партии родной», но верил. В школе в октябратское движение свято поверил. Твердо знал, что без нас, без тимуровцев, все пропадет. И колот дрова какому-то тунеядцу. И воду ему носил колодезную. Он опохмелялся и говорил:

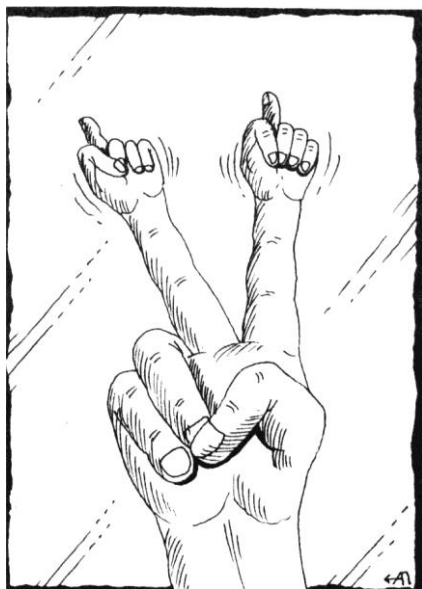
— Спасибо, тимуровец. Хорошая смена растет.

В общественные науки сразу поверил. Фуфайка на мне была с чужого плеча, шапка — с чужого уха, но знал, что там за границей когда-нибудь все образуется. Их политику кнута и пряника разоблачал. Помню, тогда как раз у нас пряники исчезли.

На уроках бойко отвечал: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». И знал, что электрификация у нас уже везде есть! И дело — за немногим.

В снижение преступности, как в Бога, верил. Хотя знал, что Бога нет. Хулиганам объяснял, что их у нас нет. Они обидятся, помнут меня слегка и спрашивают:

— А теперь что скажешь?

— Вас у нас нет!

В школу — верил! Учительнице верил. Она сказала нам: «Сопляки!» И мы поверили. Да, мы — сопляки, а она — человек!

А когда сын у меня родился, сразу в него поверил. Сразу сказал, вот он и будет жить при светлом будущем. И дал ему соску. А он как закричит! Как заревет! И по глазам вижу — не верит. В святое не верит — в соску-пустышку. Выплевывает. Не в меня пацан.

Ладно. Повел его в садик. Он на садик смотрит угрюмо и молчит.

Я ему давай объяснять. Садик — это такая мощная организация. Видишь — все покушали. Видишь — все песенку спели. Видишь — все сходили по-маленькому.

Он говорит угрюмо: «А я не хочу».

Я говорю, как это ты не хочешь, всех хотят и ты должен.

Он говорит:

— Не хочу, как все. Я по-большому хочу.

Ладно, уговорили его ходить в садик. Морщится, но ходит. Тут праздники наступили. Приходит из садика, говорит:

— Все должны принести по два флажка и по три шарика.

Я по магазинам заметался. Туда-сюда. Нет флажков и нет шариков. Ну, с шариком — ясно, надувательский товар, расхватали. А флажков-то почему нет? Что делать? Ведь сынишка такой недоверчивый растет. И ведь, не поверил в праздник. Молодежинка такая мелкая, а подай ему флажки и шарики.

Потом привел его в школу. Первый раз в первый класс. Линейка. Директор торжественно говорит в микрофон:

— Ребята! В школе вы научитесь всему. И когда вырастете, будете делать, к примеру, вот такие... самолеты...

И показал на самолет над лесом. Самолет упал.

— ...Или вот такие дома...

Дом рухнул. Сразу скажу, там все обошлось. Жертв и разрушений не было.

Директор продолжает в микрофон:

— ...или вот такие...

Думает, на что бы еще показать. А рядом электростанция работает. Учителя в гурты жмутся. Родители детей под подол прячут. Директор сам дрожит, но показывает:

— ...вот такие... вот такие... вот такие... микрофоны.

Микрофон опухать начал. Уф, уф, уф. Тишина стояла жуткая. И тут военрук закричал:

— Ложись!

Вся линейка залегла. Ждем, когда рванет, окапываемся.

Тут в микрофоне что-то щелкнуло, и он опал. Осечка. Пронесло. Директор поднялся с земли и в голый воздух крикнул:

— Поднять флаг школы!

И его подняли. Сантиметра на четыре. Дальше не шло. Заело.

Смотрю сыну в глаза — сомневается в чем-то, чертенок.

Ладно, думаю. Вот станет октябренок — развежится.

Приняли его в октябрюта. Приходит. И с порога:

— Не верю!

Ревет, слезами утирается.

— Не приняли, что ли? — спрашиваю,— Приняли. А звездочку не дали.

Говорю, да это я виноват. Не было их в продаже, звездочек. Не реви. Пойми, где же на всех звездочек напасешься, когда такое большое поголовье октябрюта. Говорю, когда я вступал, мы вообще сами звездочки делали. Из картона. Материей обшивали. Таких звездочек понаделали, что у большинства — четырехугольные.

Но ведь верили!

Дадут тебе звездочку. Позже.

Вижу — не верит.

Ладно. Позвали врача. Лечить надо ребенка. Врач заходит и с порога ставит диагноз:

— ОРЗ!

Мой пацан как закричит:

— Не верю!

Врач осекся и говорит:

— В этом случае я бессилён. Требуется хирургическое вмешательство.

И вот сейчас я не знаю. Или ребенка лечить под действительность. Или действительность — под ребенка.

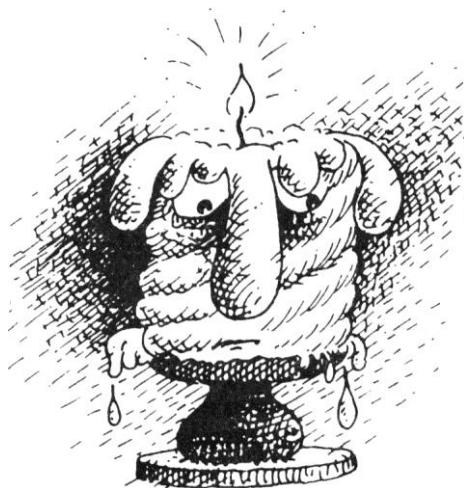
Просветление

Ты помнишь, как после нашей маленькой ссоры погас свет? Во всем микрорайоне. Там на линии троллейбус взял на себя все электричество, сорвался с проводов и укатился по инерции в дачный поселок. Вот такой свободолюбивый троллейбус попался. И с людьми такое бывает. Мне так потом объяснили по телефону из горсвета. Света из горсвета.

А я как раз ложку с супом ко рту подносил. А он — бац! И погас. Я задумался: или дальше ложку нести, или обратно в тарелку выливать? Решил, что вообще-то для меня это мелочи. Ну, подумаешь, или мимо рта пронесу, или вылью мимо тарелки. А остальным-то каково? Сколько людей в лифтах ехали по всему микрорайону. Незнакомые люди ехали, глаза друг от друга отводили, не знали, чем себя занять до 16-го этажа. И тут — бац — кабина остановилась между этажами, свет погас. Что делать? Хочешь не хочешь, а придется знакомиться. И телевизоры у всех отключились на самом интересном месте. Как раз говорили, что надо перестраиваться, а как — неизвестно, телевизоры отключились. В холодильниках куры начали подтаивать — лить воду на колбасу. Люди в своих квартирах в жмурки играют — ищут спички, свечи или керосин. А если нет керосина? Не будешь же лучины из финской мебели делать?

И тут ты закричала из ванной. Стиральная машина перестала крутить головы моим рубашкам. И хотя мы в ссоре, а на помощь ты меня позвала. А ссора вышла по пустяку. Ну, налил я себе суп в хорошую тарелку для гостей. Что делать, если они у нас обе хорошие? Ну, поцепляли друг друга словами. Ну, ты и разлилась слегка. И пошла со злости стирать в ванную. Ты всегда со злости или стираешь, или посуду моешь. Как бы в укор мне. Демонстрируешь, как ты по хозяйству загружена.

Нашел я четыре обгоревшие свечки — остались от дня рождения внука. Четыре года — четыре свечки. Мы не позволили тогда ему их съесть вместе с тортом. Зажег я одну свечку и вывел тебя из ванной на кухню. Сели. Между нами одна свечка горит, три другие рядом с блюдцем лежат. Я чай сделал с лимоном. Сидим пьем, молчим. И такой уют от этой свечки. Тишина во всем доме. Телевизоры не работают, холодильники молчат, стирать не надо, только ты, я и свечка. И такие у тебя глаза глубокие в этих сумерках. Только свечка на дне светится, маленький огонек дрожит. И тут у меня у самого сердца давно забытая фраза шевельнулась и прямо к губам просится. Подумать только, больше тридцати лет

прожили, детей воспитали, внуков растим, а вот так при свечке посидеть времени не было. Заботы, суета. И такая нежность возникла к тебе, что у меня сами губы должны были сказать эти главные три слова. Тем более повод есть — свет погас. И тут я с ужасом почувствовал, что я не помню этих слов. Смотрю на тебя, а в голове совсем другие слова крутятся, как на конвейере. Я их гоню, а они там так глубоко засели, что ничего не получается. И губы мои сами спросили:

— Как у вас на работе?

Ты так улыбнулась, что я готов был провалиться.

А потом потрепала меня по голове и сказала:

— И за что я тебя люблю, такого бегемотика?

И тут дали свет. Заурчали холодильники, заверещали телевизоры, затараторило радио, зашуршали газеты, закрутилась наша стиральная машина. Ты вскочила и убежала в ванную.

А я остался на кухне один, как дурак, при бледной свечке. Поехали трамваи, лифты привезли на этажи перезнакомившихся соседей. Свободолюбивый троллейбус взнуздали, вернули на маршрут, прицепили рожки к проводам, и он покорно побежал в стойло.

А я сидел такой растерянный и думал. Я прожил честно все годы. Я ни разу не вздрогнул оттого, что мои слова совпали с моими мыслями. Они всегда совпадали. Может быть, поэтому у нас только две красивые тарелки для гостей. Я отдавал работе все силы! Все! Без остатка. У меня даже не было времени, чтобы подарить тебе хотя бы один такой вечер при свечах.

И тогда я поднялся, вышел в коридор и выкрутил наши пробки. Свет в квартире погас.

Но стало светлее.

От свечки.

Так доживем!

Это же надо — до чего довели страну! Мэр Москвы по телевизору жаловался — зарплата у него один миллион рублей в месяц. Всего! Это как у нас с дедом пенсия на двоих. А у него-то семья поболее будет. Вот и решила я ему помочь. Советами.

Дорогой Юрий Михайлович!

Послушайте меня старую. Хоть у меня и устали плечи руки носить, но худа я не насоветую. А как от зарплаты до зарплаты дожить, подскажу.

Перво-наперво, на еде не экономьте. Но и быстро не тратьтесь. Исхитряться надо. Сейчас в батончике «Марс» один ломтик бесплатный. Идите в киоски — пусть вам отломают бесплатные ломтики. Мне, правда, почему-то не отломали. Но вы же начальник, вам отломится.

Слыхала, вы коровку держите на своем садовом участке. От! Это правильно! Большой приварок к бюджету. Если самому некогда, пусть жинка ваша сметанку, творожок да в Кремле-то и предложит кому. Да подороже. Они там сидят, поболее, поди, нашего с вами получают.

А то и так бывает. Кончились денежки, а до пенсии еще неделя. Дак в этом случае мой Никодим гармонь под мышку и айда на вокзал. А вернется, любо-дорого посмотреть: и пьяный, и с деньгами. Опять же экономия, поить его в этот день уже не надо. А в Москве вон их сколько, вокзалов-то. Знай играй себе, наяривай.

Ежели сейчас экономить да подрабатывать, прожить можно. Даже с нашей с вами зарплатой.

Но, конечно, пока еще много уходит на выпивку. Вроде и пьем редко — раз в месяц. Зато весь месяц подряд. Никодим мой давеча друга Свою хоронил, Степана. Дак тот вообще первый раз в жизни отрезвел, когда уж помер. Но экономить и на выпивке можно. Вы гостей к себе не зовите. Их на дормовое то всегда много желающих. Говорите им, мол, болею, жена болеет, теща с Казахстана приехала. А сами-то к ним и ходите. Поди, не выгонят. Зашел к нему, спросил между прочим, ну как тут у тебя дела в центральном округе? Он и поставит бутылочку.

А уж если нельзя отказаться от гостей, из Кремля кто припрется без спросу или из правительства, вы им коньяки-то заморские не наливайте. А в эти бутылки водки подешевле. Какая им разница? Все равно, поди, выпивши приходят, не учуют. А вам экономия.

К нам тоже Степан, когда жив был, никогда трезвый не приходил. Дак его хоть мозольной жидкостью пои — все вкусно. А когда он стакан-то сразу хлобызнет, тут уж не до закуски. И вы своим сразу по полному наливайте, чтоб закусок не спрашивали.

По себе знаю, где выпивка, там может проскользнуть и любовница. Это самая вредная для бюджета зараза. Испытала. Когда Степан еще живой был, а значит, пьяный, они с моим Никодимом тоже завели себе в городе, на вокзале. Дак ты попользовала мужика, да и иди себе. Так ить — не-ет! Она ко мне приехала и 200 долларов требовала. Чтобы я, значит, рассчиталась за ее услуги. Пришлось рассчитаться лопатой по задней части. А Никодим-то какой молодец, не заплатил. Не совсем дурак. Так что лучше уж без них. Но если что, то вы хоть адрес свой обратный не давайте. И пусть бесплатно. Скажите

ей, что зарплата мала, что семья на два месяца без еды останется. Чо ж она, не поймет, что ли? Женское сердце — оно доброе. Я бы поняла.

И на наряды для жены зря не тратьтесь. Научу, как надо. Я давеча тряпку половую пошла в чулан искать. Старая стерлась. Думаю, сейчас я из своей старой одежды выброшенной тряпку себе и подберу. Гляжу, кофточка. Выбросила я ее еще до перестройки. Вгляделась в нее повнимательней, а она лучше, чем на мне. На мне-то четыре дырки, причем две — навывлет. А в выброшенной — всего две, вот тут на грудях. Никодим за 40 лет протер, видать. Порылась еще в барахле — юбку нашла. Тоже почти новая. Такое добро раньше выбрасывали! Я с себя кофту и юбку на тряпки определила сразу. Никодим пришел с похорон — глазам не верит. Я стою — вся с иголочки одетая, в туфлях на высоком каблуке. На одном. Он говорит, Настя, это, что ли, ты — в молодости?

Я как закричу на него:

— Иди в сарай, дурак. Ходишь в рванье. А помнишь ты тряпье для мотоцикла туда унес? Еще до перестройки.

Вернулся он из сарая — хоть под венец с ним иди. Правда, мотоцикл этим костюмчиком он несколько раз вытер. Но все равно же лучше. Красавцем стал.

Лучше по сарайчикам да по чуланчикам потукать, чем в магазинах тратиться. Какие уж магазины с нашими-то деньгами.

И очень много съедает сейчас телефон и электричество.

У нас-то в деревне три телефона: у директора, у агронома и у меня. То ли по ошибке мне поставили, то ли для отмазки, что передовые трудящиеся у нас телефонизированы. Я принципиально никому не звоню. Мне, бывает, кто и звякнет, по ошибке, раз в год. А платить за него надо. Я в «скорую» раз звонила, в город. Жар, говорю, страшный жар. Приезжайте. Приехали пожарники. Водичкой вспрыснули, мне и полегчало. А так отказываться надо от телефонов.

А с электричеством бороться еще проще. Мне внучок

прибор ночного видения подарил. Дак я как кошка по ночам меж горшками прыгаю. А Никодим у меня тоже норовистый бывает по настроению. Давай, говорит, Настя, в кошки-мышки играть эротические в темноте. Я бегаю по избе — все вижу. А он пока все косяки лбом не соберет, успокоиться не может. А электричество я запрещаю включать из экономии.

И телевизор мы включаем, только когда вас показывают, Юрий Михайлович. Такой вы справный да проводной, а вас голодом кормят. Не дадим вас в обиду, Юрий Михайлович. Да мы всей деревней скинемся рублей по сту и вышлем вам. А если задержки в выплате у вас случаются (нам пенсию частенько задерживают), то телеграфируйте, будем слать регулярно.

И еще. Мы не знаем, какая зарплата у президента. И может, тоже ему задерживают? Скажу твердо, президента в обиду тоже не дадим. У нас с войны в деревне немецкие каски остались. Если надо, мы привезем и будем стучать касками Западу. Пусть помогают, раз заварили.

Принц и Ницше

Дневник Маши Ницше,
ученицы 5б класса

Идет реформа дяди Гайдара и его команды. Гайдар шагает впереди, а я, мама, папа, бабушка, дедушка и сестренка — позади.

* * * * *

1. Сегодня мама сказала, что еды в доме осталось на 15 минут жизни. Уже прошло 3 минуты.

* * *

2. Недавно почему-то умер дедушка. Второй месяц копим деньги на похороны. Но похороны дорожают бы-

стрее, чем мы копим. Комнату с дедушкой сдали коммерческой фирме. Они почему-то не захотели работать вместе с дедушкой и похоронили его.

* * *

3. Приехали родственники из Киргизии. Они беженцы, у них там совсем нечего есть. Мама сказала, будем голодать вместе, так даже веселее.

* * *

4. Старшая сестренка ходила искать работу, но не нашла. А только забеременела. Сейчас нас будет еще больше.

* * *

5. Сегодня в доме радость. Мама наконец-то принесла зарплату за позапрошлый год — два мотка колючей проволоки. Папа унес их на Урал продать в каком-нибудь лагере.

***

6. Видела по телевизору сникерсы и твикерсы. Попросила маму купить. Мама сказала, все лучшее детям, и отломил мне со стены последний, самый жирный кусок известки. Было очень вкусно. Теперь известка в доме кончилась, переходим на штукатурку.

* * *

7. Под нашими окнами упал самолет. Говорят, не хватило горючего. Пассажиры будут жить пока у нас. Хорошо, что их осталось только двое.

* * *

8. Всю неделю ждали спасателей. Пока их ждали, под окнами упал вертолет. Это прилетели спасатели.

* * *

9. По радио передали, что ожидается землетрясение. Но был пожар. И наводнение. Поэтому ничего не сгорело, а только все утонуло. И уж потом началось землетрясение. Было нисколько не страшно, потому что мама предоставила политическое убежище иракским курдам. А они такие веселые. Все землетрясение пели

песни и танцевали танцы. У них на родине такие землетрясения считаются просто плохой погодой.

***

10. Вчера вернулся с Урала папа. Он принес колючую проволоку обратно. Там ему сказали, что свою девать некуда. Мама решила попробовать сварить спагетти из колючей проволоки.

* * *

11. Потерялась бабушка. Мы все — с киргизами и курдами прочесали соседний парк, но бабушку не нашли. А когда вернулись, нашли от нее записку: «Ушла на панель. Ваша бабушка». Вечером бабушка вернулась радостная с полной сумкой гвоздей. Она сказала, что сделала бартер с плотниками. Мама сразу же сварила суп-лапшу из гвоздей. А на второе папа приготовил горошницу из дробы. Все получилось многоразового пользования.

* * *

12. И наконец, самая радостная новость — у меня появился племянник. И еще. Я влюбилась в мальчика. Он приходил к папе — директору коммерческой фирмы, которая сидит в дедушкиной комнате. Его зовут Толик.

Дневник Толика Принца, ученика 6б класса

1. Сегодня в семье скандал. Мы все: я, мама, папа, бабушка, сестра Марина, кот Мишка и песик Рада объелись икры, и нас всех стошнило. Просто давно уже не ели икры — целую неделю. А папа принес сразу два килограмма.

* * *

2. Сегодня в семье опять скандал. Мама ругала папу за то, что он купил ей дешевый костюм. Она видела точно такой же, но в два раза дороже. «Как я в таком дешевом буду ходить? Что я людям скажу?» — плакала она.

***

3. И сегодня в семье скандал. Мой друг Вовка попросил взаймы миллион, и я дал ему из бабушкиного комода. Мама, когда узнала, закричала:

— Ты бабушку обокрал!

А бабушка меня обняла и сказала:

— Подумаешь, обокрал. Должен же мальчик на ком-то тренироваться.

***

4. Сегодня в семье скандал. Мы все ехали на джипе на дачу, нас остановили гаишники, папа дунул в трубку, и она все показала. Они с мамой закодировались на дозу, но врач что-то перепутал. Во-первых, их организм понял так, что доза — не меньше бутылки. Больше можно. И во-вторых, что каждый день. Когда у папы трубка показала, мама сказала, тогда машину поведу я. Но и у нее трубка показала. Тогда за руль хотела сесть старшая сестра Марина, но и у нее трубка показала. Тогда дунул я — и у меня трубка показала. Гаишники из интереса хотели дать трубку коту Мишке, но он вцепился одному в нос. И его забрали за сопротивление милиции. Озверел с валерьянки. И только у нашей собачки Рады трубка не показала. Потому что она уже старенькая. Я не знаю, сколько ей лет, но она еще дышит. Папа что-то шепнул гаишникам, и они нас отпустили. Все законно, один член семьи трезвый — ехать можно.

***

5. Вчера у папы были американцы. Они просят продать патент на папино изобретение. Папа, когда ушел из института ракетостроения, целый год думал, что бы такое изобрести поглупее, чтобы покупали. И изобрел. Противогаз-глушитель для зада человека. С его помощью можно пукать где угодно, когда угодно и с кем угодно. И даже куда угодно. Хоть любимой девушке в ухо. Она все равно ничего не почувствует.

Папа записал американцев в очередь, потому что желающих много и прибор должен пройти испытания.

6. Сегодня проходили стендовые испытания прибора и презентация одновременно. Была куча гостей, иностранцы и все конструкторское бюро, которым раньше руководил папа.

В испытаниях участвовали два бывших штангиста-тяжеловеса. Они покушали горошницы, и испытания начались.

Первым пукнул штангист в противогазе. Никто ничего не услышал и не почувствовал.

А вторым пукнул второй штангист, без противогаза. Ударной волной снесло всю приемную комиссию. Двоих контузило, одного оглушило, один отравился газами. В спортзале выбило окна. Гости разметало по углам.

Бывшие папины сотрудники кричали «ура», качали папу на руках и просились к нему на работу.

Когда я вырасту, закончу институт, защиту докторскую, стану, как папа, академиком, я тоже буду изобретать такие приборы.

А пока я влюбился в девочку Машу. И чувствую, что мне очень трудно совмещать любовь и учебу.

Послесловие

К загсу подъезжает кортеж машин и автобусов. Из первого «мерседеса» выходят ослепительные молодые: Анатолий Принц и Мария Ницше. Из следующих «мерседесов» выходят их родители. Из первого автобуса выходят беженцы из Киргизии во фраках и декольтированных платьях. Из второго — мужчины в шортах и женщины в мини-юбках. Это иракские курды. Пассажиры с самолета и спасатели с вертолета выходят из третьего автобуса; за восемь лет ожидания следующих спасателей их заметно прибавилось...

— Горько! — эхом летает под сводами роскошного старинного ресторана...

Голые тетеньки

«Ведь если женщины ходят, значит, это кому-нибудь нужно», — подумал Петр Никифоров и тут же решил заняться изданием эротического журнала. Правда, фотографировать для журнала сразу почему-то никто не бросился. Даже проститутки.

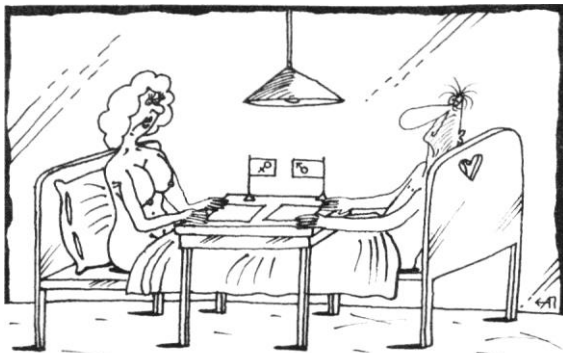
— Да мы чо, проститутки, что ли — фотографироваться? — Сразу отрезали проститутки, — Ты иди свою жену фотографируй, — дали дельный совет ночные красавицы.

«А почему бы и нет?» — подумал Петр и вышел с соответствующим предложением к жене. Он кратко описал ей свою задумку и обозначил название журнала — «Плечо».

— Ну, при чем здесь плечо? — сразу заругалась Мария.

— Так не жопа же, — возразил Петр, — хотя она, конечно, красивая, если не моя.

Во время уговоров сняться для эротического журнала Мария два раза сбивала Петра с ног пощечиной, три раза краснела, один — бледнела, а потом сказала:

— Да и хрен с ним, со статусом. Уж лучше под объектив к мужу, чем на панель. Жрать-то что-то надо.

На следующий день Петр назначил Марии фотопробы. Ровно в одиннадцать ноль-ноль он закричал:

— Следующая!

На пороге его комнаты возникла Мария. Она с волнением опустила глаза под строгими взглядами Петра.

— Раздевайтесь пока,— предложил Петр,— я аппаратуру подготавливаю.

Он по-деловому чистил тряпкой фотоаппарат «Смена».

— Да догола! Мне зачем скрытые дефекты? — добавил Петр.

Мария сняла с себя все остальное. Петр отвлекся от фотоаппарата, взглянул на жену и замер. Она стояла, стыдливо прикрываясь руками, но рук то было всего две. Короче, первые фотопробы закончились по согласию сторон.

После третьей попытки начать фотопробы Мария спросила:

— Петя, ну как, подхожу я под фотомодель?

— Ты-то подходишь. Да я, видать, в фотографии не гожусь. И как они там в «Плейбое» работают? Это ж какую нечеловеческую силу надо иметь, чтобы сдержаться.

Первая серия эротических снимков была готова через два дня. Совсем обессилевший от фотосъемок Петр сидел за столом и перебирал фотографии.

Мария стояла, облокотившись рядом, и оба внимательно рассматривали получившуюся эротику.

— Слышь, Петя, а я ведь ничего себе, полненькая, ах отсвечивает.

— Да уж,— поегозился Петр на стуле.

— Петя, а если меня узнают, тебе же стыдно будет.

— Чего стыдиться-то красотищи такой? Нормально.

— А мне стыдно. Может, мне нос подрисовать, чтоб не узнали.

— Куда уж подрисовывать — хобот будет.

— Тогда давай подотрем, уменьшим.

— А вот это — мысль... Эх, еще бы парочку фотомо-

делек отнять, журнал бы получился классный,— посетовал Петр, инстинктивно понимая, что разнообразие сильнее красоты.

— Это кого еще? — строго спросила Мария.

— Может, тещу?

На пороге комнаты неожиданно возникла теща. Она открыла дверь своим ключом и, как говорят, застучала дочку с зятем с поличным.

— Ну, вы совсем с ума сошли от безработицы. Инженер, учительница — а чем занимаетесь? Вы еще меня пофоткайте! Да я три войны прошла бы, если бы пошла. Да Бог дал ума — сразу поехала к немцу, в лагерь. Пусть не в пионерский, зато сейчас от них пенсию получаю 100 марок. Дак хоть вас кормлю.

— Мама, вы не волнуйтесь,— вежливо прервал Петр тещу,— это все законно, мы регистрируем журнал, будем платить налоги.

Теща посмотрела на Петра, сказала «э-э-эх!», положила на стол с фотографиями 50 марок и ушла.

Через месяц в подземном проходе к вокзалу, поеживаясь от холода, стояли Петр и Мария, держа за уголки журнал «Плечо» с обнаженной Марией на обложке, правда с курносым носиком. Из потока снующих туда-сюда граждан нет-нет да и подходили интересующиеся. Два кавказских лица цыганской национальности сразу попросили полистать журнал.

— А почему в журнале женщин мало, всего один? Нам много надо,— спросило первое лицо.

А второе сказало:

— Один, но очень симпатичный женщин. Адрес не дашь? — обратилось второе лицо к Петру.

Мария покраснела и отвернулась. А Петр ответил:

— Адресов у нас не имеется. Если хочешь — покупай и просто любуйся.

Лица взяли по десять экземпляров на каждое лицо.

Затем подошли два подростка.

— Смотри, смотри, голые тетеньки,— сказал один другому. Петр сразу предупредил их:

— Ребятки, вы еще молодые эотику покупать.

На это один из подростков веско возразил. Он достал финку из кармана, выщелкнул лезвие и сказал:

— Вообще-то мы у вас и отобрать все можем, но мы люди честные, купим за деньги.

Однако купля не состоялась, потому что юные рэкетеры увидели подходящего милиционера и скрылись. Милиционер козырнул и представился:

— Сержант Козыряев. Чем торгуете?.. А почему женщины голые и все видно?

Петр пояснил:

— У нас эротическое издание. Мы так зарегистрированы, нам в одежде показываться запрещается.

Сержант полистал журнал и сказал:

— А может, это порнография? Кто определит?

— А кто определит? — растерялся Петр.

— А в этом переходе определяю я,— сержант покрутил в руках журнал,— вот я и определяю, что это порнография.

— А если — так? — Петр протянул сержанту купюру.

Тот посмотрел ее на свет, разглядел и ответил:

— Ну, если так, то это эротика. Но только до конца моей смены...

...Два года спустя в своем просторном офисе Петр Петрович Никифоров проводил оперативку.

Слово держала главный бухгалтер:

— Я уже не могу, Петр Петрович. Мы с кассиром деньгами мозоли на пальцах натерли, впору на инвалидность идти. Нужны машинки для подсчета денег.

— Берите, сколько надо, из кассы и покупайте.

В кабинет бесшумно, как кошка, заглянула секретарша и промурлыкала:

— Петр Петрович, вас директор механического завода к телефону. Они хотят вас выдвинуть кандидатом в депутаты в областную Думу.

— Да за что меня-то? Я никого не обманул, ни у кого не украл.

— А он говорит,— хитро прищурилась секретарша,— что вы сексом занимаетесь, а это тоже мерило.

— Да не сексом, а... ну да ладно, скажи ему, Леночка, что я согласен, пусть позже перезвонит. Теперь фотосекс. Доложите обстановку, Илья Абрамович.

Безумной интеллигентности мужчина средних лет с длинными седыми волосами ответил:

— Все нормально, Петр Петрович, фотографируем.

— А почему нашей ведущей модели Ирины давно не видно?

— Приболела она по-женски, зуб у нее болит... Ну и еще у нее проблема, забеременела слегка — на работе.

— Вы что, смеетесь? В ваш цех контейнер презервативов привезли из Италии, а вы? У вас фотографы не соблюдают правила гигиены труда и промышленной санитарии на производстве?

— Фотограф новенький был, перепутал презерватив с противоголозом.

— Производственный отдел, докладывайте.

— Ухудшилось качество печати в типографии. Читатели жалуются, что грудь со лбом путают, и это мешает сосредоточиться на главном.

— Какой видите выход из положения?

— Надо поднимать цену на журнал.

— Правильное решение.

На первое заседание областной Думы Петр Петрович собирался с неохотой. «За каким чертом мне это надо?» — думал он. На всех встречах с избирателями он говорил им, что его выбирать в Думу ни в коем случае нельзя, что ему некогда думать о народе и даже о себе — некогда. Но все имело обратный результат. Чем больше он рассказывал о себе отрицательного, тем больше любили его люди.

Заседание Думы началось с того, что после слов председателя «...разрешите считать открытым», все депутаты повскакивали с мест и бросились к микрофонам. В свалке микрофоны переходили из рук в руки.

— Ну, почему мэр города ворует,— возмущался один депутат,— а я не имею такой возможности? Где же справедливость?!

Другой кричал:

— Я знаю, как помочь людям! Надо у них сначала все отобрать, чтоб было чем помогать!

Успокоились разбушевавшиеся депутаты лишь тогда, когда председатель зачитал послание Президента Думе. Дословно текст послания звучал так:

«Пошлите вы все на...!» Споры разгорелись по последнему слову. Одни говорили, что это слишком далеко. Другие — что даже близковато. Сошлись на компромиссе и записали в решении: «В целом послание Думы Президентом поддержать, но после слова «на...» читать «...расстояние не более десяти километров от кольцевой дороги».

За эту формулировку проголосовали единогласно и разошлись.

В Нью-Йорке на всемирный симпозиум эротических изданий все магнаты слетались на собственных самолетах. Пр илетел на своем и Петр Петрович. Хвостовое оперение его «Боинга» украшала эмблема Никифоровской империи — оголенное плечо, неизвестно чьего пола и происхождения.

Вернулся из Америки Петр с тяжелым чувством. Там короли эротики всего мира снисходительно похлопывали его по плечу, тыкали пальцами в «Плечо» и учили, как надо жить. Даже китайцы.

Неделю прожил Петр Петрович на родной земле молча и наконец решился на эксперимент — выпустить журнал экстра-класса. В России это сделать было невозможно, потому что пришлось бы вначале переделать всю политику, экономику и людей. Журнал вышел за границу.

И вот наконец на рабочий стол Петра Петровича лег роскошный, богатый, играющий красками и гляncем номер «Плечо-суперлюкс». Но Никифорову было почему-то грустно.

И неспроста. Журнал так никого и не заинтересовал. Его просто не покупали. Не та жизнь, не те люди, не те женщины. Как далеки они были от народа.

— Что будем делать, Маша? Я разорен,— решился однажды сказать супруге Петр.

— Ну, наконец-то! — развеселилась Мария, — Хочу к морю.

Сейчас супруги Никифоровы живут на Кипре. От перемены климата у них родилась двойня, сыновья. Одного они записали греком-киприотом, другого — турком-киприотом, так, на всякий случай.

Журнал «Плечо» в России процветает: Петр поручил руководство журналом Николаю, своему бывшему завгару, потому что тот хорошо понимает, что именно надо народу. Сам Никифоров частенько приезжает по делам. Но все-таки предпочитает тосковать по Родине и снегу на Кипре.

Пособие бизнесмену

Прежде чем начать свое дело, подумай, а нужны ли тебе деньги вообще? Маленькие деньги — маленькие заботы. Большие деньги — большие неприятности.

Помни! У нас грабят быстрее, чем зарабатывают. Благо, есть кому: государство, жена, любовница, дети, рэкет — по понижающей.

И знай! Если ты станешь на скользкую тропу предпринимателя, у тебя всего три пути: или отберут, или посадят, или вообще... уберут. В любом случае твои знакомые с радостью скажут: «Ну, говорили же дураку!»

И не забывай! Ты живешь в стране, где даже цыгане ходят поголовно обманутые.

Если тебя это не останавливает, можешь начинать дело.

Первое. Выбор деятельности. Во время перестройки был принцип: «Разрешено все, что не запрещено». Сейчас: «Разрешено все, что запрещено». Исходя из него, определись, а как ты решил делать деньги: зарабатывать или воровать? И то и другое опасно, но воровать

легче. И это умеют все. Черта общенационального характера.

Мы рассматриваем случай, когда ты совсем дурак и решил зарабатывать. Начни с названия фирмы. Если это киоск в министерстве, назови его броско и образно, например «Взятки». Подбери ассортимент, разложи по полочкам согласно чину чиновников: приедем ко командировочному и голову не надо ломать. Кому что надо — все есть.

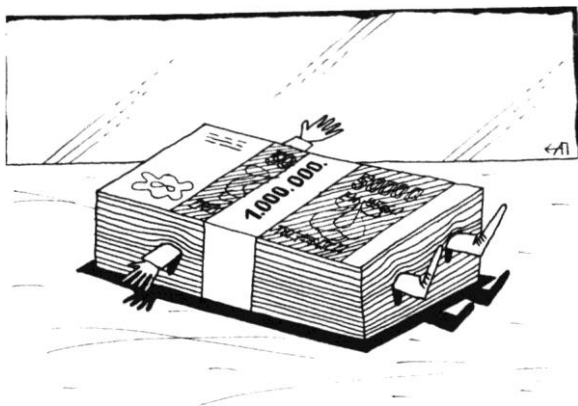
Очень важно и название товара, который ты собрался выпускать. Если это туалетная бумага, назови ее поэтично, душевно, например «До глубины души».

Если ты решил идти в шоу-бизнес петь, не называй себя певцом. У нас сейчас все певцы. Никто не говорит, все поют, заливаются соловьями: и кандидаты, и депутаты. Не называй себя секс-символом. У нас все секс-символы. Сразу говори, что ты порнозвезда, а лучше, что ты сексуальный маньяк. Только тогда ты как певец можешь рассчитывать на успех.

Далее — реклама продукции. Надо переплюнуть все, что

уже имеется на телеэкране: перхоть, прыщи, грыжу, месячные, обвалянных ребятишек. Надо сделать еще круче.

В нашем случае с туалетной бумагой предлагается

Голос диктора: «Эври дэй обычная туалетная бумага во время пользования рвется. Поэтому вам после туалета приходится мыть палец. (На экране должен быть крупно показан палец. Третий.) Снова голос диктора: «И только бумага «До глубины души» (на экране крупно пользователь во время пользования), голос продолжает: «...не рвется никогда». (На экране бульдозер вытаскивает из лужи «мерседес» тросом из туалетной бумаги «До глубины души». На капоте сидит красотка на унитазе и нежно целует рулон бумаги.) Голос диктора продолжает: «Только наша бумага — многоразового пользования» (на экране симпатичная девушка стирает на стиральной доске бумагу, сворачивает ее в рулончик и передает обычному потребителю, красавцу мужчине. А от него забирает в стирку использованный рулончик).

Подбор кадров начинай с подбора секретарши. Какая она должна быть, умная или красивая? Главное, сговорчивая. Ну и без заболеваний. Если она во время испытательного срока приходит на работу после 12 и жадно пьет твой чай, бери, не сомневайся.

Сложней с главным бухгалтером. Умная, красивая, сговорчивая, без заболеваний — это само собой. А вот честная она нужна или хитрая? Честная с тобой, хитрая — с государством. Не дай бог — наоборот.

Итак, у тебя есть коллектив, есть производство, есть реклама. Где открыть счет: в государственном или коммерческом банке? Все равно. Главное, чтоб был счет еще и в швейцарском.

Если твоя работа налажена в соответствии с моими рекомендациями, дела пойдут.

Любой бизнесмен на пути развития должен пройти 3 стадии:

первая — кутило: сколько заработал, столько прокутил;

вторая — дурило: сколько заработал, на столько накупил барахла для дома, для семьи;

третья, высшая стадия — скупердило: сколько заработал, все пустил в оборот, никуда больше.

В этой последней стадии надо неусыпно следить за собой. Если ты вдруг однажды утром замечаешь, что

самая мелкая денежная единица для тебя начинается с 1 млн долларов, надо резко переходить в политику. Или через границу. Если не успел, сам виноват.

Потому что следующая стадия — проверка. Или налоговая полиция, или ОБЭП (борьба с экономическими преступлениями).

Рекомендуемый набор ответов для этих организаций:

не знаю

не помню

не видел

не знаком

не участвовал.

Помните, что чистосердечное раскаяние уменьшает вину, но увеличивает срок. На вопрос: «Вы орудовали в сговоре?» Ответ: «У кого — сговор, а у нас общее собрание акционеров».

Если проверка не отцепляется, направь их проверить конкурента, о котором ты что-то знаешь. Другая интересная работа отвлечет ребят от тебя.

Ну вот, тебя и разорили. Это самый легкий финал. Я предупреждал. Только не плачь на улице. На тебя никто не обратит внимания. В лучшем случае машина брызнет грязью. Не ищи помощи у государства. Оно может помочь, только если у тебя есть что отнять.

И никогда не унывай. Сохраняй душевное равновесие. Не смотри на ночь фильмы ужасов, насилия и наши новости. Не теряй времени на фильмы про мафию. Если ты в бизнесе, удивить тебя нечем.

Сохраняй чувство юмора, учитывай национальный фактор. Если тебе говорят: «Христос воскрес», отвечай: «Воистину воскрес». А если говорят: «Курбан байрам», отвечай: «Воистину байрам».

После разорения отдохни. Соберись с мыслями. Перечитай это пособие. Вдумайся в первые строки: «Прежде, чем начать свое дело, подумай, а нужны ли тебе деньги вообще?»

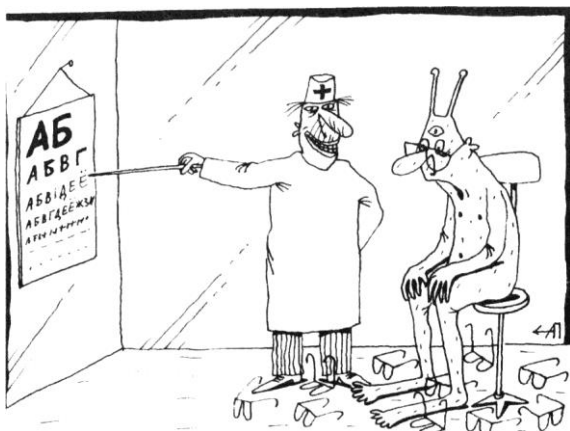
ВЗГЛЯД СВЫСОКА

Гуманоид Матозоид

Альфа-Дурак! Альфа-Дурак! Я гуманоид Матозоид, завис над Землей. Как слышите? Прием... И я вас — хорошо. Зависли над городом Мэ. Круглый, как у нас муравейник, но людей больше, чем муравьев. Ходят, бегают, суетятся. Такое впечатление, что они понимают, зачем бегут.

Да, Матозоид слушает... Откуда на Земле люди? А хрен его знает, я не запускал. Может, гуманоид Шизоид запустил? Похоже, его штучки. Я запустил только рыб, птиц и зверей. Ну, рассаду посадил: деревья, кусты... И все. Рассада хорошо прижилась, я же удобрял. А что делать с этими паразитами? Они мне все грядки изгадили. Альфа-Дурак, милый, я столько лет ждал, когда мне выделят планету для ведения сада-ого-

рода. Кто мне запустил на участок этих вредителей, этих колорадских жуков... этих людей? Они же пожрали весь мой урожай, уничтожили всю скотину. Я не вижу ни одного мамонта. Из чего мы будем делать шашлыки?

...Да, Матозоид плачет и слушает. Какой кислород?! Они загадили его заводами... Апчхи! Жалко кислорода. Мы же тогда его последний со склада привезли на Землю. Чем их выводить?.. Да нельзя аэрозолем. Зачем нам Земля без кислорода?

...Да, Матозоид плачет и слушает. Есть внедряться в сознание. Внедряюсь в дедушку. Сознание не ощущаю. Одна злость, ненависть и красные знамена... Да он зомби! Это же наши его зомбировали в 17-м. Это Шизоид его зомбирова, его почерк. Ну, конечно, он же в 17-м на Землю прилетал. Я помню тогда, он что-то: срочно на Землю, срочно на Землю... Он понял, что перегнул с этими паразитами, и решил, чтоб они сами себя уничтожили. Половину зомбирова в коммунистов. А ну, я проверю... Вот ни фига себе! На всю улицу один дедушка зомбирован. Остальные раззомбировались, хотят жить дружно.

Альфа-Дурак, что мне делать с участком? На всей Земле ни одного живого места. Слетал, отдохнул называется!

Внедряюсь в сознание дальше... Дак у них, оказывается, еще и два пола — мужчины и женщины. Ну, дают, ребята, такие паразиты, а еще два пола им подавай. Они, считай, на одно удовольствие больше нашего получают. Твари двуногие. А ну я сейчас кого-нибудь по световому лучу на тарелку засосу. Вот эту, пожалуй, женщину...

Альфа-Дурак, вы слышите, она говорит, здравствуйте, мальчики, деньги вперед. Это у них что-то, видимо, связанное с полами. Ну ее на фиг, отправляем по лучу обратно. Засасываем мужчину...

Он говорит, хочу приватизировать вашу тарелку. Достал какие-то бумажки и говорит, берите ваучеры, дайте тарелку. Спускаем его обратно.

Засосали еще одного. Говорит, какой-то зеленый. А, зеленый, да это же наш человек, он спасает планету от загрязнения. Он говорит, что это его планета. Откуда она его, она моя... Я показал ему удостоверение, что

планета моя. А он твердит свое, что она — его. А удостоверения не имеет. Рассуждает правильно, но однобоко. К черту зеленого.

Засасываем следующего. Говорит, что он — голубой. Лезет своими губищами в мое рыльце нецелованное. Дрянь такая, исключявил мне все рыльце. К черту голубого.

Засасываем следующего. Говорит — красный. Кинулся ломать приборы, крушит мебель, ругается матом и дышит спиртом вперемешку с серной кислотой. Обзывает нас какими-то демократами. Кусается. Голубой и то приятнее был. К черту — красного.

Альфа-Дурак! Больше засасывать никого не будем. Там ходят еще коричневые, черные и все цвета радуги. Я боюсь, тарелку они нам разнесут.

Альфа-Дурак! Я так думаю, эти паразиты такие тоже дураки, что мне становится интересно. Прошу отпуск без содержания на пару тысяч лет. Раз уж прилетел, отдохну, а там посмотрим. Опять же здесь на одно удовольствие больше, надо исследовать. Прощай, Альфа-Дурак. Конец связи.

Визит
в село Обабково
Репортаж из стенгазеты
«Обабковский фермер»

ВЧЕРА ДЕРЕВНЮ ОБАБКОВО ПОСЕТИЛ С ДРУЖЕСКИМ ВИЗИТОМ ТРАКТОРИСТ ИЗ ДЕРЕВНИ МУХОМОРОВО ТОВАРИЩ МУХОМОРОВ С СУПРУГОЙ.

Высокого гостя в аэропорту Шеребабьево встречают товарищи: тракторист Обабков с супругой, шофер Оплетав с супругой, сторож Овсов с тещей. И другие официальные лица.

В воздушном пространстве аэропорта кружатся лайнеры всех марок — вороны, сороки, грачи. Наконец из леса выезжает Высокий гость с супругой. Гостей доставила правительственная кобыла по кличке Боинг-707. Гостям помогает сойти с телеги обаятельная стюардесса дед Фомич. Тракторист Мухоморов и тракторист Обабков горячо приветствуют друг друга. Товарищ Обабков интересуется условиями перелета от Мухоморова до Обабково через овраги.

Высокий гость и товарищ Обабков обходят почетный караул сторожей заготзерна. Затем почетный караул сторожей проходит перед гостем в торжественном марше. Ровными рядами и колоннами чеканит шаг караул — два брата Овсова. У одного безупречно ровно торчит бердана, у другого еще ровнее — вилы. Шуршат плащ-палатки, почти не просят каши сапоги. Почетный караул в торжественном марше уходит сторожить заготзерно.

Трактор ДТ-54 тянет в Обабково открытую тележку с Высоким гостем на борту (на левом). Вот трактор

въезжает на главную улицу села Обабково, поскольку других улиц нет. И сразу застревает в луже у сельсовета. Почетный эскорт из мотоциклистов красиво застрял еще раньше, позавчера.

Тысячи сельчан вышли бы на улицу встречать Высокого гостя, если бы в деревне осталось хотя бы человек 50. Но осталось всего лишь 26.

Под шквал 11 (трудоспособных) аплодисментов сельчане провожают Высокого гостя с супругой из лужи до дома. В гости к трактористу Назару Обабкову.

Назар Обабков с супругой прибежали из аэропорта пешком и теперь ждут гостей в Матренинском зале избы. Матренинским зал назван в честь бабки Матрены, которая здесь живет, работает и ночует.

Хозяин дома тракторист Назар Обабков приглашает гостя тракториста Мухоморова в Деревянную палату (сарай) для предварительных переговоров.

В это время госпожа Мухоморова в сопровождении госпожи Обабковой осмотрели достопримечательности Обабково: невспаханное поле площадью 800 га и колхозную баню, действующую, в аварийном состоянии.

Затем они побывали в Оружейной палате егеря Егорова, где осмотрели его двухстволку «ИЖ-49».

В алмазном фонде села Обабково госпожа Мухоморова пощупала руками уникальный экспонат — шапку монаха. Эту шапку-ушанку монах выбросил еще в 1918 году. Но уже в 1919-м он подобрал ее и носит до сих пор, не снимая. Шапка демонстрируется вместе с монахом.

В заключение осмотра достопримечательностей дамы сходили по грибы.

В колхозном клубе тракторист Мухоморов дал большую пресс-конференцию по правам человека-шофера. Он рассказал, что однажды у них в деревне Мухоморова гаишники отобрали «права» у одного человека-шофера. И он решил убежать в другую деревню. Но потом его передумали, и он остался. И не жалеет! Сейчас он живет и работает пока без «прав». А как пересдаст, так получит.

В заключение конференции товарищ Мухоморов ответил на многочисленный вопрос селькора Морковкина,

собравшегося в зале. Морковкин пять раз спрашивал вслух и два раза в записке: «Почему в зале я один?» Товарищ Мухоморов обстоятельно ответил на все вопросы.

В частности, он ответил: «А я откуда знаю?»

Вечером в Егорьевском зале Избы (там отходит дед Егор) супруги Обабковы дали торжественный ужин в честь Высокого гостя. Трактористы обменялись тостами. Назар Обабков сказал:

— Я поднимаю этот талон на бутылку вина за здоровье наших дорогих гостей господина Мухоморова и госпожи Мухоморовой. Пусть наша деревня процветает, как ваша, а ваша — как наша.

С ответным тостом выступил товарищ Мухоморов. В частности, он сказал:

— А выпить где?

После тостов трактористы обменялись подарками. Назар Обабков поднес гостю картину-натюрморт. На картине изображены талоны на сахар, сыр, колбасу, масло, яйца и шерсть. Да так аппетитно, хоть вырезай и беги в магазин. Товарищ Мухоморов хотел это сделать. Но ему сказали, что в магазине ничего нет. И магазина — тоже.

В свою очередь товарищ Мухоморов подарил Назару Обабкову картину-пейзаж «Утро в сосновом лесу». На картине два больших трактора и два маленьких тракториста лезят по зарослям, ищут выход в поле.

Ужин прошел в теплой, дружеской атмосфере, возникшей в результате ссоры между трактористами из-за последнего стакана браги.

Ночью того же дня из аэропорта Шеребабьево Высокий гость с синяком под глазом отбыл на родину.

Рекс и его друг — я

Я за модой слежу пристально. Всегда в курсе. И слежую ей безоговорочно. Сейчас что модно? Собачку в квартире держать. Причем чем меньше квартира, тем больше собачка. К моей квартире подошел дог. В аккурат. По диагонали в комнате стоит.

Но если в квартире с ним проблем нет, то вот с выгуливанием — проблема! Где его гулять?

Мне повезло. Школу у нас рядом построили, а там — двор. Все собаководы его и стали использовать под выгул. Дети сначала мешались, путались у собак под ногами, а потом ушли. В подъезды. И все. Никаких забот. Кричишь Рексу: «Гуляй!» И он бежит, останавливается и бежит дальше. Зрелище красивое. Но — каждый день, каждый день. Утром и вечером. Все свободное время — псу под хвост.

Поэтому я решил усовершенствовать процесс выгула. Купил длинный поводок — сорок метров и стал опускать Рекса со своего балкона, с третьего этажа, в наш палисадник возле дома. Отпустил, поводок привязал к балконному перильцу и сидишь бреешься. А он бегает в радиусе сорока метров. Я тем временем побрился, чаю

попил, потом Рекса обратно за поводок на балкон затащил — и на работу. Все хорошо. Одно плохо — тяжелое животное. Самого вниз так и тянет. Однажды утянуло. Почти. Хорошо, что бельевые веревки на балконе есть. Я зубами успел за одну схватиться и держался, пока Рекс не достиг земли.

Был и другой случай. Утром я опустил Рекса вниз на почву и хотел уже привязывать поводок, как вижу: из-за угла дома — ну, есть же такой старинный обряд — вылетает собачья свадьба. Рекс рванул, и я вывалился за борт балкона. Три этажа кончились быстро. Хорошо, что клумба у нас внизу есть. Ее специально для своих четырнадцати котов держит Клавдия Гавриловна из 17-й квартиры. Взрыхляет там, золой посыпает, чтоб выгуливать котиков. В общем, меня эта клумба спасла.

Единственная незначительная травма — это моя нижняя челюсть выдвинулась на два сантиметра вперед. Теперь у меня прикус отрицательный, как у бульдога, а у Рекса — положительный. Жена говорит: «Теперь вы с ним разной породы».

Но я смирился. Пусть прикус у меня отрицательный, но зато я модный человек.

Прочь сомнения

Кто мне скажет, чего я хочу? Только конкретно. И на что могу рассчитывать? Кто скажет, почему беспокойство подкатывает? Нет, о завтрашнем дне я не беспокоюсь. Я о сегодняшнем думаю. Откуда во мне такая тревога? Неуловимая.

Еду в отпуск — беспокоюсь. А вдруг на обратную дорогу не хватит. Еду на работу — волнуюсь. Вдруг транс-

порт подведет, а не подвезет. Сижу на работе — сомневаюсь. Хорошая у меня работа? Если хорошая, почему завидую людям смежных профессий? А если плохая, почему я на ней работаю? А где же еще работать? Перейти к людям смежных профессий? Ну, перешел. И что? Сейчас мечтаю о своей старой работе.

А почему я в магазине волнуюсь? Трепещу, как школьник перед экзаменом. Или перед девушкой? Или перед дефицитом? Хорошо, если не зря трепетал, если досталось. А когда досталось, почему сомневаюсь? Вот этот свитер. Зачем я его купил? Может, он этих денег не стоит. А я купил. Я ведь не хотел. Но уже очередь подошла, и чек я отбил. Чек отбил — внутри как оборвалось что-то. И упало. Что там оборвалось? Я чек вернул и вышел на улицу. И опять сомнения за горло взяли. Вернулся в магазин, снова чек отбил. И опять засомневался. Брать не брать. А девушка-продавец смеялась. Почему? Я назвал ей свитер купил. Пусть смеется.

Теперь кому бы его продать? Или уж самому донашивать? Кто посоветует? Кто подскажет?

Сажусь за стол, начинаю писать — сомнения терзают. Редактор внутренний кричит:

— Куда ты подлежащее ставишь? Сюда не положено. А сказуемое зачем выбросил? Без сказуемого не приму. И приставок ставь больше. Хотя бы три.

А цензор внутренний кричит:

— Это не то определение. С этим определением тебе знаешь что? Выбрось это определение, забудь его, выбери другое. Одно. Единственное. Но так, чтоб на всю жизнь.

Как прорваться сквозь эти сомнения, как сформулировать мысль? Бедная она, лежит где-то, несформулированная, и ждет своего часа.

А телефон все время отрывает, отрывает, сбивает с мысли. Вы меня к телефону не зовите, меня нет. Что это? Телефон? Подождите, не берите трубку, я сам возьму. Не берите, я иду. Хотя, нет. Возьмите трубку. Или мне взять? Опять сомнения. Как же прорваться сквозь них без посторонней помощи? А может, она нужна, эта помощь? Может, крикнуть «на помощь!» — и она придет. Нет, не буду звать, она и так придет. Вот она, уже подходит. Я ему говорю, мне не надо помощи, а он говорит, надо, я знаю!

Он знает все и не сомневается. Он точно знает, что мне к телефону подходить не надо, жена подойдет. Он знает, что туда, туда и туда идти нельзя, сюда — можно. Он уверен, что в данный момент я хочу печенья, ровно сто пятьдесят граммов, больше нельзя. Он знает, что масла мне надо 330 граммов в месяц, а колбасы — 400. Он объяснит, что с курортом надо подождать, не все сразу. Вот она, помощь. Он присядет — и я присяду, он встанет — и я встану, он хрюкнет — и я хрюкну. Я без сомнений хрюкну, так надо, он знает. Он молодец — и я молодец. Я уже не сомневаюсь. Мы молодцы. Спасибо за помощь. У меня нет сомнений.

Книголюб

У кого-то хобби, а у меня — страсть. Страсть к книжкам. Я книголюб. И вот когда холодно или не везет в любви, я обращаюсь к своим друзьям — книгам. У меня библиотека во всю стену. На первой полке — классика. Достая любимый томик, читаю название: «Сберегательная книжка», том первый. Листаю любимые страницы, читаю любимые строки: расход, приход, остаток. 8-й том — заключительный. Листаю любимые страницы, читаю любимые строки: приход, расход, остаток. Великое произведение.

Мещан презираю. Тратят деньги на барахло. Зачем? Грабят себя духовно. У меня одна страсть — книжки. Они учат меня жить. В них все ответы на все вопросы. Классика есть классика.

На второй полке у меня беллетристика. Читиво. Полное собрание моих трудовых книжек. Семь томов. На улице туман, в комнате камин. Листаю любимые страницы, читаю любимые строки. Из трудовых книжек. Том первый, страница вторая, запись первая. Цитирую: «Закончил политехнический, инженер-механик, место работы — киоск «Пепси-кола». Смешное место. Масса впечатлений. «Пепси-кола». Лучше не скажешь.

Том второй, страница третья, запись восемнадцатая, цитирую: «Принят в пункт приема стеклотары». Запись девятнадцатая: «Принят в пункт приема макулатуры». Золотые дни. Мудрые строки. Лучше не скажешь.

Не люблю том пятый, запись сороковая. Роковая. Январь — уволен... и только через три года: январь — принят обратно. Три года — провал. Но жизнь есть жизнь.

На третьей полке у меня — промышленность и транспорт. Но больше транспорт. Технические паспорта на мои транспортные средства. Четырехтомник. Листаю любимые страницы, читаю любимые строки. Том первый, техпаспорт «Жигули» ВАЗ-2106, номер кузова, номер двигателя, цвет — белый. Великие строки,

глубокие мысли. Лучше не скажешь. Том второй — «Волга» ГАЗ-24. Техпаспорт. Смешная, добрая, нужная книжка.

Дальше на полке — пять книжек в красной обложке. Собрание моих водительских удостоверений. Права! Выменял у одного книголюба на классику. На мою классику.

Говорят, прав тот, у кого больше прав. У меня 5 «прав». Ездить можно. Я не знаю, как люди с одними «правами» ездят. Когда они одни — это уже не права, это обязанности.

На четвертой полке у меня справочная литература. В хронологическом порядке. Например, хочу узнать, что со мною было в 78-м году. Достāju книжечку за 78-й год, том четвертый из собрания свидетельств о браках. Читаю: Архипова Надежда Ивановна, жена. Если хочу узнать, были ли от нее дети, обращаюсь к собранию свидетельств о рождениях. Том шестой — сын Андрей, 79-го года рождения. Уже большой мальчик. А что с Надеждой Ивановной? Том четвертый, из собрания свидетельств о разводах. Все правильно, развелись. Ушла сама, бросила. С собой захватила лишь сына Андрея. Странная женщина. Она же полбиблиотеки могла у меня отсудить. Не захотела. Гордая. Да просто не любит литературу! Мещанка. Сроду книг не читала.

На пятой полке — разная литература: членский билет общества Красного Креста, билет «Друг зеленого друга», билет «Враг зеленого змия». Эти книжки я редко читаю. Там же — комсомольский билет. Один. Как я сам. Том первый, и он же последний. Я помню, тогда в школе всем нам выдали билеты, и все были какие-то радостные. А из школьного окна был виден зеленый ковер стадиона. Там бежал жеребенок. Он мягко ступал копытцами в траву и встревоженно ржал. Мать потерял, что ли? А рядом со мной за партой сидела девочка. Я ей нравился. Она затаенно поглядывала на меня... Какая чепуха!

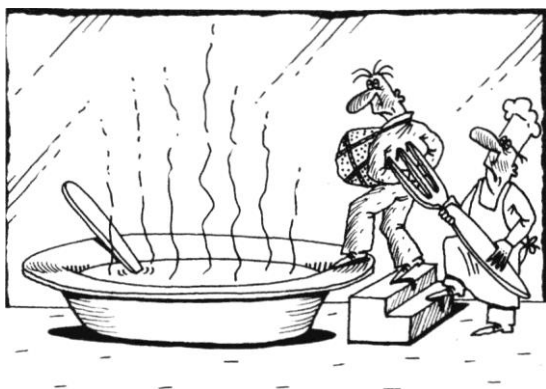
Обращаюсь к классике. Листаю любимые страницы, читаю любимые строки: расход, приход, остаток...

В буфете

- Скажите, где буфетчица?
- Я буфетчица.
- У вас газировка свежая?
- Свежая.
- А почему осадок на дне бутылки?
- Он тоже свежий. Вчера только выпал.
- А кофе свежий?
- Конечно, воду только что сменила.
- А гущу не меняли?
- Гущу — нет, она еще хорошая, на четвертой воде, а кофе натурального цвета.
- А пирожное свежее?
- Свежее, видите, даже пальцем проткнуть можно. Палец по щиколотку входит, видите?
- Вижу, спасибо. А булочки свежие?
- Свежие.

- Почему они о прилавок стучат?
- То прилавок твердый. Обещали поролоном покрыть, но не покрыли.
- Дайте помидоров... гнилой выбросьте, он гнилой.
- Ну и что, что гнилой? Просто поспел сильно. Там и хороший есть. Он вам после гнилого еще слаще покажется.
- Не надо помидоров. Арбузы спелые?
- У нас все свежее и спелое.
- Тогда не надо арбузов. Лучше скажите, почему у вас чай холодный, а компот горячий?
- Зато у нас винегрет горячий, а суп холодный.
- А суп с чем едят? Что-то хлеба не вижу.
- Хлеб не подвезли. К супу могу предложить пирожки с повидлом. А что это вы все спрашиваете, а ничего не берете? Вы мешаете работать. Люди стоят, есть хотят.
- Да, действительно, дайте сигареты... Почему на чеке «спасибо»?
- Это слово продавцы не выговаривают. Проходите, не мешайте работать.
- Извините, можно пирожок с мясом?
- С мясом кончились, есть с рыбой. С мясом будут завтра.
- Тогда я завтра и зайду, зачем перебивать аппетит сегодня?

Спортсмен в законе

Я всегда был за спорт. За большой, когда в «Адидасе» с лампасами, на лыжах. И за массовый, когда босиком и без лыж. Без чешек, без кед, но — массово!

Как раз летом наш физорг вербовать нас начал. На малую, говорит, олимпиаду. Мне, говорит, массовость нужна — сто процентов. Мы, конечно, возражаем, какие к черту спортсмены — бухгалтера, учетчики. А он угрожает 13-й зарплатой. И вообще, говорит, на этот раз не увильнете.

Кошкина в теннисисты записал. Кошкин кричит, я не знаю, что в теннисистах делают! Он ему объяснил:

— Научу. Ты, Кошкин, только подачи делать будешь. Шарик подбросишь до потолка, противник голову задерет вверх, а ты — из кармана второй шарик — чик! И есть очко.

— А на его подачах что делать?

— Это не твоя забота. У нас Кузькин будет под потолком замаскирован. Противник — шарик вверх, Кузькин — шарик в сачок, а противнику сверху — бильярдный.

В общем, натаскал нас физорг теоретически. А в воскресенье мы вышли практически на старты.

Ядро у нас толкал кассир Комарихин. Его в армию за мелкий рост не взяли. Но удивил он нас толчком замечательно. Он вышел и ка-ак толкнул! Ядро — на месте, а он — на десять метров в кусты. Мы его всей командой из кустов выцарапывали. Толчок засчитали, потому что в правилах не оговорено. Физорг Комарихина зеленкой смазал и говорит:

— Да ты прирожденный атлет. Давай заодно и молот метни.

Ну, Комарихин после толчка уже мало что соображал и взялся за молот. А раскрутить не может. А физорг у нас здоровый парень, говорит судье:

— Я помогу ему раскрутить, а бросать он сам будет. Физорг взял Комарихина за талию и вместе с молотом раскрутил до невозможности. Кричит Комарихину:

— Отпускай молот!

А Комарихин лямку на руку намотал, а размотать не может. И естественно, Комарихин из рук физорга выскользнул. И полетел с молотом. Упали они с молотом в опилки. В сектор для прыжков в длину. Судьи в секторе удивляются, мол, туч нет, а люди с неба падают. Нет-нет да и капнет. К дождю, что ли?

А Комарихин уже в азарт вошел, понравилось в лучах славы купаться. Говорит судьям:

— Я не с неба. Я в длину упал прыгать.

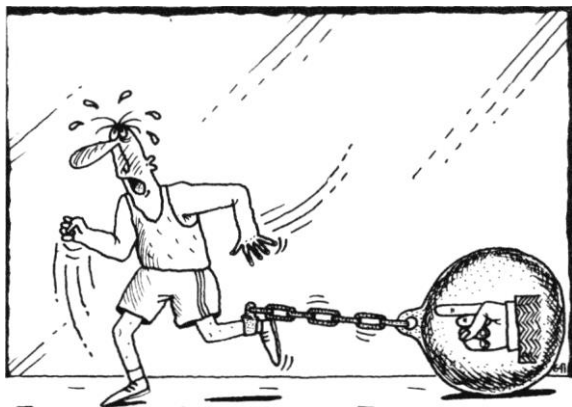
Отцепился он от молота — и в разбег. С разбегу он решил в длину. Разбежался, прыг! А навстречу ему встречный ветер. Конечно, Комарихина без молота отдуло. И посадило туда, откуда прыгнул. Повели Комарихина на другую попытку. Он говорит:

— Чтоб меня не сдувало, надо меня утяжелить.

Дали ему мешок с сахаром. Он попробовал на вес и говорит:

— Туда бы еще килограмм десять добавить надо. Дрожжей.

Добавили дрожжи.

Комарихин закинул мешок на загривок и разбежаться начал. Таковую скорость набрал, мы думали, метров 12 скакнет. А он пробежал по сектору и исчез в неизвестном направлении. Даже на работу до сих пор не выходит.

Но разбираться с Комарихиным некогда было, потому что как раз в сектор для толкания ядра вышла наша Мила Марусина. В жизни она дверь с трудом открывала, а тут выпало на ее долю ядро.

Физорг перед самым толчком к Миле Марусиной ее мужа подвел. Для обнюхивания. Мила как только его понюхала, сразу закричала:

— А ну дыхни!

Он дыхнул.

Разъярилась Мила до безобразия. За что попало стала хвататься, даже за ядро. Физорг мужика Милиного в сектор поставил. За отметку мирового рекорда. И сказал Миле Марусиной:

— Кидай!

Мила кричит на своего мужика:

— Ах ты, ядрена-зелена, я тебе покажу!

И толкнула ядро.

Ядро отметку мирового рекорда пролетело и свистит прямо в мужика. А тот стоит хоть бы что. На грудь ядро принял. Ядро, конечно, сплющилось, а мужик, конечно, расстроился. Говорит:

— Вот всегда так. Обязательно в грудном кармане чем-нибудь да разобьет бутылку.

А в бассейне прыжки на дальность ныряния проходили. Там у нас мощный мужик выступал. Петя из ЖКО. Правда, плавать он не умел. Но физорг ему объяснил:

— Нырять — не плавать. Нырять — это все равно что тонуть, но с возвратом.

Петя сомневается. Жутко, говорит, в первый раз в воду прыгать. А физорг его страшает:

— Ты представь, что тебя начальник ЖКО с его женой застукал.

Петя как сиганул в воду, даже раздеться не успел. Бассейн у нас 25 метров. А Петя нырнул на 35. В женской раздевалке вынырнул.

А вот в высоту мы не очень высоко прыгнули. Бухгалтер там у нас выступал, на полтора центнера весом. Планку он на метровой высоте сбил. Зато при приземлении вошел вглубь на два с половиной метра.

После соревнований я подумал, большое дело — спорт. Особенно когда массово!

Невеста в шляпе

Вот мода! Замучила. Даже в такие старинные обряды, как свадьба, залазит и диктует. Сейчас невесты все в шляпах идут. Держатся браво, непринужденно. Вроде как за буханкой хлеба вышли. Почему от фаты отказались? Говорят: фата — это безнравственно. Вот шляпа — это да! Невеста в шляпе, жених — в лапе.

Я думаю, дай тоже соригинальничаяу на своей свадьбе. Невеста у меня в пилотке была. В солдатской. А китель у нее был офицерский, а галифе — чуть ли не от генерала. Сапоги — кирзовые, 42-й размер.

Я — в костюмчике мешковатом, плечи как у рыцаря. Через плечо — полевая сумка. В сумке свадебный инструмент и принадлежности: алюминиевая проволока, плоскогубцы, разводной ключ, кусачки.

Вахтер в загсе говорит моей невесте:

— Товарищ офицер, вас с этим молодым человеком не зарегистрируют. Шибко он на мужчину смахивает.

Мы успокоили вахтера, говорим, не волнуйтесь, папаша, документы у нас в порядке.

Встали мы на ковер для регистрации, заведующая загсом даже глазом не моргнула, видать, понавидалась всякого. На всякий случай, правда, сказала:

— Согласны ли вы стать мужем и женой?

Невеста моя:

— А чего не согласны то? Завсегда согласны.

И я говорю, мол, не возражаю, раз уж пришли.

Заведующая торжественно:

— Объявляю вас мужем и женой. Только которого женой, а которого мужем — сами разбирайтесь. Обменяйтесь подарками и кольцами.

Я достаю из полевой сумки свадебный инструмент и принадлежности: проволоку алюминиевую, плоскогубцы, кусачки. Кусок проволоки откусил, закрутил на палец невесте колечко. Плоскогубцами. Потом она мне закрутила. Потом мы подарками обменялись. Я из полевой сумки достал сережки ввинчивающиеся и разводной ключ, чтобы удобней ввинчивать было. Сережки я сам выточил на токарном. Резьба М5. В левое ухо невесте сережка в аккурат вошла. От руки почти всю вкрутил. В конце два оборота ключом разводным добавил, и все. Чтоб надежней сидела. С правым ухом неувязка вышла. Сережка так туго шла, что резьба сорвалась. Но я все равно закрутил. На всю жизнь подарок.

Она мне тоже подарок сделала — комплект теплого белья. Мама невесты сразу подбежала, бельишко к плечу прикинула, говорит, о, почти в аккурат. Тут же мелком подчеркнула, где убрать, ниточкой наживулила, ножницами подрезала. Пока заведующая брачный приговор нам читала, мама невесты уже швы у бельишка наметала.

Из загса вышли мы с невестой — ей случайная рога солдат честь отдала. Мне приятно — уважают невесту. Потом в ресторане веселились. Официанты спрашивают, а невеста где? Почему жених весь вечер с офицером целуется?

Утром на следующий день мы с невестой опять в загс пошли. Разводиться. Невеста офицером оказалась. На самом деле. Его, говорит, распределили, где невест не бывает, и дали сутки на свадьбу. Парень он молодой, безусый, на меня нарвался и по-шустрому дело обтяпал. А мне просто делать было нечего, думаю, а, женюсь на такой оригиналке, ведь в галифе же, причем в загс сразу тянет, значит, женщина. Познакомились, я — Шура Белан, она, он то есть — Женя Черных. В глаза друг другу посмотрели, закурили, голос у обоих сипловатый, думаем друг о друге — чем не невеста? Вот так и ошиблись оба.

ОНО

Привет, Иван!

Теперь я знаю, кого винить в моей нелегкой судьбе. Во всем виновато ОНО.

Перед моим отъездом ты спросил, чего мне еще надо? Ведь я директор мясокомбината! Да, я был директором. И тебе, Иван, жилось со мной хорошо. Да и мне с тобой — тоже. Ведь ты директор ликеро-водочного. Как

нам жилось! Вспомнить страшно. Хотя вкусно было и весело. Так дернул же меня черт написать в то время заметку в стенгазету. Только я ее написал, ОНО сразу взяло меня за горло. Я вторую написал, третью — и пошло.

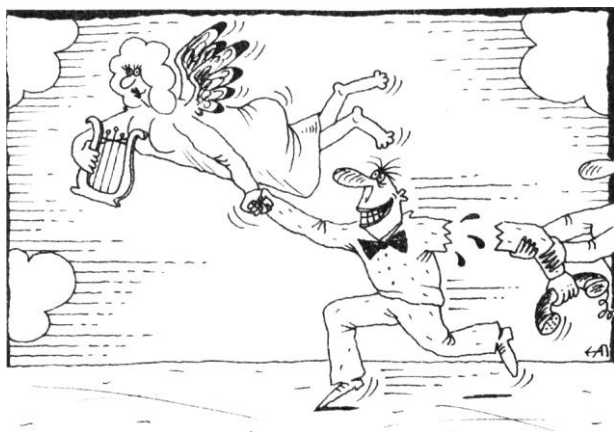
Если бы ты знал, что ОНО со мной натворило! Сначала погнало меня в многотиражку корреспондентом. Не поверишь, я, убойным весом в сто двадцать килограммов, брал интервью у шестидесятикилограммовых инженеров. У молодняка, у перволетков!

Потом ОНО же заставило меня подать документы во ВГИК. Ты видел когда-нибудь директора мясокомбината в читалке? Скажу, что директоров ликеро-водочных там тоже не густо. Но меня там видели.

Во ВГИКе я пахал, как на каторге, а ОНО погоняло меня кнутом, выкручивало руки и толкало вперед. Только вперед! Во время дипломной работы ОНО совсем озверело. Итог ты знаешь — Главный приз на кинофестивале в Семипалатинске.

Я конченный человек, майкопскую колбасу от столичной уже не отличу. Мне говорят, я знаю жизнь. Поработали бы на мясокомбинате, тоже бы узнали.

Я часто тоскую по родному Оймякону, шатаюсь по Красной площади. А ОНО, коварное и злое, толкает

меня на новые замыслы. Так кто же ОНО такое? Какое ОНО имеет право так издеваться над человеком? Скажу честно, Иван, я ЕГО ни разу не видел. Но ОНО есть! Иначе я бы не докатился до всех этих безобразий.

Прошу тебя, Иван, хоть ты побереги себя от НЕГО.

Не пиши!

Не думай!

Не тоскуй!

Наслаждайся!

Поцелуй от меня карбонад, охотничьи сосиски и буженину.

С приветом.

Твой Степан.

Так нельзя!

Монолог

инженера по технике безопасности

Я смотрю, вы тут День города прямо на улице учинили. В разрез с правилами техники безопасности. Додумались — концерт артистов с понтонной эстрады на пруду. Это неслыханное самоуправство. Я тут замечания свои набросал и даже отпечатал. В ВЦСПС второй экземпляр пойдет. Понтон же может спустить и затонуть. Может, там какой вредитель уже сверлит дырку под водой. Мало ли хулиганов. Им только сверло дай, они весь понтон продырявят.

А шквальный ветер... Налетит, и понтон из Свердловска — в открытое море. И артистов с понтона сдует. Их сдует, а в пруду хищные рыбы. Всех перекусают. И ходи тогда, колись от бешенства. 40 раз.

А где же промышленная санитария среди артистов? Вот эти из музыкальной комедии — они же целуются на ветру. Они же на глазах у зрителей зарабатывают простудное

заболевание. Хорошо — простудное. А если что другое? Сейчас всякая зараза ходит. Вспотел, поцеловался — и хорош. А вакцины нету.

Додумались — люльку с диктором телевидения и конференсье подвесили над водой на кране. А если люлька оборвется. Вы спросили их — они умеют плавать?.. И летать?

А вдруг этот кран сломается, и током их дернет. Или — гроза! И шаровая молния. Прямо в глаз. Да любая хищная птица будет считать своим долгом клюнуть диктора в люльке. Хорошо — просто клюнет. А если она его из люльки вообще унесет? В гнездо? Ведь у этой птицы птенцы. Кушать хочут. Кто нам потом по телевизору новости читать будет?

А зрители? Они же под открытым небом. Вдруг дождь. Или град. Величиной с яйцо. Всех же перебьет, как на Бородинском поле.

А гигиена труда?! Почему певец так широко рот открывает? Ведь малярийный комар только этого и ждет.

А что скажет Господнадзор — наши любимые пожарники? Тут двое влюбленных на эстраде так друг на друга смотрели, что между ними возникла даже не искра, а дуга! В таких случаях анод от катода надо срочно изолировать. А у вас эти влюбленные целую минуту дугу

держали, чуть всю сцену не пожгли. Если по сценарию так положено, согласуйте его с Госпожнадзором. И если нельзя без этого — пусть между влюбленными стоит наблюдающий. С ведром воды. При возгорании плеснет.

Ну нельзя же так безответственно. Где разрешение Котлонадзора на ваш концерт? Вы думаете, когда певец поет, в нем давление 120 на 70 в миллиметрах ртутного столба? Вон он как пыжится, кожилится. Я сам манометром этих певцов замерял — в них давление до 15 атмосфер, как в котле. Особенно у оперных. А ваш певец такое давление выдержит? У него справка от Котлонадзора есть? А вдруг не выдержит? И авария. Взрыв. Ударная волна. Катастрофа. Кто жертвы считать будет? Ни одного бухгалтера с красной повязкой. Где сандружина? А план ГО у вас отработан? На случай взрыва певца. Вижу, что не отработан. А какая же песня без плана ГО? Куда же вы эвакуироваться будете после песни?

А музыканты? У них же электрогитары — электро! А допуска к работе на электроустановках до тысячи вольт — нет. Вы думаете, у него ток из гитары в усилитель идет? А я видел, что наоборот — из усилителя в гитару. Потому что вон он как прыгал, дергался, корчился. Это же его током било!

И ведь ни один из зрителей не выбежал, не помог, не сделал ему искусственное дыхание «рот в рот». Потому что плохо у нас с оказанием первой помощи пострадавшим.

Как же вы не понимаете, что вот так праздновать День города нельзя. Я категорически против.

Я так понимаю. День города — сиди дома. Свет придушил, из розеток все выдернул и сиди жди звонка. Позвонят, скажут, когда радоваться. И как радоваться. Сильно или так — средне.

А так — нельзя!

Полетел Коля

Ну все! Я жена почти космонавта. Коля, муж мой,— без пяти минут космонавт. Правда, он пока бухгалтер. Отчеты, ведомости. Но стал говорить: «Похоже, скоро полечу». И на звезды смотрит. С тоской.

Я его спрашиваю, ты один полетишь? Он говорит:

— Похоже, не один. С директором. А может, он и не полетит, удержится. Тогда придется одному.

А я думаю, как же он один? Без меня? Он же все перепутает. Не в тот отсек залезет, скафандр не туда надеет, на связь не с тем выйдет. Нет, я с ним должна лететь. Я буду — по хозяйству, а он — научные эксперименты. А если он не в духе, я и в экспериментах могу участвовать, на связь с Землей выходить. Я прямо уже вижу, как врач с Земли соединяется с нами и спрашивает:

— Как вы себя чувствуете?

А я отвечаю:

— Не знаю, самой интересно. Сообщите мне, как вы меня чувствуете?

Врач сообщает:

— Я вас чувствую прекрасно. По приборам.

А я отвечаю:

— Правильно, я себя чувствую тоже удовлетворительно. Так и сообщите всем.

А врач с Земли снова спрашивает:

— А как себя чувствует Коля?

А я говорю, Коля, как ты себя чувствуешь?

Коля отвечает:

— А зачем?.. Зачем мне себя чувствовать... когда датчики есть. Пусть они меня и чувствуют. Мой рабочий день закончился.

Он у меня такой! Уж если лег, его не трожь. Нагрубит руководителю полета.

Мы бы с Колей провели эксперимент объяснения в любви в условиях невесомости. Я прямо вижу, как говорю

в кабине корабля: «Коля, я тебя люблю». А слова повисли в воздухе, как авторучки. А я так — ффу-у — их Коле в ухо. А слово «люблю» взяло и упорхнуло к иллюминатору. И начало просачиваться в космос. А я кричу: «Коля, лови». Он — хап! — и поймал его, и в левое ухо вставил. А слово взяло и вылетело в правое. Тогда Коля зажал уши руками и обработал поступившую информацию. И заулыбался, и глаза зажмурил, и бровями задвигал.

Я прямо вижу, как мы с Колей отдыхаем после экспериментов. А тут подлетает почтово-багажный корабль с продуктами. Колбаса, масло по две пачки в руки. Я смотрю, гречки нет. По радио соединяюсь с Землей:

— А гречка, гречка где?

Мне отвечают:

— В соплах второго и четвертого двигателей.

Я достаю, а она уже готовая. Отличный гарнир. Мы с Колей открываем шампанское, и пробка в бисере брызг плавает по кабине. И вдруг неожиданно появляется один поцелуй, потом — другой. И вот поцелуи летают по кораблю косяком и уходят через закрытую форточку в открытый космос. Там они становятся искусственными спутниками Земли. За кораблем в холодном космосе тянется хвост горячих поцелуев.

Все дни только об этом и мечтала. А Коля все твердил с тоской: «Похоже, скоро полечу».

И вот понес он на работу какой-то отчет и сказал:
— Похоже, сегодня и полечу. Вот с этим отчетом.
А вечером вернулся и говорит:

— Все, полетел.

Я спрашиваю:

— С директором?

— Нет, один.

— А что так быстро вернулся?

Он говорит, с работы я полетел.

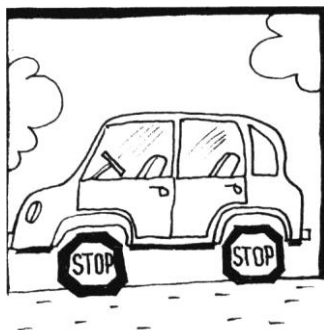
Я сразу поняла, что больше я не жена космонавта.
Опять он все перепутал — не туда полетел. Ну, ничего.
Не туда полетел, зато быстро вернулся.

В курортный город Билимбай

Когда я его купил (его — это «Запорожец»), жена накрыла на стол, и мы сели обмывать машину. Я разлил по стаканам простоквашу и осушил свой стакан залпом. Жена смаковала напиток маленькими глотками.

— Хочу путешествовать на своем авто,— размечталась она.

— А куда ты хочешь? — спросил я, глядя на ее белые от простокваши губы.

— Во Францию.

— Губы вытри. Говорят, там плохо с запчастями к «Запорожцам». Поэтому случись что — и обратно не вернешься. Давай лучше на выходные в Билимбай махнем. Всего семьдесят километров и плюс пруд. Глядишь, какой-нибудь язь и клонет в невод.

Мотор ревел, ветер свистел в ушах, из глаз вышибало слезу, но мы стояли на месте. Машина никак не желала трогаться. Выехали мы специально пораньше, в пять утра, а тронулись с места только в семь вечера. Зато какое это было наслаждение! Автомобиль сам, без посторонней помощи ехал по улицам родного Свердловска. Через какие-то пять-шесть часов мы уже были за городом возле поста ГАИ. Постовой рукой предложил нам остановиться, козырнул и спросил:

— Почему — задом?

Ответить я не успел, потому что не мог остановить машину. Правда, скорость была невелика — около двух километров в час. Постовой шагом догнал нас и повторил вопрос:

— Почему едете задом наперед?

Я ответил:

— Зато мотор едет впереди, как у всех машин.

Сотрудник подложил полевую сумку под колесо, и машина остановилась.

Жена сказала ему:

— Мы и так кое-как тронулись с места, а вы сумки в колеса вставляете. А еще в фуражке.

Я ее успокоил:

— Не шуми, Констанца, все равно пора располагаться на ночлег. Самим нам было бы не остановиться.

За будкой ГАИ мы разбили палатку и из нее любовались огнями родного города. Был хорошо виден и наш высотный дом на пригорке, и даже светящиеся окна нашей квартиры. Только было непонятно, почему в квартире горел свет, если мы были уже за городом? Но

это никого из нас не интересовало. Главное, что путешествие началось.

Утром машина не завелась. Постовой ГАИ на «Волге» взял нас на буксир, чтобы завести с ходу. Я думал, бесполезно, но — нет! «Запорожец» наперекор всему чихнул, я сказал ему «будь здоров» — и он взревел мотором. Потом машина резко дернулась, вздыбилась на задние колеса, сорвалась с троса и понеслась вперед, как самолет перед взлетом.

Лично я видел перед собой только вздыбленный капот и утреннее небо с полурастаявшей звездой. Слышно было, как в приподнятое днище бьются неловкие комары и ловкие ласточки. Хорошо, что под задние колеса попало что-то большое и мягкое. Машина встала на четыре колеса, но скорости не сбавила, хотя я тормозил всеми имеющимися на борту средствами.

Я ехал и размышлял, почему железнодорожный переезд остался позади, а шлагбаум продолжает оставаться впереди. Жена посмотрела на шлагбаум на нашем капоте и сказала:

— Не лихачь, Клим.

— Хорошо, не буду. Только ты читай таблички с названиями городов, а то скучно ехать.

— Липецк,— прочитала она.

— Ты что? Это же уже за Билимбаем.

— Воронеж.

— Нет, так нельзя гнать, мы можем случайно задавить какую-нибудь собаку.

В это время на дорогу вышел табун лошадей. Перед лобовым стеклом за долю секунды промелькнуло лошадиное туловище, копыта и голова с огромными глазами. Все осталось позади, но наш «Запорожец» почему-то начал чертить по асфальту брюхом. С крыши в боковое окно свесилась лошадиная голова с огромными глазами и внимательно меня осмотрела. Значит, мы везли на крыше кобылу. А может, мерина. Лошадь пожевала губами и укусила меня за плечо. Я закричал. Жена в другое окно схватила лошадь за копыто и пощекотала его. Лошадь заржала и спрыгнула на землю. Машина приподнялась над дорогой, продолжая мчаться дальше.

— Краснодар,— прочитала жена.

— Ты посмотри, как быстро. Надо было хоть в Москву заеха...

Табличка со словом «Анапа» плавала около нас в море. «Запорожец», вероятно, пошел ко дну, а может, поехал дальше.

Когда мы уже сидели на камне, жена, отжимая платье, сказала:

— Клим, у тебя хорошо получается, но все-таки тебе надо сдать на «права».

Я с ней согласился, и мы пошли покупать билеты на обратную дорогу.

Передача

*Трое мужчин-гинекологов беседуют.
Один прервал беседу:
— Ну что мы все о работе да о работе?
Давайте поговорим о женщинах.*

Роддом! Цитадель материнства! Выходят молодые мамы со свертками-кульками и передают их молодым папашам. А в кульках — люди. Маленькие людишки. Но может быть, потом кто-нибудь из них великим будет. Как Пушкин. Ведь его когда-то так же выносили. Как рядового младенца. А сейчас он как вымахал?! И продолжает расти. На фоне остальных.

В этот роддом я хожу. Уже третий день. Дочка у меня там. Должна родиться. Но родится назло мне сын. Это я знаю и учитываю. И специально хочу дочку, чтобы назло мне родился сын. Когда он родится, то все будет так, как я хочу.

И вот сегодня свершилось. Бегу в справочное и спрашиваю у пожилой женщины в халате:

— Кто?

— А вам кого надо?

— Дочку,— говорю специально, чтобы назло мне сказали: «А у вас сын».

— А у вас дочка и родилась.

— Не может быть! Назло мне сын должен был родиться.

— Не-ет. Зачем назло? Вот тут написано: девочка, вес — три двести. Три килограмма двести граммов девочки.

— А рост какой у моей девочки?

— Что-й?

— Длина, говорю, высота какая?

— А-а... 53 сантиметра.

— Ух ты! Какая длиннющая! Это в кого это она такая Джомолунгма? Пять-де-сят три сантиметра. Над уров-

нем моря. Интересно. Я в ее годы 52 сантиметра был, а жена — 51. Странно.

Ну да ладно. Пошел я домой. Сосед мой, как узнал, что свершилось, закричал «Ура!» от радости. Ну, наконец-то, говорит, а то я уж измаялся. Третий день, как на иголках. Какой вес девочки-то?

— Три двести.

— Вот. Давай. Три по двести. Хорошо. Хороший вес. Больше и не надо, а то завтра на работу.

На следующий день после работы пошел я в роддом на свидание с Нюрой. Оказывается, лежит она в 906-й палате. Это высоко, девятый этаж. Мне сказали, что с женой можно пообщаться или по телефону, или через окно с улицы. Но если я ей по телефону из справочного звякну, это ж будет официальщина. «Алло, вы меня слышите?» — «Нет, не слышу». — «И я вас не слышу. До свидания». Нет, надо через окно попробовать пообщаться, так сказать, тет-а-тет. Подхожу я к окнам — мать честная! Там народу, как на демонстрации. И все кричат в эфир свое, сокро-

венное. Как же мне Ньюру-то вызвать, чтоб она в окно выглянула? «А ты камушек в окно брось, она и выглянет»,— посоветовал мне маленький мужичок. Нашел я камешек и бросил ввысь. Однако высоко окно, промазал я. А попал в окно 907-й палаты. Да и то не повезло. Разбил я окошко-то. В пробоину сразу высунулась чья-то счастливая разгневанная мать и гаркнула вниз:

— Кто хулиганит?!

Меня на свободный пяточок вытолкнули, сами расступились и пальцем показывают: «Вот он».

Счастливая мать сверху спрашивает:

— Ты что, очумел?

— Да не очумел, а Ньюру мне из 906-й палаты надо. Позовите, пожалуйста, чтоб она выглянула.

— Счас. А окошки-то зачем бить?

Скоро выглянула Ньюра. Я кричу:

— Нью-ра!

Она не видит и не слышит. Высоко. Народу много. Я еще громче:

— Нью-ра! — и руками размахиваю.

Она наконец заметила.

— Кто у нас? — кричу так, для разговора.

— Мальчик.

— Какой мальчик? Ведь у нас девочка.

— Хорошенький. Восемь двести. Ростом — метр. Весь в тебя, Виктор!

— Какой Виктор? Я же Валерка твой. Ньюра, что с тобой? Ты меня не узнаешь?

Наконец я разобрался, что не моя это Ньюра. Ну разве определишь на такой высоте, где чья Ньюра?

— Ньюра? Ты мне Ньюру позови. Мою. У которой девочка.

Наконец высунулась моя Ньюра. Покричали мы с ней, поговорили, пошептались, пошушукались. Но слышимость неважная. Тяжело беседовать в такой крикливой обстановке. Я решил заканчивать. Крикнул ей:

— Передачу принимай!

Она опустила мне бельевую веревку. Я привязал к веревке рюкзак с продуктами, и она потащила его наверх.

Вы спросите, а почему не через окошечко в справочном? Отвечу. Там не все принимают. Часы не принимают. Книги и колбасу не принимают. А Нюра моя без книг и колбасы не может. Не живет.

Я стою и смотрю, как она передачку тащит. Вдруг на четвертом этаже распахивается окно, высовывается солидная женщина в белом халате и хватается руками рюкзак мой. Я кричу: «Нюра, тяни! А вы, тетенька, отцепитесь, это не вам передачка». Ну, думаю, себе же заберет и съест. Но санитарка эта будто и не слышит меня. Вцепилась в мешок и кричит: «Нельзя так передачи передавать. Это незаконно!» А что это значит — незаконно? У нас что, постановление Верховного Совета по этому вопросу было? Не было. Значит, все законно.

— Нюра, тяни!

Я смотрю, Нюре уже другие женщины помогают. Тянут дружно. И вытянули санитарку из окна. А она за рюкзак держится, болтается на ветру и кричит: «Нельзя!» Под окнами посетители стали скандировать: «Раз, два — взяли! Еще взяли!» А женщины во главе с Нюрой дружно тянут. Уже до шестого этажа ту, солидную в халате, дотянули. А она все кричит: «Нельзя!»

Но смекаю я, дело жертвами пахнет. Быстро скинул с себя пиджачок и мужикам говорю: «Держись по окружности пиджака. Ловить будем санитарку». Как пожарные, натянули мы пиджак и этой голосим: «Отпускайтесь, мы вас в пиджак поймаем!» А она хоть и продолжает трубить «Нельзя, нельзя», а на пиджачок стала все-таки прицеливаться. Мы внизу приготовились, взялись покрепче... и пиджачок-то мой треснул. По швам. Мы в разные стороны рассыпались. У меня в руках только карман от пиджачка остался. Левый. В нем деньги. Я этот карман быстро в карман брюк засунул и смотрю вверх. Там, видимо, еще подмога подошла. Втащили они все же мою передачку. Уж так я переживал за нее. И эту, в халате, тоже втащили. Она прямо из окна всем спасибо сказала, за поддержку. И женщин там наверху громко благодарила. И искренне. Даже передачку у Нюры забыла изъять. Зна-

чит, сегодня на ночь Нюра обеспечена продуктами. Там в рюкзаке бидон молока, булка хлеба и палка колбасы. И девочке моей, малютке, баночка литровая со снедью. Я пельмени ей сварил. Из редьки. Они вкуснее, ретешные-то.

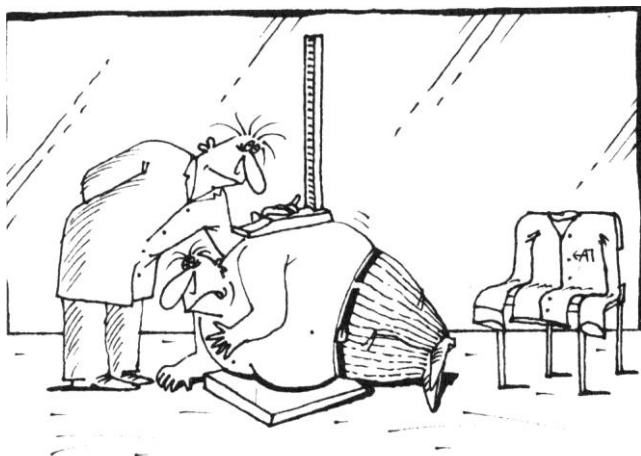
Похудей сам

Приходит ко мне в гости товарищ мой, Стас, и с порога объявляет голодовку. Мне объявляет, но голодать будет сам. Для того, чтобы похудеть. Ну, раз такое дело, я за стол его приглашаю. Он, естественно, отказывается. Я сижу ем, он сидит худеет. Потом слюни проглотил и предлагает:

— Давай вместе худеть.

Я — наотрез. Люблю завтраки, обеды и ужины. Тогда он спрашивает:

— А от сауны ты не откажешься? Там голодать не надо, а вес можно сбросить. Я буду комплексно худеть — от пустого желудка и бани. А ты — однобоко, только от бани.

Пришли мы в сауну, сразу взвесились. Стас весил сто, я — пятьдесят с веником. Веник я связал из декоративной березки, чтоб сохранить дикую природу. Березка у нас в углу в горшке стояла.

Заходим в парилку. Жара тело начала иссушать. Потекли килограммы. Человек, как огурец, из воды в основном состоит. Посидели, думаем — пора в бассейн. Стас нырнул, как акула с палубы упала. Я тоже бросился. Да не рассчитал. Я, оказывается, плавать не умею, а бассейн хоть маленький, но глубокий. Меня слегка скрывает. Начал я захлебываться. Стас вылез и ушел, а я стою под водой и думаю, что же делать? Тону ведь. Пришлось отпивать воду из бассейна, чтоб уровень упал. Отпил с ведро, носом взял воздух и дошел до лестницы. Вылез — до слез обидно. Сидел худел и на тебе — обратно напился. И вода не первой свежести.

А дома, после этой бассейновой воды, на меня жор напал. Ем, не могу остановиться. Барана за день съедал.

Через несколько дней снова пришли мы в сауну. Стас взвесился — восемьдесят. Я взвесился — тоже восемьдесят.

Без веника. Веник жена не дала. Сказала, может, отрастет, если обратно в горшок поставим. Да где отрастет, говорю, если ты об меня его весь обломала? Но она все равно не дала.

Заходим со Стасом в парилку — на глазах худеть начали. Потом в бассейн. Я аккуратно по лестнице спускаюсь. Прохладная вода выше, выше, уже шею ласкает. Держусь за лестницу, наслаждаюсь. Но хочется и голову погрузить. Погрузил. И такая истома под водой получилась, что я непроизвольно улыбнулся. Вода в рот хлынула, литра три глотнул. Ну, надо же! Кто мог ожидать, что оно само под водой улыбнется? А дома опять после этой бассейновой воды жор стабильно держится. Ем, как волк.

На третий раз я этого бассейна боялся, как огня. Вдруг опять что-нибудь случится — совсем потолстею. Стали взвешиваться. Я как на Стаса глянул, так сел на диванчик. Худой, аж просвечивает. Он как на меня глянул, так стойку принял. Я в тяжеловеса превратился. Он встал на весы — пятьдесят килограммов. Я встал — сто килограммов. С веником. Жена отдала его обратно, сказала, не отрастает.

Моцион в парилке прошел удачно. Бассейн я принял в противогазе. Предохранялся на случай улыбок. Все шло прекрасно. Но тут в раздевалку заходит банщик и спрашивает:

— Кому холодное пиво?

Я зубы стиснул, сижу, а рука сама к бумажнику протянулась, деньги достала и шесть бутылок купила. Я руку эту прямо возненавидел. Думаю, ничего, это пиво холодное из бутылок с испариной, с пузырьками и пеной лично я пить все равно не буду. Категорически! А рука моя разошлась не на шутку, бутылки начала открывать. И вторая туда же. Помогает ей. Да еще в стакан наливает и к губам сухим, горячим полный стакан холодного пива подносит. Нос в пене утонул, губы мои открылись, рот глотательное движение начал делать, и все пиво само собой вылилось. Взвесился я — сто три килограмма без веника. Потому что выбросил я его и в баню решил больше не ходить. Думаю, к бане в следующий раз подойду, Стаса встречу и скажу ему, все, спасибо, я уже похудел, хватит.

Пришел я в следующий раз в баню, а Стаса нет. Пронзила меня мысль, а вдруг он уже похудел? Насо всем. Навсегда. И лежит дома.

Схватил такси, приезжаю к Стасу. Звоню — не открывает. Ну, думаю, точно, похудел. Пригласил понятых для взламывания двери. Вынес ее вместе с косяком. Не зря хлебал воду из бассейна. Пробежал по квартире — нет Стаса. Может, родственники какие уже увезли? Отпустил понятых, сел на кровать и задумался. Сижу и думаю, что же это сидеть так неудобно, твердо, как будто на жердине? Открываю одеяло, а там —

Стас. Еле просматривается. Я лоб его пощупал — еще теплый. Как валенок. Значит, спит. А проснуться не может. Но губами что-то шепчет. Я ухо подставил и уловил:

— Есть...

Да это он кушать просит! Я сбегал к соседям, набрал в клизму сметану и за щеку Стасу влил. Он очнулся. Меня увидел и говорит:

- Пошли... в баню.

— Иди ты в баню! Ты или жить прекращай, или голодать заканчивай. А в баню пойдём. Вес набирать. Как я. Понял?

Он кивнул и закрыл глаза.

Клещ — не лещ

Товарищи! В период с 1 мая по 31 октября ходить в лес строго запрещается. Говорю вам об этом, как врач. Но могу сказать то же самое, как пожарник. Хотя я все-таки врач.

В этот период вы найдете в лесу мало хорошего. Разве что укус клеща. Они сидят везде, особенно на

березах, в кустарнике, на цветах и других деревьях, доступных человеку. Вы думаете, что вы любуетесь весенним лесом? Нет! Это клещ любит вас. Вы думаете, что слушаете пение птиц и наслаждаетесь кислородом? Нет! Это ядовитое насекомое слушает, наслаждается и подстерегает на каждом шагу.

Я могу привести множество примеров неосторожности граждан, которые сходили в лес. Один товарищ принес из леса веточку сирени с целью подарить цветы любимой девушке. Вы думаете, он подарил ей цветы? Да, цветы, но с кем? Пока он вез эту веточку в троллейбусе, насекомое клещ перекусало всех пассажиров, даже безбилетных, и снова спряталось в цветочке. Этот гражданин привез цветы своей девушке. Укуса не произошло только потому, что эта девушка сначала обработала цветы дустом и только потом их понюхала.

Но допустим, что вам все-таки надо в лес. По работе. Например, поймать зайца для зооуголка. Тогда вы должны соответствующим образом одеться.

В продаже есть водолазные костюмы. Да, летом в них жарко. Особенно если гнаться за зайцами. Но зато безопасно. Заяц и вы останетесь невредимыми. Можно одеться в плащ-палатку, резиновые сапоги и противогаз.

Да, запахов леса вы не услышите, зато вернетесь оттуда непокусанными.

Допустим, что вы все же вернулись из леса. Надо дома полностью снять с себя водолазный и другие костюмы и дать осмотреть себя своим домашним. Если вы живете один, но с соседями — попросите соседей.

Допустим, вы обнаружили на себе укус. Надо осторожно отцепить насекомое, чтобы не причинить ему боли. Иначе оно разозлится — и будет хуже. Насекомых следует складывать в специальную коробочку и хранить.

Допустим, вы все-таки заболели от укуса. Тогда надо немедленно обратиться к врачу.

Допустим, вы обратились, но уже поздно. Врач не принимает. Тогда надо обратиться на следующий день с утра.

Допустим, врачу не удалось вас вылечить, а все прошло само. Тогда тем более ни в коем случае не ходите

в лес. Там вас на каждом грибе подстерегают различные вредные насекомые. Да и грибы вас подстерегают только ядовитые, а также хищники, опасные для здоровья людей. И особенно — клещи.

КОГДА ИДУТ КЛЕЩИ - БЕГИ И ТРЕПЕЩИ!

Чу! Грипп идет!

Тут грипп опять на всех пошел. Выбивает народ из трудовых кресел и стульев. Меня из-за рабочего стола выбил и уложил в постель. Там было время подумать. Ну кто он такой, этот грипп? Какое право имеет поперед холеры на народ лезть? С холерой-то мы справились, а грипп что, хитрее холеры? Я думаю, не в этом дело. Дело в большой контактности. Все норовят в крупном городе жить, в тундру не стремятся. А гриппу это на руку. Один больной в автобусе чихнул — тысяча пассажиров заразилась. Хорошо, что в автобус больше не входит.

В двухкомнатной квартире один больной чихнул — все четыре семьи заразились.

А если б мы равномерно по стране распределились? Рассредоточились? Грипп в затруднении бы оказался. В тундре выходишь из чума, садишься на оленя, чихнул — и никого не заразил. До ближайшего человека — двадцать километров. Не дочихнешь. А в белого медведя чихать не опасно. Ему грипп не страшен. Ты в него чихнул, он в тебя кашлянул — и разошлись. Красота. Все здоровы.

А у нас что? Все лезут в Москву, в Париж. Там, куда лезут, на всех квартир да отдельных кабинетов нестроишь. А если бы рассредоточились? Выходишь из особняка, садишься в лимузин, приезжаешь в изолированный кабинет. Связь только по телефону и селектору. Никаких лишних контактов. По телефону заразиться трудно. Бацилла по проводу не успеет к тебе перебежать. Она уже на телефонной станции заблудится. Это на работе.

И в отпуск надо изолированно от общества уходить. Взял семью и на яхте ушел в открытое море. Кто там на тебя чихнет? Кит? Это не страшно. У него свои болезни, у нас — свои.

Вот так я сижу на больничном и думаю. Потом встал с больничного, пересел на стул. Думаю дальше. Если нельзя без эпидемий, то надо наметить средства борьбы. Я сам как вылечился? Прошел весь курс народных средств. Натер соку лукового в стакан, набрал в клизму и впрыснул в нос. Нос зажал, головой поболтал. Стало лучше. У кого нет клизмы, можно кубик лука сразу — в нос. Ноздрей взял кубик лука, а пальцами сдавил нос, чтоб кубик дал сок соответствующий.

Потом я съел головку чеснока. После чеснока мне стало еще лучше. Но предупреждаю, чеснок надо есть всей семьей одновременно. Ни в коем случае — индивидуально. Иначе домашние вас возненавидят и выгонят на холод.

Потом я стал дышать паром вареной картошки. Надо отварить картошку в кастрюле, кастрюлю поставить на пол в кухне, встать на четвереньки, наклониться над паром лицом и громко крикнуть:

— Жена, накинь одеяло!

Когда она закроет вас одеялом, требуется интенсивно дышать. Этот метод можно усилить, как я. Я взял с собой под одеяло четвертинку, стакан, вилку, огурец. Открыл четвертинку и закусил картошкой. Удобно. Под носом у жены, на кухне, а она ничего не подозревает.

Она с меня одеяло сняла, как Кио во время фокуса, я сижу—совсем другой человек. Веселый и здоровый. Она говорит:

— Вот это фокус. И картошку всю съел.

Весь курс лечения я закончил тоже народным средством. Жена сказала, жги тряпку и дыши дымом. Я поджег тряпку и стал дышать. Ох и гадость! Я даже уснул от возмущения. Проснулся от ударов тряпки по мне и крика жены:

— Ты что сжег, идол? Ты пеньюар мой сжег. И изнюхал.

Но это издержки. А в целом — помогло. Сегодня как огурец, на работу вышел. Весь грипп как рукой сняло.

Начинающий охотник

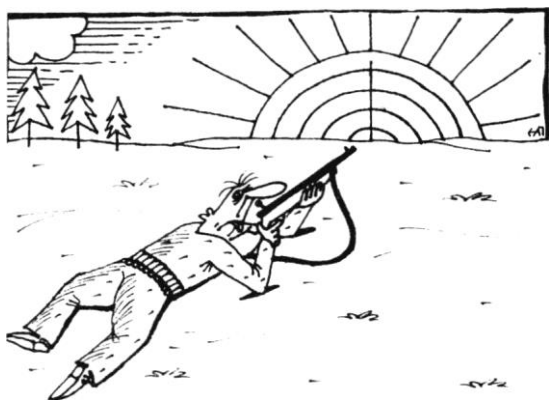
Я купил ружье. Все по закону. Отдал за него столько, сколько стоит лось, заплатил взносов, сколько стоит кабан, и пошел на зайца.

Я еще из города как следует не вышел, еще в лес как следует не углубился, а он уже бежит. Заяц. Наглый, как за прилавком,— бежит и в глаза смотрит. Что делать? Начал отстреливаться. Заяц — прыг в сторону и встал на круг. Ну все, теперь не уйдет. Теперь — кто кого выматает. Зайцы в опасности по кругу ходят. Он впереди — по сугробам, я — за ним на лыжах. Первый круг он обозначил километра на три. Остальные четыре круга я гнал его след в след. Смотрю — настигаю. Заяц запыхался, передышки делает. Только стал я его на мушку брать,

он, подлец, взял и сошел с дистанции. И зашел в крайний домик в пригороде. Я — стучать в ворота. Кричу хозяину, мой заяц у вас убежища просит, выдавайте животного. А хозяин:

— Да это мой. Кролик. Я его выгуливать выпускаю. Вы сегодня третий охотник до моего кролика.

Расстроился я. Что же это, 15 километров я чужого кролика выгуливал? Но ничего. Снова выхожу за городскую околицу и сразу замечаю их. Ох, матерые. Волки! Трусят по опушке, впереди — самый матерый. Вожак. Вот зверья развелось... К городу вплотную подходят. Думаю, буду брать матерого. Шкуру дам, немного охотничьи доспехи оправдаю. Ну, давайте, давайте. Уже различаю морды. А матерый — ох и псина! В смысле — волк! Зверюга! Слюна с клыков капает. Они уже совсем близко. И тут я трухнул. Одного завалю, а остальные? Загрызут. Решил переждать в засаде. Пусть мимо пройдут. Когда они в двух шагах уже от меня были, матерый как прыгнет на меня! Я думаю, все, отстрелялся. А он в усы меня лижет и визжит. Ах, ты! Да это овчарка моя. Жучка. Три дня назад потерялась. Дело-то к весне. Инстинкт. Ах ты собачина! Нашлась! Остальные из стаи стоят, хвостами помахивают. Тоже мне — волки. Один вообще болонка. Шугнул я их, волков бродячих, и пошел домой. А в душе обида. Неужели без единой дичи

явлюсь? И тут повезло. Прямо на опушке — стая. Куропаток. Крупные, белые, черти, и тетерев с ними. Токует вокруг них и нет-нет и кукарекает. Тетерева я снял с первого выстрела. А эти куропатки, дуры, пешком по лесу разбежались. Да еще кудахтали, как последние курицы.

Я добычу — к ремню и — домой.

Тетерева зажарил. Ох, и вкусный, подлец. Куда вкуснее, чем обычный петух, особенно после прогулки. Жена не верила, что это тетерев. Говорит, на базаре петуха купил. И что вообще я в диких животных не разбираюсь, потому что их нет в природе. Почти. Что даже книги про них — редкость. Женщина... Ничего не понимает.

Ведь я, когда возвращался, кабана в лесу видел. Белый-белый, аж синий и хрюкает от голода. Стрелять в него не стал. Говорят, они коварные, броситься могут. Двух рысей еще видел. Такие небольшие, мяукают. Этих вообще опасно трогать. Они в глаза когтем целят. Еще каких-то животных видел, даже названий не знаю.

Вон сколько зверья в лесу. И недалеко от города. Обнаглело зверье, прямо в город прет, не боится. А мы все — спасать, охранять, исчезают звери. Где ж они исчезают? Наоборот. Появляются! Причем внезапно и перед самым носом.

Маскарад в лесу

Берегите лес — из него делают бумажные деньги. Встречайте Новый год в лесу возле живой елки. Не знаем, как вы, но елка останется цела.

Мы прониклись призывами и пошли на Новый год в лес. А чтобы было еще смешнее, надели на себя маскарадные костюмы. Гриша медведем нарядился, а я — крокодилom. И даже хвост у меня был. Жены наши наряжаться не стали, без грима под лисиц работали.

Выбрали в лесу поляну с елкой, костерок развели, сидим на соломе, закусьваем. Гриша говорит, извините, я прогуляюсь. Ушел в чащу. Вдруг слышим оттуда Гришин крик, переходящий в бурный рев. Я метнулся в чащу, спрашиваю, что произошло? Он отвечает сквозь собственный крик:

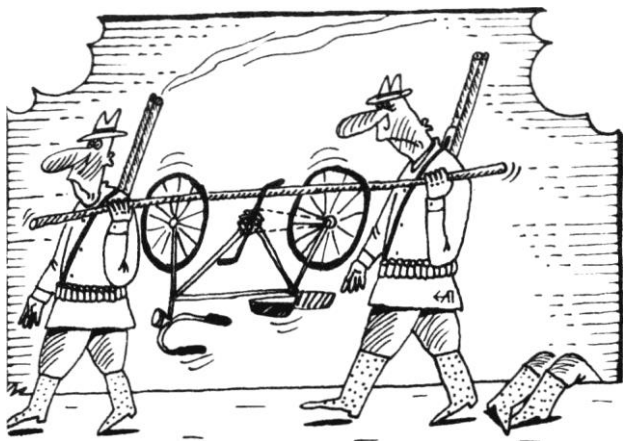
— В капкан я попался, в медвежий! Так по щиколотке стукнуло, что подошва у валенка отлетела.

Вынул я Гришу из капкана, привел к костру, говорю женщинам:

— Вот. Первая жертва браконьера. Шляется по лесу, как медведь-шатун. В капкан попался.

Посидели мы еще у костра, позакусывали, смотрим, десять минут до Нового года осталось. Включили транзистор на полную мощность, бой курантов слушать. Я думаю, тоже надо в лес отлучиться на минутку, так, воздуху глотнуть. Отошел к деревцу, только хотел воздуху глотнуть, вдруг по ноге как щелкнет!

И выстрел в мою сторону раздался. Пуля возле уха просвистела. Мелькнула мысль — самострел, совмещенный с капканом. Но ошибся я. Из-за кустов вышли два здоровых браконьера с ружьями наперевес, и один сразу закричал:

—Крокодил! Попался! Отстреляем последнего крокодила в наших лесах, вычеркнем его из Красной книги!

У меня язык одеревенел, не могу объяснить, что я не крокодил, что просто костюм у меня новогодний. А так я — обычный человек, до ветру вышел воздуха глотнуть.

А браконьеры в меня уже целиться начали, начали отстрел крокодила, меня то есть. Отстреляют, думаю, если не убегу. Бросился наутек. Браконьеры — за мной. Их не двое было, больше. Преследовали меня на трех мотонартах и трех вездеходах — с суши и на эскадрилье вертолетов — с воздуха.

Я бегу, в меня палят, пули свистят, дым пороховой глаза застилает, пыжи в нос лезут, капкан тоже бежать мешает. Кто-то на хвост мой крокодиловый наступил, оторвали хвост. Думаю, вот это Новый год! Никогда так не встречал. А друзья мои на поляне не слышат ничего, у них под ухом транзистор кричит, куранты бьют.

Браконьеры, когда меня без хвоста увидели, еще больше разозлились. Вопят:

—Да это не крокодил! Это егерь под крокодила маскируется. Ну, уж егеря-то мы тем более вычеркнем из Красной книги.

И окружать начали. С суши и с воздуха. Я вижу — берлога под сосной. Юркнул я в нее и затих. Посреди берлоги медведь лежит. Спит. Лапу сосет. На Гришу, друга моего, похож. Гриша в своем костюме медвежьем возле костра сейчас сидит, нежится. Ему хорошо. А может, и его на мушку взяли и гоняют по лесу?

Сижу я в уголке, грущу под храп медведя. Глаза к темноте привыкли, смотрю — в другом углу егерь сидит. Говорит тихонько, здравствуйте, я егерь. Палец к губам подносит, на мишку показывает. Потом наверх показывает. Молчи, мол, охотники там, могут поранить невзначай.

Сидим мы с егерем в берлоге, ждем, когда выстрелы наверху стихнут. И кого там браконьеры гоняют-отстреливают? Вдруг все-таки Гришу?

После этой беготни проголодался я сильно. Шепчу егерю:

— Есть хочется!

Он отвечает:

— А ты у медведя лапу пососи. Только аккуратно, чтоб не разбудить косолапого. А то он нам устроит Новый год.

Приложились мы с егерем к лапе — встретили Новый год.

Выстрелы наверху стихли как будто. Вылезли мы из берлоги, я егеря к костру пригласил. Пришли мы к костру — мои сидят как ни в чем не бывало, веселятся. Еще смеяться начали, что я без хвоста. Я им рассказал все. Они говорят:

— А мы думаем, почему куранты так странно бьют, вроде как стреляет кто-то.

Егерь посидел с нами, выпил на посошок, сказал:

— Пора в берлогу. Я медведя того сторожу, иначе браконьеры с него спящего шкуру снимут. Несладко зверю в своей шкуре.

Красавица ЖБИ-89

Да чего же это, бабы, в стране делается? Мужик-то мой из конкурсов красоты не вылезит. Всех первых красавиц спознал. По именам знает. И даже в лицо!

Вчера опять явился с конкурса, но расстроенный. Говорит:

— Вот смотрю я, Даша, на этих первых красавиц и в толк не возьму: что эти члены жюри под красотой понимают? Сегодня опять такую худющую красавицу выбрали — хоть плачь. А ты у меня такая масштабная женщина, а зазря пропадаешь. Выступи на конкурсе. Выстави свою кандидатуру.

Я говорю, как это? Напоказ, что ли?

Он говорит, напоказ. Я, говорит, уж как-нибудь переживу, перетопчусь, а только от людей такую красоту скрывать — это не по-хозяйски.

Я сначала-то забоялась. Боязно выставять напоказ... всю свою кандидатуру. А потом думаю: а что? Да неужто в городе есть кто красивше да здоровше меня? И согласилась.

Смены рабочие свои высчитала. У нас на ЖБИ трехсменка. ЖБИ — это завод железобетонных изделий. Я прикинула по сменам — удачно. В день конкурса я как раз из ночной выйду. Думаю, вот и хорошо, отосплюсь после ночной, а днем — на конкурс. Красоты.

Два дня я себе платье шила. И три дня — купальник. Купальник получился — вообще! Пока шила да примеряла, Вася мой ко мне четыре раза приставал. Но брал себя в руки и говорил:

— Будем беречь силы на конкурс.

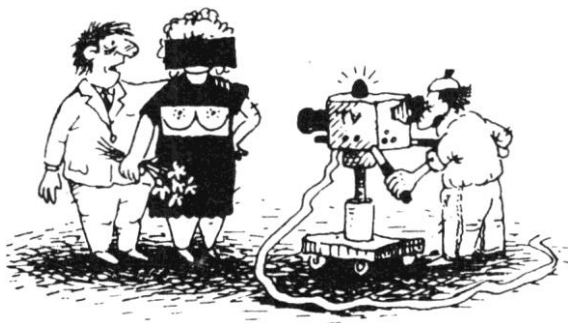
Я ему намекала, мол, у меня на все сил хватит. Но он говорил:

— Я не за тебя переживаю, а за себя боюсь.

Оттарабанила я ночную перед конкурсом, две нормы выдала и домой собралась. А мастер Петрович в бытовку забегает и кричит:

— Даша, спасай! План горит, бетон стынет. Степанида заболела, а там арматуры — на 10 тонн.

Я говорю:

— Ты что, Петрович? У меня конкурс красоты после обеда.

Он долго на меня смотрел и говорит:

— Даша, человек красив трудом. А если ты еще каким местом хочешь быть красивой, то иди красуйся. Только премии всему цеху не видать.

Пришлось остаться. Дала я за Степаниду еще две нормы до обеда и дунула на конкурс. Ну, ясное дело, переодеться некогда, так в спецовке туда и прибежала.

А дело на летней эстраде происходило. Там уже красавицы стоят, правда, пока еще в платьях. Народу — тьма. Пробилась я к эстраде, заскочила на нее и говорю членам жюри:

— Граждане судьи! Извините за опоздание, у нас в цеху Степанида заболела, я за нее нормы отработывала, вот переодеться и не успела. Но платье у меня есть. Я его отдельно от себя могу продемонстрировать.

Достала я им платье, показала.

Они, посоветовавшись, допустили меня к конкурсу. Видать, платье понравилось.

Поглядела я на красоток, у них платья шикарные. А я думаю, в платьях-то из Парижа меня каждый полюбит. А вы меня в спецовке оцените!

Тут музыка заиграла, пошел первый тур — танцевальный конкурс. Выделили всем по партнеру. Ну, мне тоже один достался. Думаю, как же мне его обхватить, чтоб не травмировать. Только я к нему приспособилась, он как заорет. Оказывается, я ему на ногу сапогом наступила. Ну, дали партнера. Да мне шагающий экскаватор раз на ногу наступил — и ничего, дальше пошел, захромал только. А этот орет, на одной ноге скачет.

Я рассердилась, говорю членам жюри:

— Вы кого красавицам в партнеры подсовываете? Да его поставь у нас на арматуру — он на первой минуте загнется. Партнер...

Хорошо, что в первом ряду наш бульдозерист сидел, Петро. Как пошли мы с Петром вприсядку на сцене, так публика и заплодировала. Мы под свою музыку плясали, под тра-ля-ля.

Петька частушки пел:

— Тына, тына, у Мартына голова из ежика.

А у меня такая легкость в теле. Двух красавиц с эстрады случайно смахнула, не заметила. Легкость у меня всегда возникает, если три смены подряд работаю.

Во втором туре надо было походку показать. Пройтись по сцене с партнером. Конкурентки мои прошлись — у-тю-тю-тю. Походка — от бедра. Не скажу, походка есть. Правда, бедра нету.

А мой партнер не подходит ко мне, боится. Там «скорая» приехала, на ногу гипс ему наложили. Тогда я одна пошла по сцене. И тоже — от бедра. Слышу, в жюри один шепчет:

— Походки нет.

А второй говорит:

— Зато бедро есть!

В третьем туре мужичок из жюри встал и объявил:

— А теперь, уважаемые красавицы, продемонстрируйте нам, пожалуйста, простую комбинацию в стиле аэробика. Комбинацию демонстрируйте в купальниках.

Зашла я в свою кабину для переодевания и думаю: «Где же мне... простую комбинацию взять? Ведь у меня только шелковая. Их, простых-то, хлопчатобумажных, и в магазине нет. Потом думаю, да зачем это я буду простую комбинацию демонстрировать, когда у меня шелковая с такими красивыми кружевами».

И вышла в шелковой. А под комбинацией — купальник. Публика такую овацию устроила. Чувствую, красивше меня никого не будет. Конкурентки мои вообще без комбинаций вышли, в одних купальниках. Я тоже свою сняла, да как торсом повела, как плечиком подвигала, так — все! Чувствую, они мне больше не конкурентки.

Вышли мы в финале на сцену для оглашения меня первой красавицей. Председатель жюри встал и объявил:

— Первой красавицей объявляется Марина Суслопарова.

Я ему подсказываю:

— Да не Марина я Суслопарова, а Даша я Рукосуева.

Он как не слышит. Я думаю, да что это они? Шутки со мной шутить. Взяла я этого председателя за грудки. А ну, говорю, объявляй как следует.

Он потрепыхался и объявил меня первой красавицей.

Вася мой выбежал на сцену, обнял меня и сказал:

— Я знал, что ты у меня красивше всех, но что настолько — не знал.

И нес он меня на руках три остановки до самого дома. С перекурами. И привалами.

Где-то в Ницце за границей

Жора Понькин брился и слушал по местному радио какие-то сообщения на французском языке. Утро было замечательное. Из окна открывалась панорама Средиземного моря с белым пароходом на горизонте, лазурным прибоем внизу под горой и золотистым пляжем с тремя японцами на песке. Как всегда, они вышли в этот ранний час на утреннюю зарядку и, весело визжа, как бы уродовали друг друга приемами бесконтактного карате.

Жора наполнялся радостью от сознания, что отдых в международном автокемпинге подходит к концу и совсем скоро они с женой Варварой поедут на своем «Запорожце» домой в свой любимый областной центр Кулебякинск.

Варвара тоже пребывала в отличном настроении. Одетая в простенький пеньюар, именуемый в деревнях поднизкой, она сидела за пианино и шинковала лук на газете «Франс-пресс».

— Ты никак плачешь, Варюха? Уезжать, что ли, не хочешь? — спросил ее Жора, массируя лицо тройным одеколоном.

— Да отстань ты, от лука я.

Жора посмотрел через пузырек на Средиземное море.

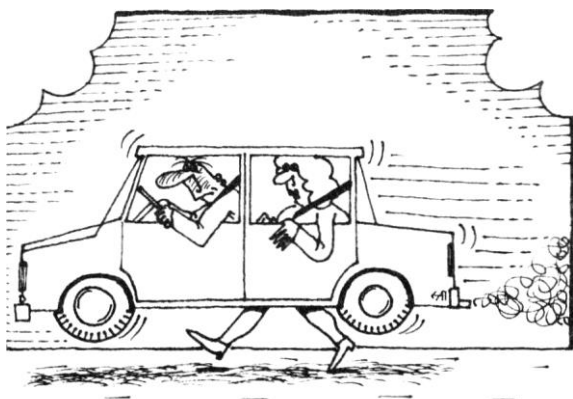
— Хотя и красиво здесь, а домой охота.

Он прошелся по зеленому ковру с ворсом чуть не до колен и погрузился чуть не с головой в необычайно мягкое кресло.

— Ну и ковер, бродишь, как по полю. Я думаю, хорошо, что мы всей группой вместе поселились. А то что бы мы вдвоем в этой избе делали? Три комнаты да еще зало,— повел рукой Жора, намекая на гостиную, в которой они находились. Тут он нечаянно коснулся взглядом своей руки, и брови его вскинулись в изумлении.

— Варь, ты посмотри, рука какая чистая. И вторая почти такая же. Эх-ма, а ведь скоро обратно ехать.

Подумав об этом, Жора весь передернулся и погрузился, потому что вспомнил недавний путь через границы. А вздрагивать было от чего. Еще перед поездкой знакомый механик сказал, что во Франции якобы большие перебои с запчастями к «Запорожцу». Вот поэтому Жора решил самое необходимое взять с собой. Необходимое едва вошло на автоприцеп «Скиф». Говоря проще, в автоприцепе везли еще один «Запорожец», только в разобранном виде. И хорошо, что везли. В дороге понадобилось все, кроме кузова.

В этом плане несколько лучше обстояли дела у руководителя их автогруппы Павла Ивановича Рукосуева и его жены Люси, которые, так сказать, тоже путешествовали — на «Москвиче». До первой границы они тянули, заезжая во все имеющиеся у нас станции техобслуживания.

Последняя техпомощь была им оказана в автосервисе одного приграничного городка, после чего необходимость в ремонтах отпала — «Москвич» пришлось взять на буксир. До самой Франции машину тащил за собой третий, и последний, экипаж автогруппы, состоявший из двух молодых людей, автолюбителей и умельцев-самоучек Бори и Коли. Ребята ехали на автомобиле собственной конструкции, собранном собственными руками. Их «Магдалина» была легка, как пух, но сильна, как бык; изящна, как стрела, но надежна, как каменный топор. За всю поездку она ни разу не чихнула, и даже с «Москвичом» на буксире ребятам приходилось притормаживать, чтобы не оторваться от задыхающегося «Запорожца», груженного Жорой, Варварой и узлами с теплой одеждой на случай внезапных июльских холодов.

Но тут надо отдать должное и «Запорожцу» — он все-таки ехал. Ехал, несмотря на то, что у него, может быть, не было такой технической возможности. Может быть, ее просто не заложили в него на заводе. Жора, грубо говоря, поминутно менял в машине узлы и детали, и она двигалась все дальше на запад.

И вот теперь Жора любовался чистыми руками, показывая их Варь, как октябренок перед обедом.

— Нет, Варь, я правду говорю, я у себя, как машину купили, сроду таких рук не видывал.

Ворвавшийся с улицы Павел Иванович Рукосуев рывком ослабил галстук на шее и спросил возбужденно;

— Радио слушали?

— Слушали,— ответил Жора,— а что толку, что слушали? Они ж по-нашему... не понимают.

Рукосуев, отдуваясь от жары, расстегнул пиджак и упал в кресло.

— Надо срочно созывать всю группу, я должен сделать экстренное сообщение. Где наши умельцы?

— Дрыхнут еще, наверное,— показал Жора на дверь одной из комнат.

Боря и Коля квартировали тут же, хотя при размещении каждому экипажу предлагали занять отдельный домик. Такое щедрое предложение наша делегация опротестовала.

— У них столько бездомных семей бродит по Франции, а мы будем жить в хоромах? — сказала тогда Варвара.— Я предлагаю всем поселиться в одной избе. Веселее же!

Боря и Коля, подумав, добавили:

— А что? Будем чувствовать себя, как дома.

Правда, жена Рукосуева — Люся скуksилась и сказала:

— А зачем? Ведь жильё оплачено.

Но ее прервал сам Рукосуев на правах старшего:

— Решено, заселяемся все вместе. Во-первых, все друг у друга на глазах, а во-вторых, в случае мало ли чего — держать осаду будет легче.

Так и сделали. В спальне на кровати спали Рукосуев с Люсей, в библиотеке на купленных раскладушках — Жора с Варей и в третьей комнате на полу — Боря с Колей.

А зало, как его называли Жора и Варя, использовали для мероприятий, связанных с общественной жизнью группы,— собраний, совещаний, женсовета и так далее. Как подсчитал Жора Понькин, удалось высвободить двести метров квадратных жилья для бездомных французов.

Конечно, Боря с Колей, будь они с женами, не обрадовались бы перспективе общаться с ними на полу, но они были без жен. Вообще-то они хотели ехать на двух своих самодельных машинах и с женами, но им посоветовали ехать на одной и без жен. Чтоб веселей было возвращаться.

Павел Иванович постучал к ребятам, но ответа не получил. Тогда он осторожно приоткрыл дверь. Рабо-

тающий в углу цветной телевизор ошеломил Рукосуева нехорошей сценой из какого-то эротического фильма. У телевизора на полу сидели Боря и Коля. По их лицам можно было догадаться, что они не спали всю ночь. Умельцы-рукодельцы сидели к телевизору спиной и что-то азартно писали.

— Ну что ты пишешь, еловая твоя голова? — в сердцах говорил Боря, почесывая пальцем свой развитый нос.— Зачем ты возводишь в квадрат вот эту «альфу»? Разве она в квадрате?

— А в чем же она еще? — парировал Коля, шмыгая веснушчатым носиком.— В трусах, что ли? Конечно, в квадрате. Это выражение вытекает вот из этого.

Коля хотел было написать нужное на лежавшей перед ним бумаге, но не нашел чистого места и тогда в пылу спора повернулся к телевизору и написал формулу фло-мастером на экране, как раз на бедре главной героини.

— Нет,— не согласился Боря,— это вытекает из другой формулы.— И резко черкнул латинские буквы выше — на бедре главного героя.

Коля уставился на экран, потом ткнул пальцем в бедро героини, татуированное его формулой, и сказал:

— Ты просто не чувствуешь динамику, не видишь физику процесса.

На это Боря ткнул пальцем в бедро главного героя, татуированное его формулой, и возразил:

— Нет, это ты не видишь физику процесса!

Коля опять принялся изучать экран и сказал уже с сомнением:

— А может, мы оба не видим физику процесса?

Тут умельцы-рукодельцы заметили, что в дверях стоит поникший старший.

— Ребята,— сказал он тихо,— есть важное сообщение. Да телевизор хоть выключите. Жрет же энергию.

Все, кроме Люси, сидели в зале, то есть в гостиной, и напряженно ждали, что скажет Павел Иванович. Он ходил по ковру с ворсом роста луговой травы и высоко поднимал ноги. Наконец остановился и сказал торжественно, как на панихиде:

— Сегодня в пять часов утра мне сообщил переводчик, а ему сообщило ихнее радио, что администрация нашего, точнее, ихнего автокемпинга объявила на завтра... авторалли среди отдыхающих! Говорит, ралли это традиционное и шуточное, но, как думаю я, дело это нешуточное. Какие будут мнения?

Видно было, что Варвара ждала чего-то большего. А тут что? Автогонки, да и все.

— Если надо,— беззаботно предложила она,— мы с Жорой поедем съездим на нашей. Она у нас на ходу.

Рукосуев долго смотрел на жакет Варвары, наброшенный поверх пеньюара, тяжело вздохнул и сказал:

— Какие еще будут мнения?

— Не вижу ничего страшного,— вступил Боря,— мы с Колей поедем на нашей «Магдалине», она вполне конкурентоспособна с любыми зарубежными моделями, и нам самим интересно проверить это в деле.

— Эх, если бы на вашей, то я был бы спокоен,— покивал Рукосуев, вспоминая, как его «Москвич» забрасывало на поворотах во время буксировки,— но ведь она у вас не серийная, сделана частным образом. А раз частным, значит, она не наша, не советская. Мы же должны защитить цвета нашей автомобильной промышленности, еще более приумножить ее славу. А как ее приумножить? Я бы поехал приумножил на своем «Москвиче»...

— Тогда не будем участвовать, и делов то,— весело махнул рукой Жора Понькин.

— Вы что? — встрепенулся старший.— Это напрочь исключено. Вообще, мы против автогонок, но если нам навязывают, мы выступим. Это вызов, мы его принимаем. Люся как раз звонит в Кулебякинск на завод — получить инструкции. И согласовать вопрос с местным комитетом.

Все помолчали, обдумывая положение. Вопрос задал Жора:

— А какой приз будет, если мы выиграем?

Рукосуев подавил выскочивший смешок и ответил грустным голосом:

— Неделя бесплатного отдыха здесь же.

Люся возникла на пороге бледная и обеспокоенная. Варвара бросилась ей навстречу, они обнялись и, сплоченные горем, постояли в таком положении с полминуты.

Оказалось, что французские телефонистки легко соединились по цепочке: автокемпинг — Париж — Москва — Кулебякинск, но до месткома дозвониться не смогли. Теперь ответственность целиком ложилась на плечи самих автотуристов.

Дебаты затянулись до ночи, и окончательное решение было принято уже при свете карманного фонарика, включенного из соображений экономии электроэнергии. Кстати, батарейки для фонарика купили в газетном киоске автокемпинга, каждый взял тогда по тридцать штук в одни руки. Киоскер, впервые увидев у своего киоска очередь из шести человек, сначала ничего не мог понять, поэтому поздно вато накинул цену. Лишь Жора Понькин, стоявший последним, взял батарейки по взвинченной цене. Но все равно взял. Ажиотаж вокруг батареек успел сфотографировать корреспондент какой-то прогрессивной газеты. Потирая руки, он тут же убежал писать сатирический репортаж о суровой действительности Запада.

Принятое решение об участии в ралли оказалось удивительным по своей гибкости и конструктивности. Во-первых, решили выставить «Запорожец» с Жорой и Варварой. Была надежда, что в этом классе машин никто из зарубежных не поедет, поэтому «Запорожец» обречен на первое место. Если, конечно, заведется вначале, не заглохнет в середине и доедет до конца. Во-вторых, все же решили выставить и «Магдалину» — для подстраховки. Но прийти она должна только после «Запорожца», потому что он серийный. В-третьих, Павел Иванович и Люся будут осуществлять общее руководство гонками и на месте принимать все стратегические решения.

— Ну, ладно, — подвел итог Рукосуев и вознес глаза к небу: — Эх, помолиться бы, да узнают — выговор влепят.

— А давайте споем! — предложила Варвара, — Только тихо, чтобы не беспокоить окружающих.

— Нас что — окружают? — встрепенулся Жора, но его успокоили.

Люся села за пианино и очень тихо сыграла вступление, так тихо, что музыку не было слышно из-за цокота ее длинных ногтей по клавишам. Остальные подхватили шепотом, и комнату наполнил шорох песни «Взвейтесь кострами, синие ночи».

После пения Рукосуев подошел к окну, отдернул штору и прочесал взглядом пространство возле котеджа.

— А ночи-то и тут синие... Кто идет сегодня в ночной пикет?

Ночные дежурства возле машин были организованы в первый же день отдыха. График выбрали самый удобный: сутки дежуришь, трое — отдыхаешь.

Благодаря ночным пикетам за две недели ни с одной машины не сняли резину, не слили горючее из баков, не проткнули шилом колеса, не нацарапали гвоздем ни единого слова на капотах, не погнули карданные валы и не выбили ни единой фары. Даже попыток к разбою и грабёжам не было. Вот что значит бдительность и еще раз бдительность.

— Сегодня моя очередь сторожить,— доложил Жора Понькин.

— Тебе же завтра на старт-внимание-марш,— сказал Рукосуев,— может, сегодня мне выйти, вне графика?

— Да нет,— возразил Жора,— тебе после ночи руководить будет тяжело, а я привык на заводе.

— Тогда решено,— сказал Рукосуев,— все по комнатам, спать, не раздеваясь.

Уложив Варю в жакете на раскладушку и укрыв ее спальным мешком, Жора натянул кирзовые сапоги, накинул на пижаму плащ-палатку и подался в ночной дозор.

Ночь стояла в самом деле синяя и даже чуть голубая. Внизу у пирса играла музыка, слышались смех и треск вылетающих пробок из шампанского, а по лунной дорожке наверняка скользили сейчас тысячи влюбленных взглядов.

Со всех кипарисов слаженно звенел большой симфонический оркестр цикад.

Жора прошелся вокруг машин, волоча по земле длинные полы плащ-палатки. Он дышал глубоко, до отказа заполняя свои русские легкие французским воздухом, однако не забывал затаивать дыхание, когда шарил взглядом по розовым кустам. Жора проверил молоток в правом кармане плащ-палатки, а из левого вытащил трещотку и потрещал ею, отпугивая предполагаемых воров. Потом подошел к кипарису, на котором специально была подвешена рельса, и звякнул по ней молотком тоже для устрашения. Французские цикады смолкли на секунду, а потом запели с новой силой.

Запугав до смерти всех негодяев, Жора уселся в «Запорожец» и включил приемник. По салону пошел стучать рок, да так захватывающе, что руки-ноги сами задержались в такт музыке. «Вот черт,— подумал дозорный,— работает ведь, хоть ты тресни».

Дело в том, что дома, в Кулебякинске, приемник не работал. Иногда он кое-как ловил одну станцию, но по всем остальным диапазонам издавал звук работающей лесопилки. Жора даже два раза носил его в ремонт, но безрезультатно и поэтому все собирался выбросить, но останавливала какая-то жалость к добротной сделанной вещи. А здесь, вдали от дома, приемник вдруг заработал, да так, что на шкале просто не было живого места — на каждом миллиметре сидело по нескольку станций. «Хорошо, что не выбросил»,— подумал Жора, но мысли прервала мелькнувшая из-за кустов к машинам тень. Жора выключил приемник и притих, выжидая, когда вредитель подкрадется поближе, решив брать импортного хулигана живьем. Когда хулиган, пригнувшись, подкрался к машине достаточно близко, Жора резко открыл дверь, свалив бандита на землю. С ловкостью кошки Жора замотал оглушенного вредителя в плащ-палатку и издал победный клич:

— Ну что, шпана импортная, попалась?

Из плащ-палатки промямлили на чистом русском языке:

— Не шпана я, я — Рукосуев.

— Павел Иванович? — захолопотал Жора, распечатывая старшего из брезента.— Зачем вы здесь?

Рукосуев сидел на земле и обнимал рукой на лысине даже не шишку, а холм, моментально выросший от удара.

— Посты проверял,— хрипло сказал Рукосуев,— Хорошо стоишь, молодец.

Жора помог старшему добрести до коттеджа, а сам вернулся на охраняемый объект.

...Грозное утро перед стартом выглядело совсем не грозно. Яркая многоязыкая толпа бурлила на зеленом поле, где уже выстраивались в одну шеренгу стартующие автомобили. Кто-то шутил, кто-то смеялся, на маленькой эстраде играл джаз-оркестр. Наши прибыли на двух машинах в том порядке, в каком должны были финишировать: первым ехал «Запорожец», второй — «Магдалина».

Все вышли из машин и, печатая строевой шаг, направились к судейскому столику: женщины в белых блузках и черных юбках, мужчины — в белых рубашках и черных брюках. Рукосуев шел впереди с бугром на голове.

Группа с каменными лицами подошла к судейскому столику, как к военкомату. Главный судья, одетый, как рефери на ринге, радостно улыбаясь, спросил через переводчицу:

— Которая у вас самодельная, вот эта? — показал он на «Запорожец».

— Да, эта,— неожиданно вырвалось у Рукосуева.

— А это какой фирмы? — показал судья на «Магдалину».

— Ханты-Мансийский деревообрабатывающий комбинат, цех ширпотреба,— отчеканил Рукосуев, пугаясь своей фантазии.

— Новая фирма? — опять улыбнулся судья.

— Да, только разворачиваемся.

Судья не скрывал восхищения: если при такой отличной внешней форме, сказал он, у машины такое же внутреннее содержание, то за ней будущее. И поинтересовался:

— Какие проектные организации придумали такую прелесть?

— Два НИИ, три КБ и 18 заводов работали над моделью, — не моргнув глазом, ответил Рукосуев.

— А самоделка ваша не очень, — кивнул судья на «Запорожец».

— А что вы хотите? — разошелся Рукосуев. — Ее делали Жора Понькин с женой чуть не голыми руками, в сарае, на ветру, при остром дефиците материалов и жутких кознях автоинспекции. Спасибо хоть такую сделали.

— Ну хорошо, выстраивайтесь на старт, — позволил судья, занеся сведения в протокол.

У стартовой черты уже стоял тяжелый «вольво» со снисходительно улыбающимся шведом за рулем. Дальше на «форде» расположился американец с плотным, в виде круглого доллара, лицом, еще дальше стояли в пешем строю три японца с большой сумкой в руках, но почему-то без машины. По знаку судьи они начали вытаскивать из сумки детали из непонятного материала, быстро прицеплять их друг к другу, что-то накачивать насосом, и на глазах изумленной публики через несколько минут получился маленький автомобиль, грузоподъемностью примерно в полтора японца. Один из японцев достал из кармана двигатель размером с портсигар, укрепил его под капотом, потом капнул в бензобак горючее из пипетки и с криком «На!» хлопнул по надувной крышке рукой. Машина была готова к эксплуатации.

Рукосуев подошел к «Магдалине» и сказал шепотом:

— Ребята, установка меняется. Раз я сказал, что ваша машина серийная, то жмите на всю железку. Отступать некуда — позади Кулебякинск.

Все замерло перед стартом. Стихли голоса, замолк оркестр, машины стояли с выключенными двигателями. Выстрел ракетницы совпал с первым ударом грома над головой, намечался нешуточный дождь. Но гром увяз в реве моторов и криках болельщиков. Все оживо и сорвалось с места. Машины помчались по полю, обгоняя друг друга, торопясь вырваться на автостраду.

На старте остался только красный «Запорожец», где за лобовым стеклом синело перекошенное лицо Жоры, яростно жавшего на ключ зажигания. Мотор натужно чавкал всухомятку, но не заводился. Варвара неожиданно выскочила из салона, выхватила из багажника «кривой стартер», забежала к машине сзади, с размаху вонзила рукоятку в соответствующее отверстие и так мощно крутанула, что чуть не перевернула машину на бок. «Запорожец» взревел и задрожал всеми фибрами своей изношенной души, а когда Варвара плюхнулась на сиденье, сорвался с места и помчался по полю вдогонку за исчезнувшими уже из виду машинами.

Километров пятьдесят ехали в гордом одиночестве. Ни впереди, ни сзади не было ни одной машины, хоть «ау» кричи.

— Может, не туда едем? — спросила Варвара.

— Куда — не туда? Все туда! — остервенело жал на газ Жора.

— Если туда, то где наши?

— Наши там же, где и ихние! Что они нас ждать будут, пока мы с тобой отелимся? Только бы движок, подлец, не подвел.

Надо заметить, что назревавший дождь к этому времени уже выплеснулся. Он выплеснулся оптом, как из ведра, за несколько минут, а теперь опять светило солнце.

С очередного холма открылась удивительная картина. Удивила Жору и Варю она не красотой ландшафта, а неожиданным поворотом маршрута с автострады на грунтовую дорогу. За поворотом уже месили грязь несколько буксовавших машин.

— А-а-а! — с жутким восторгом закричал Жора, — Грунтовочка пошла. Кто сказал, что Бога нет! Нам его летающие тарелки заменят.

Как только передние колеса «Запорожца» коснулись грязи, машина словно ноздрей почувала дым отечества и проворно заскакала по лужам и кочкам.

Вот позади поперек дороги остался швед на своем «вольво». Водитель даже не пытался двигаться, он спо-

койно лежал на сиденье, выставив длинные ноги в форточку, и курил, снисходительно улыбаясь.

— Где же наши? — спросила Варя.

— Впереди наши! — отчаянно вращая баранку, ответил Жора.

Вот уже обогнали весело бегущего по лужам японца. Вообще-то он хорошо бежал, но мешала хозяйственная сумка, в которой он нес разобранный автомобильчик.

— Где же наши? — волновалась Варя.

— Впереди наши!

По уши в грязи в кювете стоял «форд» американца. Вытащить его оттуда мог только тягач, поэтому шустрый итальянец просил у американца напрокат запаску — доехать до финиша. Американец, почуяв чистую прибыль, бойко торговался, забыв про все гонки.

— Где же наши? — не унималась Варя.

— Вон они!

Жора медленно доставал их и, когда поравнялся с «Магдалиной», нажал на сигнал, как бы говоря «держись, ребята, свои на фланге». Умельцы-рукодельницы радостно помахали в ответ. До финиша оставалось совсем немного. Уже была видна пестрая толпа, вверх взмывали разноцветные ракеты, маня и будоража близким финишем. Оставалось взять последнюю преграду — огромную лужу, объехать которую не было никакой возможности. Все пять машин головной группы заехали в нее почти одновременно, и все сразу же застряли.

— Да что же это такое-то! — в отчаянии воскликнула Варя, поднимая ноги, чтобы не промочить туфли.— Вода в салоне!

— Глубоко сели,— подтвердил Жора,— если вода залетит выхлопную, движок заглохнет, тогда хана.

— Как это — хана? Никакой ханы.

С одержимой решительностью Варвара сбросила туфли, вышагнула из машины в лужу, крикнула Боре с Колей:

— Держись, ребята! За мной!

И принялась мощно толкать «Запорожец» к финишу. Подбежавший Рукосуев кричал с обочины что-то о конкурентоспособности, о захвате рынков сбыта голыми ру-

ками, словом, подбадривал и руководил. Но Варя ничего не слышала. Она, как ракетоноситель, упорно толкала вперед и технику, и мужа, выводя их на недосягаемую высоту.

Если бы даже заглох двигатель или Жора нажал ради шутки на тормоз, Варя дотолкала бы механизм до финиша, да что там, она принесла бы туда машину на руках.

Даже Рукосуев перестал руководить и кричать лозунги с обочины. Он наблюдал с открытым ртом и непокрытой головой, как «Запорожец» медленно ползет к финишной черте. Он наблюдал, как вслед за «Запорожцем» уверенно движется «Магдалина», а Боря, выставив локоть в окно, держит руль одной рукой и спокойно докуривает «Приму». Рукосуев уже не сомневался в том, что приз авторалли — наш. Он знал также, что все откажутся от него. Что тут делать еще целую неделю? Нужен нам такой приз? Сегодня же все начнут собираться домой.

Варя толкала машину, не оставляя никаких шансов на успех ни одной заграничной фирме.

А Рукосуев шагал к финишу и радовался, как юноша в период первой любви после первого поцелуя. Он громко твердил, ошалев от радости:

— Значит, можем мы! Можем! Люся, красавица моя, где ты? Ты посмотри, мы же можем! Люсенька, пианисточка ты моя гениальная, мы же все можем.

...Специальная группа ликования из шести дженгльменов в смокингах подбрасывала высоко вверх Жору-победителя.

— Пардон, месье, не уроните мне мужика,— вмешалась счастливая Варя.

Она легко поймала Жору на лету, поставила его на ноги, и они пошли к своим, поджидавшим их у машин.

Полено заколдованное

Да кто мог знать, что оно заколдованное? Обычное полено, правда, крученное от комля, но без сучков. Поставил я его перед собой на попа, пригляделся к нему и чувствую, идет от него какая-то аура непонятная. Ну, размахнулся я топором мощно, и тут поясницу заклинило. Прострелило по позвоночнику снизу вверх и молнией из глаз вылетело. А я с топором над головой стою, как окаменел. Ни рукой, ни ногой.

Потом ноги вроде отпустило, и я в дом пошел на цыпочках с топором над головой. Захожу. Зинаида меня увидела и как закричит:

— Федор, не надо! Не виноватая я! Это Валентина меня подставила, скотина такая.

Я ей говорю шепотом:

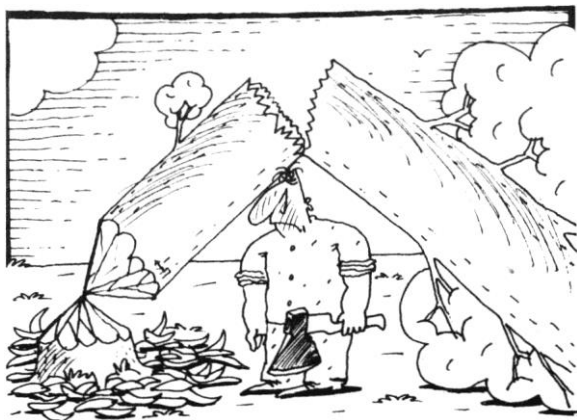
— Зина, возьми у меня топор из рук.

Она замолчала настороженно:

— Возьми топор, — шепчу я, — не могу руки опустить.

Топор она взяла и засуетилась:

— Может, тебе рюмочку выпить от боли?

— Как я ее выпью? Стою, как фриц под Сталинградом. Что я, подпрыгивать буду? Или струйку сверху лить?

Попоила она меня из стакана — боль прошла, но руки не опустились. Даже после бутылки. На каждую руку.

Утром проснулся я распластанный на диване с кирпичом на спине. Зинаида мне спину грела, да видать переборщила спьяну, всю шкуру сожгла. Я поворчал на нее:

— Ну ты, рэкетирша, палачиха, за что пытала раскаленным кирпичом?

— Ты сам говорил, что хорошо тебе.

Встал я с поднятыми руками, ну беда — ни умыться, ни опохмелиться. И тут до меня дошло, что я во двор хочу. Я аж побледнел от этой мысли — а как?

Вот тут надо сказать, у нас в соседях живет брат Зинаиды Иван. Парень он с юмором. Но больше — с похмелья. Вот и теперь он, как нельзя кстати, влетел в дом с двустволкой и заорал:

— Руки вверх!

Но когда увидел, что я уже стою с поднятыми руками и весь бледный, он опешил, и палец на спусковом крючке у него дрогнул. Выстрел был такой неожиданный и оглушительный, что внутри у меня что-то екнуло и руки резко опустились вниз, чтоб закрыться. Ну, как футболисты во время штрафного в стенке. Понял я, что в туалет уже бежать можно, и дернул на улицу. Возвращаюсь немного радостный, все-таки одну проблему решил. Но возникла другая — руки в нижнем положении зафиксировались.

Иван пришел в себя после выстрела и говорит:

— Зина, чего это он у тебя такой стеснительный стал, прикрывается, как Афродита. Пнуть, ей-богу, хочется.

Зинаида выпроваживать стала брата:

— Иди, Иван, отсюда, все равно не дам опохмелиться. А Федор болеет. У него прострел в спине.

— Чо ж он тогда не за спину держится?

— Иди, иди,— вытолкала брата Зинаида.

Упал я на кровать в состоянии футболиста-защитника и думаю:

— Что ж эго за полено такое?

А тут и к ночи дело. Зинаида легла рядом, поегозилась и говорит:

— Федь, а если я чего хочу?

— Ну ты же видишь, заклинило.

— А может, между пальцев пропустим?

— Если б у меня пальцев, как у страуса было, три. Или два.

Утром пошел я во двор, подошел к полену — стоит, как вчера, никуда не сбегало. Сел на него, посидел. Слышу, такое тепло из него в меня пошло, и руки сами по себе разжались и задвигались.

Ах ты, думаю, в чем это она не виновата? Вхожу в дом и сразу спрашиваю:

— В чем это ты не виновата?

— Да, понимаешь, мужик у Валентины выписал журнал эротический. Тайком от нее. И я ходила к Вале его смотреть. Тайком от него.

— Ну?

— Ну и все.

— Ну и что тут такого?

— Да ведь там я такого насмотрелась, думала, ты меня убьешь из ревности.

— Ну что там, лучше, что ли, чем я?

— Не, ты еще лучше.

— Ну и все. Чего еще.

Подошел я к полену и думаю: или со мной что-то не так, или с поленом. Замахнулся я на него колуном, оно — раз — и набок. Вот ты неразбериха какая. Даже самому интересно стало. Поднял его, отступил назад, установил попрочнее, опять замахнулся, опять сорвалось. Я еще назад отступил. Ну, сейчас, думаю, кончу его. А пока назад отступал, вошел в зону действия бельевой веревки. Там Зина трусы свои сушит. А они тяжелые, и веревка провисла. И когда я размахнулся, веревку колуном и зацепил...

Очнулся я в больнице. Слышу, врачи меж собой разговаривают:

— Жить будет, но плохо.

Я встрепенулся весь:

— Как это плохо? Почему это плохо?

— Вы, молодой человек, когда выпишетесь, тогда узнаете.

Ну, узнал я потом. Не так уж страшно. Просто голова сдвинулась у меня влево сантиметров на тридцать. Зинаида взглянула, успокоила:

— Нормально, пройдет. Я в эротическом журнале и не такое видела.

Сели мы с ней за стол праздновать выписку. Взял я стопку, хлоп — и мимо правого уха вылил назад. Вот тут до меня и дошло, почему жить буду, но плохо. Зинаида в слезы:

— Что же это ты теперь так и будешь жить трезвый?

Я — срочно во двор, сел на полено, прошу его:

— Поленушко, золотое, исправь меня обратно. Клянись, не трону больше тебя.

И чудо! Опять по всему телу тепло разлилось и шея моя выпрямилась.

Теперь полено у нас дома живет. И если простуда какая или озноб, мы с Зинаидой на него садимся и — все, как рукой снимает.

Уголок капитализма

Не, что ни говори про «МММ», а я выиграл. Заложил тещину квартиру вместе с тещей и выиграл. И купил квартиру в элитном доме.

Ну, мать честная — в соседях банкиры, генералы, бизнесмены. Все вселились и сказали:

— Вот и слава богу, вот и перешли к капитализму.

Конечно, на работе в цеху ребята на меня коситься стали. Однажды мастер говорит:

— Мужики, завод тонет, надо балласт скидывать, сокращаться надо.

Все дружно на меня посмотрели. Я говорю, мужики, вы чо? При чем тут я? Я, что ли, плохой слесарь?

— Не, слесарь ты хороший, — говорит мастер, — но душком от тебя буржуазным вееет. Давай, сокращайся.

Взял я с завода свою приватизированную долю — верстак и две болванки... и сократился.

Верстак в кабинете своем поставил, кресло к нему подкупил итальянское, крутящее-сися. И каждый день к восьми утра иду из спальни на работу — в кабинет к верстаку. Стружку на него насыплю из мешочка — я с завода горсть родной стружки взял — и размышляю.

Раньше-то мы с Валентиной у тещи жили, в однокомнатной. Какая там мебель. Дай бог, чтоб самого куда на ночь поставили. А тут — красота, четыре комнаты, просторы, объемы.

Ладно, думаю, раз ребята меня в капиталисты вытолкали, буду жить и работать по-капиталистически. Тещу забрал к себе, ее квартиру сдал в аренду. Живу, к соседям присматриваюсь.

Раз приглашает нас к себе сосед Сергей, молодой парень, бананы из-за бугра тащит. Мы пришли, жена Сергея говорит:

— Садитесь, пожалуйста, креветки кушайте.

Ну, это рачки такие, как саранча или стрекоза. Я первый раз их видел. Крыльев нет, ног нет, что там и жрать то. Я взял одну и сразу хлоп — в рот. А жена Сергея говорит:

— Вы зря ее не почистили.

Да я, говорю, никогда их не чищу. Самое вкусное в них — это шкурка.

А она продолжает:

— Вы, Василий, по какой части бизнесмен: по финансовой, по недвижимости или шоу-бизнес?

— Та шо вы, шо вы? Какой бизнес? Я, наверное, по недвижимости.

Она говорит, как интересно, расскажите.

Я говорю, вот в прошлом году у меня Валентина ногу сломала и три месяца в гипсе была. Так я ее звал русская недвижимость. Хотя она татарка, голубоглазая.

Короче, про бизнес отболтался, а вот коньяк они мне налили — влюбился я в него с первой рюмки. Выпили мы у них по бутылке на брата, и я думаю, ну, завтра все, хана, башка треснет. Утром проснулся, прислушиваюсь к ощущениям. Голова не болит, глаза открываются. И закрываются. А мысли, как песни идут, аж рифмованные. С ума схожу, что ли? Разбудил Валентину. Обычно у нее с похмелья лицо такое гладкое, как зад. А тут лицо как лицо. Нос, глаза, все прощупывается. И она говорит:

— Вась, что с тобой? Уж больно ты свежий для похмелья. Уж не заболел ли?

И тут дошло до нас, что коньяк — беспохмельный.

Бросились мы в магазин коньяк этот покупать, не потому, что голова, а так — для порядка, раз накануне

приняли. Я на бумажку название русскими буквами у соседа списал, говорю продавцу, одну. А она отвечает, 100 долларов. Вот тут то нас и хватануло похмелье. Оказывается, здоровье сто долларов стоит, один пузырь.

Бурду, конечно, пить мы уже не стали, стали копить на коньяк. Каждый день ходим трезвые, как последние банкиры. Собачку Кустика по двору выгуливаем чаще обычного. Обычно то раз в неделю.

Но у Валентины на работе неприятности начались. Она в столовой поваром. И вот после тех креветок отшибло у нее вкус к мясу. Даже с работы домой его не несет. Подавай ей каждый день креветки. Исхудала. Осталось то в ней килограммов сто. Подружки смеются, чо, говорят, Валентина, в манекенщицы пойдешь али в фотомодели, эротические.

Да еще бабки из соседних хрущевок оплевали ее всю. У нас сейчас двор железным забором огорожен. И вот бабки с утра идут к забору на дежурство. Берутся за прутья ручонками и злобно глядят на чужую жизнь: на «мерседесы», на женщин в шубах, на генералов в лампасах. И никого не пропустят. Генералов вообще куда подальше посылают, вплоть до Чечни.

А тут Валентина из подъезда вышла в драповом пальтишке. И они как начали в нее плевками плевать, слюневыми. Да с разбегу, да в прыжке. Чтоб доплюнуть. И кричат:

— Ишь, прикидывается, шубу норкой внутрь надела.

Я тоже попался по неопытности. Кто-то из нашего дома джип купил. Ну такой джипистый, что я подошел посмотреть. Я вообще не могу спокойно стоять, когда оно большое и джипистое. Я стою у забора, любуюсь. А за забором, оказывается, фронтовик в засаде лежал. Он там окопался, замаскировался и подстерегал клиентов из нашего дома, которые на джип, как на приманку, шли.

Я слышу, мне — щелк — по башке. Я оборачиваюсь — фронтовик за забором с клюшкой.

Я говорю:

— Ты чо, батя? Рехнулся?

А он говорит:

- Ты зачем на мои денежки джип купил?
- А когда это ты мне их давал?
- А я их и не давал. Ты сам у меня их отобрал.
- Дак они у тебя, что ли, были?
- Не было. А ты все равно отобрал.

И уж совсем была мне непонятна собачья ненависть. Нет, псы-дворняги из соседних дворов к жильцам-человекам из нашего дома относились даже с почтением. А вот к собакам из нашего дома — со страшной звериной злобой. Только выходит такой холеный дог-бульдог из нашего двора, псы-дворняги стаями вокруг него вьются и норовят откусить от туловища какой-нибудь член. Только хозяин и спасал палкой или еще чем, лучше факелом. Потом уже все наши собаководы на факелы перешли. Вечером смотришь в окно на собачий парк — факельное шествие. Потому что наши договорились собак выгуливать всем вместе, чтоб легче отбиться было.

А я еще такой феномен открыл — эти псы-дворняги даже своих женщин, ну, их сучек из нашего дома, не щадили. Раз выбегает из двора сучка течная, ну, красавица холеная. Да мимо такой, если б она женщиной была, ни один мужик не прошел бы. Как ее порода-то? В рот веер, вот — вротвейьер. Или эрдельпердель? Нет, вротвейер. Кобели, здоровенные дворняги, ее окружили и вместо того, чтоб... они ее б..., ну, они ее б... Они ее кусать начали.

Вот как! Идеология у них выше любви поставлена. Они прямо как Молотов в молодости — свою жену Сталину в тюрьму сдать могут. Такое вот у них большое и доброе собачье сердце.

Короче, злоба и ненависть окружили наш дом. И с первого числа по дому было объявлено осадное положение. Каждый день в семь утра из подъездов сначала выходили саперы. Они разминировали машины во дворе и обезвреживали мины-ловушки. Неразорвавшиеся снаряды взрывали в лесу за городом. Потом выходили жильцы. Каждый мужчина нес комплект колес от своей машины. Проткнутые колеса снимались, накаченные ставились.

Женщины выносили рули. Когда машины укомплектовывались — всем двором выезжали на работу.

Отдых после работы начинался с процесса выкупа заложников: бабушек, дедушек, кошек, собак, захваченных в рабочее время. Такса была четкая: за бабушку — две бутылки пива, за дедушку — бутылка водки. За тещу — коньяк. Они мне дали. В придачу.

После этого весь дом ложился спать по законам военного времени: тридцать процентов спит, тридцать — бодрствует, а тридцать — стоят в дозоре. Ну, то есть я сплю, жена смотрит телевизор, а теща стоит с топором у двери. Потом меняемся, если я проснусь. Но я еще пока не просыпался.

Вы спросите, а где еще десять процентов? А нету их. По законам военного времени, по уставу, процентов остается только девяносто. По уставу. Зато прямой угол — сто градусов.

Как-то ночью Валентина меня будит и говорит, Вася!

Я вскочил, шашку наголо со стенки:

— Что, Валя?

Она шепчет:

— Может, перейдем к своим? К маме опять переждем, ты на завод пойдешь.

Я шашку повесил, спрашиваю:

— А как же коньяк, а шампанское с креветками? Бросим, что ли?

— Да ну их к лешему. Водка, она ведь тоже хорошая бывает.

— Мне не попадалась. Ладно, давай после Нового года. А сейчас спи.

А Новый год наш дом справлял по-особому. Во дворе свою личную домовую елку поставили и сказали: «В час ночи все могут спуститься во двор на шутки, игрища, розыгрыши и аттракционы. В своем кругу, в час ночи».

Штурм дома начался в час пятнадцать. Все жильцы были в состоянии хоровода. На словах «порою волк, сердитый волк...» раздался взрыв под джипистым джипом, и на дворовые ворота полезли люди с кольями.

Вот тут-то наши генералы и пригодились. Ну, то есть штурм был проигран начисто. А генералы после взрыва оказались под елкой. Оно и понятно, в элитном доме генерал еще может жить, но воевать ему тяжело. Не для того же он в армию шел.

Мы стояли вокруг елки в плотном кольце нападающих. Акцию возглавлял тот фронтовик, который меня своей клюшкой щелкнул. Начал он красиво:

— Человек, шампанского!

И посмотрел на генерала под елкой. Генерал быстро превратился из генерала в человека и подал фронтовику стакан. Дед выпил, крикнул и сказал:

— А счас водки. Запить.

Запив, продолжил с крыши джипа, прижав кепку к груди:

— Значит, так. Ваши квартиры конфискованы и передаются трудовому народу. То есть нам. А мы вам, так и быть, отдаем наши. Со всем имуществом и клопами.

Первого января проснулись мы с Валентиной у тещи. Башка трещит. Нарезались ночью с горя. С азербайджанцами, тещиными жильцами. Закусывали анашой, курили какую-то дурь.

Вот, думаю, ядрена-ть. Надо было жить у тещи, когда выиграл. Деньги — в валюту, валюту — в чулок, чулок заварить в болванку, самому готовиться к штурму. И въехал бы сейчас в свою квартиру бесплатно. Я видел, все ребята из бригады в штурме участвовали.

Сейчас в моей, наверное, мастер спит. И коньяк мой за батареей, конечно, нашел, скотина. Жалко, месяц копил на него. Думал, в Новый год... эх!

Вот такая ротация вышла, язви ее. Поторопился я, бляха-муха. Вот и рокинулся обратно: из князи да в грязи.

Огляделся я, смотрю, азербайджанцы спят-хохочут с анаши, а Валюхи и тещи нигде нет.

Бросился я к нашему дому и увидел такую картину. Все бывшие жильцы стоят вокруг забора, ручонками схватились за прутья и зло смотрят, как из подъездов выходят новые жильцы. Я тоже встал, смотрю, мастер наш выходит. Лицо свежее, чистое. Значит, точно, коньяк нашел.

Бабушка с собачкой

Все! В Москве осталось всего три очереди: сдать бутылки, обменять газовые баллоны и — в Останкино, за славой. Раньше слава была по талонам, талоны делили в Кремле. Теперь доступ к славе — круглосуточно! За последнее время прославились: самые злобные террористы, самые наглые вымогатели, самые скандальные политики, самые грязные проститутки. Умом и совестью прославился только Ковалев. Досадное исключение. В семье не без урода.

Останкино в осаде. Штурм 93-го года — семечки. Сейчас вокруг телецентра по Лесам и болотам трясут бизнесмены, кавээшники, безголовые политики и безголосые певицы.

— Кто последний за славой? Почему она сегодня?

— Две секунды в фас — 10 тысяч долларов.

— У меня не хватит.

— Секунда в профиль — 5 тысяч.

— Все равно не хватит.

— Тогда полсекунды одно ухо в левом нижнем углу — тысяча. Дома скажешь, что это твое ухо.

— Конечно, мое ухо. Это же мое ухо мелькнуло, Тамара. Вот оно. Я записал на видяшку. Вот, стоп-кадр, смотри, мое ухо по центральному телевидению. Сравнивай!

Тамара через лупу изучает живое ухо мужа и говорит:

— Твое, твое ухо. Сходи в ванную.

В Москве горят все светильники и фонари. Так и хочется крикнуть: куда же смотрят хулиганы? Почему не поддерживают беспорядок? Они устали. На каждый разбитый фонарь Лужков отвечает двумя горящими. У хулиганов больше нет сил. Они опустили руки. Высунули язык. Сдались.

Капризный столичный журналист нашел сенсацию:

— В Москве улицы от снега плохо убираются.

Милый мальчик, ты сними с себя бигуди и съезди

в Омск. Там полторы тысячи танков под снегом уже

второй месяц ищет вся дивизия. В Нью-Йорке снег выпал — сорок человек сразу погибло. Причем тридцать девять — от страха, что увидели снег. А один — от старости. Две недели машины по городу не ездили. Водители боялись, что погибнут, как те тридцать девять.

А в Москве по Арбату носятся шесть дворников с лопатами за одной снежинкой. Усатый первым накрыл ее корпусом, сунул в карман и унес в контейнер. А пятеро других до слез в глазах вглядываются из-под руки в солнечное небо и ждут другую снежинку.

На смерть Иосифа Бродского кто-то уже написал первую строчку: «Погиб поэт, невольный вольник...» И задумался над второй, глядя на бюст Лермонтова. Бюст стоит в палисадничке напротив банка. Там есть место и для второго бюста. Спеши, поэт, пиши вторую строчку. А то не успеешь. Вчера банкир из банка что-то мерил возле бюста шагами.

Возле банка, на задворках, на скамейке живет бездомная бабушка с собачкой. Обе прилично одеты и хорошо выглядят.

— Что ты, сынок,— говорит бабушка,— какой интернат? Здесь свобода, а в мусорках сейчас такое изобилие. Не мусорки, а супермаркеты, все есть. Такого раньше и в магазинах не было.

Тут давеча двое в штатском за одним в форме гнались. Дак он незаметно бросил за угол сверток. В нем 6000 долларов было, килограмм героина и пистолет Макарова с пятью обоймами. Я счас и за пенсией не хожу. А потом, я укором перед банкирами сижу — работаю. Они выходят, довольные, карманы полны денег, а тут я — правда жизни. Они и подают, кому сколько не жалко. Нагрешил, сними грех — подай бездомной бабушке. А у меня свой счет в банке.

То там, то сям шахтеры стучат касками по мостовой. А надо — себе по голове, советует советник Президента. Они попробовали — получилось. Так загудело, что министр услышал — дал зарплату. Да и в головах прояснилось, поехали домой работать.

Злее шахтеров в Москве только таксисты. Раньше вся страна была на пайке и только у них были рыночные отношения. А теперь перед рынком все равны.

— Это здание Лукойл строит,— хрипит таксист,— ничего, пусть достроит, а мы придем к власти и отберем. Конечно, такую красоту построить мы не умеем. Зато отбираем лучше всех. Ха-ха-ха. А можно и взорвать,— добавляет он по-деловому.

Кроме бабушек с полиэтиленовыми пакетами и пачанов с газетами, никто не работает. Все просят: шахтеры — у министра, министр — у Президента, Президент — за границей. Дай, дай, дай. Галоши и фуфайки в дефиците. За границей их не производят, поэтому и у нас их нет. Крестьянка из Рязани плачет на Калининском. Говорит, купила сапоги итальянские на шпильке, пальто до пола красное из Парижа, пошла корову доить. А бычок Борька вырвался из конюшни и на меня бросился. Я еле успела пальто скинуть. Он его в полете рогом к избе пришил. До сих пор там стоит.

Да, есть еще очередь за компьютерами. В подвал жилого дома вьется она, как в былые годы за спиртным.

В очереди — колхозники, рабочие, военные, интеллигенция.

Бедный скульптор Шадр не дожил до этих дней. Он бы назвал сейчас свою скульптуру «Компьютер — орудие пролетариата».

По нашему же телевидению говорят, самое соленое в мире — Мертвое море мое. Я категорически возражаю. Вы попробуйте то море на вкус, а потом лизните лужу на Садовом кольце. И поймете, что то море еще солить-доливать надо, чтобы оно дотянуло до нашей лужи.

А весной, конечно, самой соленой в мире становится Москва-река. В ней не то что газету лежа можно читать, вообще можно ходить пешком, как по ртути. А нам показывают «Доктор нэче». Она личико свое ополаскивает из моря. Да наша лужа соленей и полезнее. В ней здоровья больше. Из нее и надо умыться.

Зимой милиции легче работать. Они на глаз определяют: приезжий-неприезжий. Если соль из подошек спускается волнами по человеку до самых подошв — это значит, коренной москвич идет. Или африканец.

Вместо кафе — банк, вместо шашлычной — казино. Нормального питания нет. Осталось два вида: быстрое и медленное. Быстрое — когда на ногах, в проходе, одной рукой пьешь колу, другой — прикрываешь бутерброд, чтоб не унесла попрошайка, которая уже шестой раз подходит и просит. Ногами отгоняешь голодную кошку, которая уже зацепила сардельку ногтем и тащит со стола. И медленное: когда попрошайки нет, кошки нет, толпы нет, зато всех сразу заменяет официант. Он сделает то же самое, медленно, положив перед вами счет.

Символ Москвы — ночной клуб «Эдем». Фасад зеркальный, а зад — фекальный. Но это же лучше, чем все коричневое, как раньше. А вы представьте, что будет, если в один прекрасный день вся страна заработает.

И так жалко отдавать столицу опять не в те руки. Опять рвутся к власти генеральные товарищи. Мы только сейчас поняли, насколько жизнь разнообразна, а нас опять хотят привести всех к серому цвету.

А может, подождете, товарищи генеральные товарищи? Мы вас 75 лет ждали. А вы четыре года еле вытерпели. Я понимаю, плохо без власти. Ни тебе запретить, ни тебе указать, ни тебе посадить, ни тебе расстрелять. Надо привыкать работать.

Надо всем привыкать работать. А если нет, то меняю: наших генеральных товарищей на их ведущих бизнесменов.

По принципу: всех на всех.

Самолетики

Деньги нужны сейчас. А слава меня и посмертная устроит.

* * * *

Российская езда: рулит один, газует другой, тормозит — третий.

* * *

В реальной жизни эротика никогда не бывает слишком много, как и денег.

* * *

Три стадии деградации личности:

1. Бросить пить.
2. Бросить курить.
3. Начать копить деньги.

* * *

Добро должно быть с кулаками, а красота — с клыками.

* * *

Рецепт вечной молодости:

Периодически растягивать сантиметр морщин в метр кожи.

* * *

Из письма графомана.

Пушкин всю осень сидел сочинял, а я за три дня сочинил столько же.

* * *

Деньги, как солдат в бою, надо сосредоточивать на главном направлении.

* * *

Отец русской демократии — Сталин. Все, кто через лагерь прошел, стали демократами.

* * *

Налоговая полиция:

- А у вас кражи, ограбления были?
- Нет еще. Вы — первые.

урод всегда подчеркивает свою красоту, а дурак — свой ум.

* * *

Три стадии формирования кулинарного вкуса:

- любовь к куриным ножкам,
- любовь к куриному филе,
- только крылышки! Жареные!

* * *

Заповедь налоговой полиции:

Лысого не стригут. Стригут тех, кто растет.

* * *

— Что такое високосный год?

— Это когда бьют в висок кокосом.

...ое медовый месяц?

...тогда молодожены гонореем подхватили.

* * *

Если воруют все и у всех, то в конечном счете национальный продукт распределяется правильно.

* * *

Богатый от бедного отличается больше, чем мужчина от женщины.

* * *

Советы охотникам.

С маленьким ружьем ходят на зайца. С большим — на волка. А с огромным бумажником ходят на женщин.

* * *

Что бы мы ни пытались построить, все равно получится социализм.

* * *

Напутствие мужа жене:

...Когда первая радость от моей кончины пройдет, займись делом.

* * *

Если пьяница сам на себя напишет характеристику, там обязательно будет строчка: «Ведет трезвый образ жизни».

* * *

Мечтать, надо мечтать!

И вы получите 2 удовольствия: когда мечтаете и когда эта мечта сбудется.

* * *

В этом году бабье лето наступило очень поздно. Баба попалась сильно старая.

* * *

— Алло, ваш муж еще не лег в постель?

— Может, и лег, но его нет дома.

* * *

Семейная жизнь — это борьба «Тык-в-одно».

* * *

В мировой океан литературы надо капнуть и свою капельку уксуса.

* * *

Налоговая полиция — все виды тюремных услуг!

* * *

Сейчас мужьям разрешили присутствовать при родах. Скоро и женам разрешат присутствовать при зачатии.

* * *

Мужчины до 20 оценивают женщин по принципу: лишь бы не мужчина. С 20 до 40: чем красивей, тем лучше; и после 40: все, что попадетс-ся, но не старше 20.

* * *

Женщины до 30 оценивают мужчин: чем красивей, тем лучше; с 30 до 40: чем богаче, тем лучше; после 40: все, что попадетс-ся, но не старше 20.

* * *

Строитель тот, кто построил больше, чем разрушил. А если разрушил больше, чем построил, — это почетный строитель.

* * *

— Где тут у вас директор сидит?

— Он у нас еще на свободе.

* * *

костюм нужен спортсмену для того, о больше входило.

* * *

Да что это за спорт такой — авторы-ли? Ни покурить, ни выпить за рулем.

* * *

Наказ российских избирателей Президенту:

— Повернуть Уральский хребет на 90 градусов, чтоб ветром не дуло.

Предвыборный ответ Президента:

— ...Что, канешна, сделаем, понимаешь.

* * *

— Кого вы считаете самой сексуальной женщиной?

— Свою жену. У нее такая маленькая зарплата.

— как вы относитесь к реформам в Китае? Можно брать с них пример?

— Их полтора миллиарда, китайцев, а нас — 150 млн человек. По сравнению с китайцами нас просто нет. Примеры здесь неуместны.

* * *

— Как вы относитесь к женщинам?

— Каждой в отдельности я восхищаюсь. Я отношусь плохо к женским политическим движениям. В них участвуют женщины, похожие на мужчин.

* * *

— Что надо делать, если не знаешь, как поступить?

— Надо выпить. И поступишь, как не надо. Зато будешь знать, как надо было.

* * *

— Как относитесь к рекламе?

— Представьте. Когда Гамлет прерывает свой известный монолог и кричит: «Купи себе немножечко полбу!»

* * *

— А какая реклама вам бы понравилась?

— Вывеска на магазине: «Пришедший сюда с проблемой выйдет с покупкой. И двумя проблемами».

* * *

— Взятка — это подарок или преступление?

— Это набор денежных купюр в конверте. Значит, ценное письмо.

* * *

— Что вы скажете о том, что демократы много воруют?

— Воруют не демократы, а люди. И этим в государстве должны заниматься другие люди — милиционеры.

* * *

— Какая у вас национальность?

— Тунгусский метеорит.

* * *

— Главный закон нашей экономики?

— Долг неплатежом красен.

* * *

— За что сняли Генпрокурора, за то, что он нарушил закон?

— Нет, за то, что выполнил.

* * *

— Что вы считаете временным, что постоянным?

— Власть — понятие временное, талант — постоянное.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю из будущего.....	3
До чего же мы разные.....	6
Н юхач	8
Частник.....	11
Облава.....	13
Ну нельзя так жить, по-богатому!.....	16
Босиком	19
Травма.....	22
Как погода?	25
Взятки гладки	27
К любовнице! <i>Застойный роман</i>	30
Папаша Паша	33
1-й ЗАКОН СОЦИАЛИЗМА	
Однофамильцы	35
Последнее слово	38

В разгар сезона	40
Речь перед конкурсом	42
Очереди	44
Плодово-ягодный роман	47
Не откладывайте на завтра	50
Окрошка	52
Безразмерные женщины.....	53
Бабушка отоварилась. <i>Рассказ ребенка</i>	56
Прощальная пломба.....	59
Мест нет!.....	61
К сатирикам	64
Экскаватор	65
Пусть	68
Выписка из личного дела.....	69
Юный пенсионер	72
Железный курильщик	75
Молчат и строят	77
Высокий гость	80
Гласность Ивановна.....	83
Прямой эфир.....	87

Химия или жизнь.....	89
В генеалогических дебрях	94
За державу обидно. <i>Монолог напуганного стикера</i>	97
Аты-баты, шли дебаты	99
Палата Наполеонов	105
Сдвиги	108
Эстафета для букета.....	110
Встреча с Шопеном.....	113
Новый дом	116
Смертельный рейс.....	118
Садик	120
Цветовозы России	123
Полушубок	125

ВИННЫЙ ОТДЕЛ

Тамада.....	129
Свадьба с режиссером	131
Хэллоу, Ньюа!	138
Пансионат для желудочников.....	140

Захват Зеленого Змия. <i>Отчет</i> <i>руководителя группы захвата Зеленого</i> <i>Змия Председателю городского общества</i> <i>трезвости на совещании</i>	143
Пыхти, моя родимая.....	146
Вздремнул	148

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Театр	153
Ночное шоу	155
Алименты при луне. <i>Эротическая</i> <i>диалогия</i>	163
Мяу!	169
После свадьбы.....	173
Возвращайся. <i>Плач-романс начинающего</i> <i>инженера с окладом 120 р.</i>	175
Дружная семья	177
Елка для Толика.....	180
Ты не ласков со мной.....	182
В Москву! В столицу!	186

Хоть разорвись!	188
Наш Федя.....	192
Мальшок	193
День рождения. <i>Рассказ ребенка</i>	196
Начинающий сатирик	198
Как жить, скажите?!	202
Верю!.....	204
Просветление	208
Так доживем!	211
Принц и Ницше.....	214
Голые тетеньки	219
Пособие бизнесмену	225

ВЗГЛЯД СВЫСОКА

Гуманоид Матозоид	229
Визит в село Обабково. <i>Репортаж</i> <i>из стенгазеты «Обабковский фермер»</i>	231
Рекс и его друг — я	235
Прочь сомнения	236
Книголюб.....	239

В буфете.....	241
Спортсмен в законе	243
Невеста в шляпе.....	246
ОНО.....	248
Так нельзя! <i>Монолог инженера</i> <i>по технике безопасности</i>	250
Полетел Коля	253
В курортный город Билимбай	255
Передача	259
Похудей сам	263
Клещ — не лещ	266
Чу! Грипп идет!	268
Начинающий охотник.....	270
Маскарад в лесу	272
Красавица ЖБИ-89	275
Где-то в Ницце за границей	279
Полено заколдованное	293
Уголок капитализма	296
Бабушка с собачкой.....	303
Самолетики	307

Холобок В. И.

X 73 Красный уголок капитализма: 100 смешных рассказов.— Екатеринбург,— Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997.- 320 с., ил.

ISBN 5-7529-0663-6

В пер. 5000 экз.

Новая книга екатеринбургского писателя, автора юмористических сборников «Гласность Ивановна» (1989) и «Босиком» (1990).

4702010201—002

X

М 158(03)—97

Без объявл.—97

ББК 84.Р7

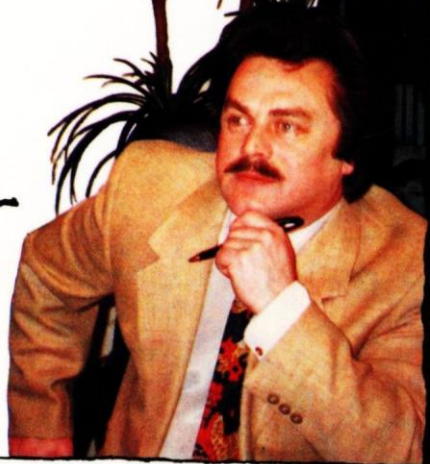

В книге исследуются следующие вопросы:

- о перспективах переименования России в Газпром;
- миллионер – это количество денег или состояние души?
- экономические хулиганы требуют для себя статью в уголовном кодексе;
- СПИД или рак? – новое поколение выбирает лучшее;
- комсомольцы как могильщики коммунизма;
- кто принимает наши личные решения;
- о самом интимном месте мужчины – бутылке;
- ностальгия по прошлому:
«...Дурдомом сладким веяло...»
- демократ –
это звучит «К стенке!»?
- реклама как
адресное бюро для рэкета;
- между рассказами –
сама реклама: «Инвайт –
просто попей воды»

В. Колосов

Екатеринбург

Средне-Уральское книжное издательство

1997